

АЛЬБИНА ЯБЛОНСКАЯ

Я ВОЗЬМУ ТЕБЯ НА РУКИ

— Я уставшая мать-одиночка — пытаюсь воспитывать сына. — Пацаны нуждаются в отцах. Это нормально. — Мы с тобой настолько разные: ты сильный, зрелый, завидный мужчина. Бизнесмен. А я... — А ты нуждаешься во мне. — Я не могу ходить, Руслан. Прикована к инвалидной коляске. Что будет, когда начнутся ступеньки вверх — я не встану, не пойду. А что сделаешь ты? Найдешь себе другую? — Я возьму тебя на руки. Счастливый финал

Тома

Мои ноги отнялись, когда я родила.

"Да, такое бывает", — развели врачи руками. А мой законный муженек, мой ненаглядный супруг и по совместительству биологический отец первенца — он просто испарился. Натурально струсил. Оставил меня парализованной, с ребенком на руках. Ведь руки сильные. А значит, выберусь как-нибудь. Обязательно выберусь из ямы. Из этой чертовой черной дыры нищеты и проблем. Ведь муж понимал, что поддерживать меня и Ромку он не будет. Ему не нужна обуза, не нужна больная жена.

И мы развелись, я осталась одна. Пускай, считай, без ног, но с сильными руками. И эти руки делали все: пеленали малыша, убирали, стирали и гладили, шили вещи на дому. Благодаря последнему, собственно, мы и выжили. Я. Мой любимый сын. И никакого мужика — пошли они к черту, коль такие тряпки и боятся брать на себя ответственность.

С тех пор прошло уже десять лет. Я привыкла жить наедине со своими проблемами. Ведь я никому не нужна. Вообще никому, кроме собственного ребенка. Я была в этом просто уверена.

Пока не встретила Руслана...

— Алло, сына! Рома, ты меня слышишь?!

Я лавировала в плотном потоке машин, умудряясь газовать и тормозить, переключать передачи, поворотники и дворники. А еще — наяривать ребенку в школу, пока перемена. И все это вручную. Ловкость рук — и никакого мошенничества.

Только и успевай дергать рычаги. Если бы они еще и нажимались нормально, без этого адского усилия...

Блин блинский! Нажимайся же!

— Алло, мам, — ответили в трубке звонким детским голосом. — Почему ты звонишь? У меня скоро урок...

Хоть Рома и взрослеет постепенно, но я его все равно вижу ребенком. Думаю, у всех так — у всех мам на свете. Даже если мальчик совсем вырос, то ты все равно его помнишь в первую очередь как крохотный комочек в байковых пеленках.

Дети. Они всегда остаются детьми. А там, где дети — там всегда будут и хлопоты.

— Сына, что случилось, что произошло?! Почему меня вызывают к директору?! — В то мгновение мне кто-то стал жутко сигналить — будто от моей проворности на дороге зависела чья-то жизнь. Я глянула в зеркало — ничего особенного. Никакой скорой помощи я там не увидела — самый обычный большой черный джип, на котором ездят всякие хамы на понтах. — Своей бабушке на ухо посигналь, дурак!

— Что? — растерялся Рома. — Я тебя не понял, мам — тут все шумят, я в раздевалке, у меня физкультура скоро начнется.

— Я звоню тебе потому, что только что мне позвонила завуч школы и сказала, что меня срочно вызывают к директору!

— Почему?

— А вот это я у сына хотела спросить! А то мне говорят, — перекрикивала я гул старой доброй механической коробки передач, изготовленной еще, наверное, в советское время,

блин, — говорят, что мой застенчивый и добрый сын вдруг взял и подрался с одноклассником!

Рома умолк. Мне даже показалось, что нас разъединили. Я убрала телефон от уха, чтобы убедиться — "Мамин Зайчик" (так подписан у меня контакт) все еще на линии. И все было нормально. Мальчик просто молчал и тянул время. Пока сзади мне моргали фарами, сигналили и чуть ли не таранили в зад машины.

Но что может быть важнее разговора с сыном?

— Это неправда.

— Что?

— Говорю, что это ложь. Заучка тебе наврала. Я никого не бил.

— То есть... — была я в недоумении. — Да давай уже, рожай скорее! — крикнула я как бы владельцу черного джипа сзади, но вышло так, что наорала на динамик телефона у себя под подбородком. — Сколько можно телиться — я уже скребу бочиной по отбойнику!

— Да я скажу-скажу, не кипятись только, мам!

— Рома, прости, я не тебе... Продолжай. Мама тебя слушает. Тут просто идиот какой-то все никак не может обогнать мою старушку. Будто не дорога тут, а космос просто... В общем, завуч мне говорила, будто ты ударил одноклассника в школьной столовке во время обеда. Это правда? Только честно.

— Я его не бил, клянусь. Я не вру, мам. Честное слово.

Мне от его клятвы сразу полегчало.

— Ох, сына... Как же хорошо. Молодец, что не бил его. Это правильно. Насилие ни к чему хорошему не приведет. Ты должен показывать себя с хорошей стороны, зарабатывать авторитет у учителей, стараться, чтобы тебя знали как ответственного и порядочного мальчика. Ты ведь уже большой, тебе десять лет. Драться плохо, помни об этом... Спасибо за правду, маме полегчало.

— Я просто макнул его мордой в перловку.

От услышанного я резко дернула не тот рычаг и выпустила телефон из рук. Тот упал куда-то под сиденье. И пока я судорожно шарила рукой по грязному от слякоти полу — в меня реально чуть не въехали. Владелец черного джипа озверел и стал сигналить без умолку, просто не убирая ладони с клаксона.

Но новость о перловке меня просто шокировала.

— Что?! Как это могло произойти, Рома?! Как?! Почему?! Объясни своей маме, пожалуйста!

— Потому что сегодня была перловка.

— Нет, я не об этом! Мне все равно, чем вас сегодня кормили! Зачем ты макнул одноклассника мордой... то есть лицом, — пыталась я дышать как можно глубже, — макнул его в кашу?!

— Пашка обзывался. Говорил, что я "безотцовщина". И при этом расхваливал своего папку. Говорил, какой он мастер на все руки и как много он зарабатывает денег. И после каждого слова смотрел на меня, чтобы увидеть мою реакцию.

— О боже...

— А затем сказал при всех, что у меня отца вообще нет! Будто я этого, блин, не знаю!

— Вот же гаденыш... — Все оказалось куда хуже, чем я могла представить. Так не должно было случиться. Дети бывают такими жестокими. И ведь теперь ничего не докажешь. Ромку сделают крайним, а того Пашку все будут жалеть. Ну почему судьба так

несправедлива? — И ты его за это макнул лицом в перловку?

— Да.

— Пф... — выдохнула я, грустно кивая запотевшему лобовому стеклу. — А перловка была горячей?

— Только из кастрюли.

Ответ звучал как приговор. Все было очень и очень серьезно. Вплоть до ожогов на лбу.

— О боже, Рома... Что же меня ждет в кабинете у директора? Какой-то дурацкий сон, ей богу. Ну да ладно... — Надо было принять реальность и все переварить. Я ведь взрослая, сильная баба. Понимаю, кто прав, а кто виноват. Но жизнь такова, что приходится прогибаться и помнить свое место. — Что-то еще, мой перловочный мститель?

— Да, еще нам по трудам задали бревно обстрогать.

— Бревно? Почему вдруг бревно?

Черный джип опять укрыв меня гудком своего клаксона.

— Ну... Трудовик дал мне домой полено и...

— Можешь в одно место его себе засунуть!

— Мам?

— Да заткнись уже! Достал! Что ты мне "би-би" — бибикает он мне своим клаксоном! Я тоже клаксонить умею! — Вжав заветную кнопку до упора, я всласть "напугала" придурка за тонированными стеклами. И снова вернулась к разговору с сыном. — Извини, это я не тебе. Так что там с поленом? То есть бревном... Есть вообще разница?

— Трудовик сказал, чтобы я со своим отцом... — На этом моменте Рома запнулся. И мне стало стыдно. Не за себя — за того мудака, который должен был помогать в такие вот непростые минуты. Хотя бы что-то построгать вроде скворечника. А то... Сына он, видите ли, настрогал, а дальше? — Сказал обтесать его и сделать заготовку для резьбы.

— Черт. Блин. Заготовка для резьбы, чтоб ее... — Терла я лоб локтем, пока рука переключала скорость на пониженную — надо обогнать трамвай, а то я опоздаю на прием к специалисту. — Послушай, сына. Ты вроде говорил, что твой одноклассник был согласен помочь. Что у него папа держит мастерскую столярную, и он может все решить за блок жвачек. Как его там звали? Ты мне вроде говорил на днях, но я забыла...

— Это был Пашка.

— О, — озадачил меня ответ. Не может быть. Только не так. — Я надеюсь, это другой Пашка?

Но Рома все разрушил. Никакой пощады для моих надежд на легкое решение проблемы.

— Нет. Тот самый. Которого я в кашу мордой макнул. Когда он своим отцом офигенным хвастался.

— Черт. — Это было полное фиаско. Просто хет трик в свои ворота. — Черт-черт-черт... Ладно. Что-то придумаем. Тащи бревно домой. Руки у меня сильные — что-то да точно сделаем с этой корягой.

— Извини.

— Кошмар какой-то, а не день. И почему именно бревно? Не рано ли вам бревна эти обтесывать? Я вообще не помню такого, чтобы меня на трудах заставляли бревна строгать.

— Это потому, что ты девочка. У девочек шитье.

— Ну вот. С шитьем бы я тебе шикарно помогла. Я же швея. А тут — бревна эти чертовы. Блин блинский. Почему ты не родился девочкой, Рома? Мне бы с тобой было намного проще тогда. С вами, пацанами, порой так сложно. Ничего не понимаю. Как себя

вести?

— Извини, мам. Но я должен идти. Урок начался, физрук всех выгоняет из раздевалки. С телефонами в спортзал нельзя. Так что пока, наверное.

Я уже почти доехала до пункта назначения, как тут вдруг черная громадина возьмет и обгонит меня. Да и не просто обгонит, а самым наглým образом обгонит и прижмет к обочине. Я банально уперлась в коренастый джип и едва-едва затормозила.

— А! Елы-палы, что же это делается-то в самом деле?!

— Что произошло?!

— Меня подрезали, сына — подрезали на дороге! Обогнали и резко тормознули прямо перед носом!

— Выруливай, мама, выруливай скорее! Это бандиты! Я в интернете видел! — инструктировал сын, пока я потными руками дергала рычаг переключения на реверс. Но задняя никак не втыкалась, скотина. — Они тебя грабить собрались! Выруливай, сдавай назад! И дверь закрой на ключ сейчас же!

— Закрыла уже, закрыла!

— Если это полицейские, мам, то они могут быть ряжеными! В настоящей полицейской форме! Оборотни в погонах!

— Да нет, сына, это просто псих какой-то на крутой машине! Я лучше вырлую и обойду его по встречной! Вот же придурок!

Вращая тугой руль, я протискивалась между рядами и старалась выбраться из передряги без потерь. И отделаться легким испугом, но... Все пошло совсем не так. Я наделала делов.

Я. Наделала. Делов.

— Ну все, мам, я пошел на физру! Люблю тебя и целую! — А я сидела за рулем и понимала, что вляпалась по самые уши. — Мам? Ма-ам? Все хорошо?

— Сын. Я поцарапала большой и черный джип... Мама тебя очень любит.

Руслан

Тот день не заладился у меня с самого начала. Ну вот просто с самого утра как посыпались косяки — так они и лезли изо всех щелей, как из Рога Изобилия.

— Да, Петрович, — принял я звонок от главного инженера нефтебазы. — Что там у тебя? Все хорошо, насос готов? А то я разговаривал с поставщиком — к нам вот-вот должен приехать поезд с...

— В этом и проблема, Руслан... Николаевич.

Когда он так говорит — называет меня по имени и отчеству — это означает, что Петрович накосячил. Когда-то давно мы вместе начинали с этой нефтебазы. Я — простой механик. Он — главный инженер. Прошло время, я много трудился, поднялся, выбился в люди. Сначала выучился на оператора насосной станции. Затем — пошел на повышение, став руководителем предприятия. Ну а потом... Потом я просто выкупил активы учредителей и стал единоличным владельцем небольшой, но стабильно работающей нефтебазы.

А вот Петрович как был инженером, грешащим запоями, так им и остался.

— Ну что еще случилось? Не темни. Давай. Говори уже прямо. Петрович... Петрович?

В это мгновенье я уперся в старую "шошу". Она едва тащилась в единственной доступной полосе, как будто уже ползла на свалку. Ехала не спеша в свой последний путь. И ведь пускают такую рухлядь на дороги общего пользования... Да у меня даже самая первая машина выглядела лучше. Хотя тогда даже прав еще не было.

— Кхм... Извини... те, Руслан Николаевич, но...

— Ты же не хочешь сказать, что люк четвертого резервуара снова заклинило? Я же говорил его почистить от ржавчины еще на прошлой неделе... — Я начинал закипать. Старая кляча впереди не давала мне проехать. Как только я пытался втиснуться слева — она сразу же сдвигалась к середине проспекта. Как будто специально не дает проехать, идиотка. И ведь правда — идиотка — за рулем сидит девушка. — Да чтоб тебя! Какой позор! Ты меня бесишь!

— Простите, шеф. Виноват, — принимал все на свой счет мой безалаберный инженер, которого я держал на работе по одной простой причине. Мне его было жаль.

Когда-то он стал для меня наставником. Всему научил. По сути, Петрович дал мне путевку в жизнь и отчасти даже заменил отца, которого я не знал с самого детства. И да, я терпел его неряшливость, разгильдяйство, запой. Рука не поднималась просто взять и уволить этого ленивого борова. Он стал почти родным. Хотя в такие моменты хотелось взять его за плечи и хорошенько встряхнуть.

— Да это я не тебе — тут какая-то баба задком виляет.

— Красивый задок?

— Задок ужасный, Петрович. Гнилой и грязный. Все налипло, висит и болтается. Такое чувство, что вот-вот отвалится и упадет на асфальт.

— Святые угодники...

Петрович задумался и попытался все представить в своем ограниченном воображении. Конечно, я его спас от мучений.

— Да не вижу я ее "задка" — только зад машины. И там явно уже все сгнило. Так и

сыпется песок вперемешку со ржавчиной. Давай уже вали в свои салоны красоты! — кричал я в лобовое стекло с высоты внедорожника. Видел все, что происходит за жигуленком, но проехать не мог. Хоть бери и по крыше едь. — Что ты делаешь, дура?! Угробить нас решила?! — Развалюха снова дернулась влево, захлопнув калитку для обгона. Мы как будто в гонках, блин, участвуем. — Ну ты видел это, Петрович?! Видел, а?!

— Нет, Руслан Николаевич. Простите, но не видел. А что там?

— Чуть не врезалась в меня — зад едва не впечатало мне в крыло!

— Да ее носит просто, видать. Сегодня гололед, ноябрь все же, — оправдывал Петрович незнакомку, даже не видя ее потуг удержаться в потоке. А я на это пялился уже добрых минут десять. Пока меня, между прочим, ждет управляющий банка. У нас ведь сверка ровно в три часа... — Резина небось лысая. И летняя. Вот корму и носит то влево, то вправо.

— Мне все равно, — отмахивался я. А сам прекрасно помнил, как это — жить в нищете. Когда не можешь ничего купить. Не можешь ничего решить. Из этого порочного круга не так-то легко выбраться, если ты не шибко сильный. Но я этот путь прошел. И входить в положение других не собираюсь. — Какого черта ты творишь, придурочная?!

Эта слепая курица просто взяла и затормозила на ровном месте. У меня тупо сработал датчик безопасности. Она тормознула — и я всеми четырьмя колесами вгрызся в асфальт, чтобы не поцеловать кривой бампер.

Через секунду "шоха" снова поехала, но это уже чересчур. Она меня проучить, значит, решила? Проучить меня?! Решила показать, кто тут главный на дороге?!

Сейчас я ее проучу... Моргнув напоследок фарами и дав контрольный гудок, я пошел на обгон по сугробам. Таких обнаглевших надо наказывать.

— Руслан Николаевич. Тут нарисовалась одна проблемка.

Голос инженера не предвещал ничего хорошего.

— Сейчас, Петрович, сейчас. Я обгоню эту фурию — затем поговорим уже в нормальной обстановке. Уже почти объехал...

— Насосная станция не готова к приезду состава. Потому что турбинный компрессор накрылся. Мазут не поступает в центрифугу.

Эти слова сработали как будто стоп-кран. Я обогнал забрызганный грязью жигуленок и хотел поддать газку, но в последний момент опешил. Машинально дал по тормозу, застыв на дороге как вкопанный.

— ЧТО?! — Меня просто порвало. — Накрылся компрессор?!

— Д-да... Руслан... Николаевич. Ему точно уже гайки. Я проверил и... В общем, его надо снимать и капитальить. Нового такого не найти, чтобы быстро провести замену. Это только с завода заказывать надо, а до него дай боже. Он неделю будет ехать. Так что... Капитальить. Да. И... сам я не справлюсь — мне нужна твоя помощь. Ваша помощь. Руслан Николаевич.

Я закрыл на секунду глаза и попытался взять себя в руки. Сзади мне сигналила ведьма на советской метле. Но мне на нее было плевать. Петрович только что сказал, что крупнейшая поставка мазута за весь год будет сорвана из-за гребаного КОМПРЕССОРА который он должен был проинспектировать еще месяц назад.

— Петрович... — выдохнул я, все так же бухтя двигателем посреди проспекта. — Это просто какая-то злая шутка. Почему я должен делать все САМ? Все, — повторял я по частям, — сам... — Я натурально закипал, как чайник. — Просто возьми и почини этот чертов компрессор! Сделай это быстро — до конца этого дня, а то...

— Я не могу.

— Что? — мне показалось, что я ослышался. — Что, извини?

— Я не могу это сделать самостоятельно, шеф. Я инженер, а не механик.

— Ну и что, что ты инженер, а не механик, Петрович! Я вообще, между прочим, директор компании! И должен теперь в хорошем костюме и белой рубашке ехать на нефтебазу, чтобы менять с тобой вонючий, в прямом смысле слова, КОМПРЕССОР. Который надо было проверять нормально — делать это своевременно, чтобы не было такой фигни!

— Я понимаю, шеф. Простите. Провтыкал. Надо было провести ремонт еще летом. Мне показалось, что там еще есть ресурс на пару-тройку...

— К нам завтра завезут тысячи тонн мазута, потому что я рассказал поставщикам, что мы тут просто какие-то рок-звезды! А теперь мы будем выглядеть, как кучка придурков! Контора неудачников! Черт... — скрипел я зубами, заглушая в себе гнев. Но тут почувствовал, как скрип перерос во что-то слишком громкое. Скрип доносился... Снаружи?

— Так мне вас ждать на базе или...

Машина сзади выехала на встречу и наглым образом притерлась ржавым кузовом к моей отполированной бочине. Просто взяла и ОСТАВИЛА БОРОЗДЫ НА НОВОЙ КРАСКЕ!

После этого ведьма дала по газам и умчалась вперед. Все так же виляя задом на скользкой дороге. Ее корыто растворялось в серой слякоти, как и надежда на хороший удачный день — когда все запланированные дела решаются, а работа спорится.

Эти царапины на кузове стали для меня последней каплей. Этот сломанный компрессор. Вся эта жвачка от Петровича, что сам он не справится и нужны умелые руки на объекте. Все это стало одним целым — многоярусным тортом. А вишенка на нем — эта девка за рулем. Как обезьяна с гранатой. И эта обезьяна дает деру.

Ну уж нет! Ты от меня не уйдешь, паршивка! Ты мне сейчас за все заплатишь — и за ремонт дорогой машины, и за испорченный день!

— Так, Петрович, конец связи! Тут меня пытается убить какая-то баба за рулем! Сейчас разберусь...

Вообще я не обидчивый. Не злопамятный. Но эта набитая хамка на дороге — она меня реально вывела из себя. Так нагло поцарапать чужую машину и даже не остановиться.

Может, я бы и не стал требовать от нее денег на ремонт. Вполне возможно, что царапины неглубокие — хватит даже полировки без выпрямления кузова и прочих ухищрений. Но ее наглость — это беззаботное бегство от ответственности... Мне такое претит в принципе. Не люблю таких людей — которые натворят, а затем убегают. Оставляют проблемы за спиной, как будто их не существует. Исчезли. Пускай кто-то другой разгребает. Ага. Конечно. Ведь поцарапанная машина — проблема владельца этой машины. Почему бы мне не проглотить этот фокус и не решить все самостоятельно?

Нет, красапета. Не сегодня. Сегодня явно не твой день. Потому что я у тебя на хвосте. Я иду за тобой по следу, как ищейка. Как большая белая (хорошо — черная) акула за своей жертвой. И как только ты где-то остановишься...

Так. Она повернула в сторону больницы. Нырнула на парковку возле поликлиники. Но не тут-то было, глупышка. Все занято — свободных мест нет. Только одно осталось, и оно не для тебя, ведь оно для... инвалидов.

Вот же дрянь! Она припарковалась на место для инвалидов! Наглая морда — ненавижу таких персонажей! А ведь я бы так не сделал, хотя езжу на пафосном внедорожнике! Я бы

никогда не занял место для людей с проблемами здоровья!

— Эй! — выскочил я из машины, оставив ее на "аварийке" прямо посреди заезда на парковку. Шел быстрым шагом к очень грязной и старой машине, пока водитель все еще сидел внутри. Сейчас она небось включит дуру и сдаст назад. Попытается удрать. Но куда ты убежишь, если я заблокировал выезд, а? Шах и мат, дорогуша. — А ну-ка, вылезай давай! Ну же! Открыла дверь и вылезла, кому говорят! — Окно было открыто. Стекло возле водителя было опущено, и я воспользовался этим шансом побеседовать с дамой без совести. — Ты что это вытворяла на дороге, идиотка?! Ты вообще заметила, что поцарапала чужую машину?! Ты дважды или трижды создала аварийную ситуацию, хотя сегодня и так гололед! Я ехал максимально осторожно, но ты... — Она смотрела на меня пустыми глазами и только моргала. Просто хлопала своими ресницами и никак не реагировала. Как будто глухая. Или немая. Глухонемая — точно. Девка смотрела на меня пустым взглядом и постепенно поднимала стекло. Тугой крутилкой закрывала окно, чтобы не слышать моих воплей, пока я тут разоряюсь на публику. — Ты меня вообще слышишь?! Нормально со слухом?! А то, может, ты слуховой аппарат дома забыла — ведь ты уверенно заехала на МЕСТО ДЛЯ ИНВАЛИДОВ! — После этих слов она... Я просто не мог в это поверить — она начал медленно поднимать свой средний палец на руке. Крутила стеклоподъемник и все выше поднимала средний палец, будто это как-то связано. Издевалась. — Ты надо мной издеваешься?! — Да. Она издевалась. Подняла стекло до упора и полностью выпрямила средний палец, посылая меня лесом. И все это с наглыми, все такими же пустыми глазами нарушителя правил. Я с дуру дернул за ручку, чтобы открыть дверь и вытащить эту козу на божий свет — выбить из нее всю эту борзость. Но дверь оказалась закрыта. Закрылась на замок, ага. — Да пошла ты... — Я махнул на нее рукой и бахнул ладонью по крыше жигуленка. Хорошенько приложился, испачкав руку в месиво из снега, копоты и еще черт знает чего. — Детский сад, блин! Детский сад... Ведут себя как дети... Еще и руку испачкал об это убожество... Черт...

Я сел в машину и захлопнул дверь. Здесь было тепло, уютно, тихо. Машина у меня хорошая. Купил совсем недавно. Все же понял, что положено по статусу. Хотя привык, что надо зарабатывать, а не сорить деньгами. Привык ишачить, вкалывать, тратить на работу все свое время, все свои силы. Таков уж я есть. Таким меня выковала судьба. Не умею расслабляться, не люблю кутить и тусоваться с мажорами. Мне даже Петрович по духу ближе, чем местные царьки-депутаты. Хотя он тунеядец и лодырь. Но хоть без понтов. Простой мужик. Люблю простоту. И искренность. А вот притворство на дух не переношу. Ненавижу, когда врут и притворяются хорошими.

Сделав несколько глубоких вдохов, вытерев ладонь влажной салфеткой и включив приятную музыку, я вернулся в колею. Попытался забыть о той дуре. Мысленно простил ее. Хотя она все так же занимала место для людей с ограниченными возможностями. Дымила своим паровозом, закиданным грязью от днища до самой крыши. Не было видно ни номера, ни стопов, ни заднего стекла. Как она вообще умудрялась на ней ездить — на этой развалюхе? Не странно, что притерлась боковиной. Верно, даже не заметила, что натворила. Дурочка. Совсем несерьезная бабенка.

Ну да ладно. Надо успокоиться, Руслан. И ехать в банк. Сейчас вот только наберу управляющего — скажу, что опоздаю минут на...

Дверца жигулей открылась. Я увидел это случайно — в отражении бокового зеркала. Дверь приоткрылась, из машины показалась рука. Она немного неуклюже лапала грязный

кузов, как будто не могла выбраться из салона.

На бровях, что ли? Может, сидит на чем-то?

Я забыл, кому хотел звонить — просто сидел и смотрел, как из машины появляется "нечто". Что-то... Черное. Непонятное. Похоже на... конструкцию вроде... велосипеда. Только складного.

Она вытолкнула это из машины через водительскую дверь. И отчаянно пыталась разложить. Разложить...

Вот же черт. Нет. Только не это... Она раскладывала коляску. Самую натуральную инвалидную коляску. Складную. А когда она ее разложила, то буквально на руках перебралась из машины в каталку. И захлопнула дверь. Закрыла ее на ключ. Положила ладони на колеса и стала толкать их в сторону долгой серой лестницы из высоких ступенек.

О нет. Как же паршиво я себя почувствовал тогда. Это был он — испанский стыд. До меня вдруг дошло, что она не нарушитель — это ее законное место. Место под знаком с человеком в инвалидной коляске. Она — и есть водитель с ограниченными возможностями. А я — идиот. Придурок. Хам. Реальное хамло, которое орало на человека с таким горем.

Твою ж дивизию.

Мне было реально стыдно. Забыв о важном звонке, я снова покинул машину и направился к ней. Неловко прокашлялся и догнал каталку уже тогда, когда девушка пыталась выехать по пандусу. Скользкому, обледеневшему, недостаточно удобному, чтобы по нему реально могли подниматься люди в таких условиях.

— Кхм... Извините. Простите. Я... — Она даже не смотрела в мою сторону. Упорно атаковала подъем, словно не слышит моих попыток извиниться. Хотя и сама была виновата в произошедшем. Ее опасного поведения на дороге никто не отменял. — Я не знал, что вы... Ну... Наверное, это из-за грязи — я не увидел у вас сзади, на заднем стекле... Не увидел значка инва... — У меня почему-то не повернулся язык назвать это своими словами. Само это слово, на букву "и" — оно звучало как-то нехорошо. Унизительно, что ли. Как будто я ее не считаю полноценным человеком. — Если бы я знал, что за рулем человек с... особыми... Женщина с ограниченными...

Черт, как же это правильно сказать вообще? Кто придумал все эти дурацкие обозначения? Зачем? Я вот пытаюсь выговорить вслух, а как будто издеваюсь над человеком. Ну или, может, я просто слишком совестный? Мне ее жалко просто стало. Ведь я здоровый лоб — стою вон на ногах в дорогом костюме. Могу хоть чечетку танцевать вокруг нее, а она вон даже по ступенькам подняться не может.

— Иди к своей мамке. Давай. Чего уставился?

Она оглянулась на меня через плечо и просто съязвила. Взяла и наплевала в душу, словно знает обо мне больше меня самого.

— Что, простите?

— Садись в свою джипяру и катись, куда катился. Куда вы там обычно едете — в бордели, казино. В аэропорт, чтобы свозить на острова очередную дуру с силиконовыми...

— Ну и зачем ты так себя ведешь?

Она меня бесила. Не понимаю, зачем пилить ветку, на которой сидишь. Я ведь пришел к ней по-хорошему. Хотел объясниться. Попросить прощения, что погорячился. Предложить свою помощь, в конце концов. А она...

— А мы уже на ты перешли? Быстро вы, однако, отношения строите, мужчина. Вот только я не такая доступная, как те, с кем вы обычно шашни водите. Что вам от меня нужно?

Чего тут стоите и смотрите, как инвалид пытается выжить? А? Может, еще на телефон все это снимите — в интернете выложите?

— Я... — Черт, я просто не знал, как на такое реагировать. Она хамила мне. Хамила. Огрызалась, хотя я ничего плохого не делал.

— Я-я-я, — повторяла она, как злая учительница в школе. — "Я" — последняя буква в алфавите. Только о себе и думаете всегда. Оттого и одиноких женщин с детьми так много... Платить за ремонт не буду. Даже не надейся. Денег у меня нет. Можешь подавать в суд — мне наплевать. Не ты первый, не ты последний. Уже многие пытались выдоить из меня хоть копейку. Хм... — усмехнулась она иронично. — Только я вот не научилась кого-то доить. Не учила меня мама таким вещам. А теперь извините, мне надо к специалисту.

— Давайте, я вам помогу.

При этих словах я взялся руками за спинку кресла — хотел его подтолкнуть и вывезти злюку наверх. Но...

Она просто взяла и ударила меня по кисти. Довольно сильно, надо сказать. Как будто плеткой кто-то шваркнул. Я даже испугался, одернул руку, будто током ударило.

— Руки прочь! Сама справлюсь! Не нужны мне эти джентльменские штучки... Не трать на меня время — езжай по своим мажорским делам.

— Ну... Как знаешь.

— Ага. Пока-пока, красавчик.

Я натурально психанул.

Трачу тут на нее драгоценное время, вместо того чтобы ехать на встречу с важными людьми, а она... Ведет себя как дура. К чему вся эта борзость вообще? Зачем? Ощетинилась, как еж, и колится своими колючками. А так посмотришь — человеку нужна помощь, он будет рад твоей поддержке — просто подойди и помоги. Но нет. Лаает на меня, словно собака.

Бесит. Бесячая баба. Бесячая. Бе. Ся. Ча. Я. Раздраконила.

— Ну и пожалуйста! — крикнул я, садясь в машину. — Не буду вам мешать страдать! На здоровье!

Дав по газам, я направился по делу. Сделал музыку погромче, пристегнул ремень. Перед глазами уже повсюду мерещилась эта грязная развалюха на лысой резине. Казалось, что она меня преследует теперь. Фантомные страхи врезаться в нее и...

Черт. Вот я идиот. Еду не в ту сторону. Я ж ехал в противоположном направлении, когда сюда свернул. Навигатор показывает, что я возвращаюсь на базу, а надо в банк. Чтоб его.

Развернувшись в безопасном месте, я опять проехал эти пятьсот метров по пути к больнице. Только поворачивать уже не собирался. Было все равно. Это не мои дела. Не мои проблемы. Да и помощи там никто не ждет. Она не нужна ей — эта помощь. Не особо-то и хотелось помогать.

Но когда я проезжал поворот, то все равно взглянул в ту сторону. И увидел, как девушка все так же штурмует пандус. У нее никак не получается подняться по ступенькам.

Не мое дело. Руслан, это не твоя проблема. Занимайся тем, что от тебя реально зависит. А эта баба — она просто...

СТОП!

Я опять затормозил на ровном месте.

Внутри сработала совесть. Одна из моих самых слабых черт характера. Хотя мать мне

всегда повторяет, что это достоинство. Что в нашем мире мало кто умеет так — быть честным с собой и идти на поводу у совести. Особенно трудно это дается в мире бизнеса.

Ох. Ну не могу я вот так проехать мимо. Надо вернуться. Предложить свою помощь. А если не захочет принимать — помочь принудительно. Вот подойду и возьму ее на руки.

Шах и мат тебе, колючка.

Тома

Когда он за мной погнался — этот бешеный тип на внедорожнике — я уже думала "все", мне конец. Такой как захватит, начнет звонить всем подряд, начиная полицейскими, прокурорами и заканчивая мэром вместе с губернатором в толпе журналистов. Но с годами я привыкла держать удар. Будь то долги по коммуналке и попытки контролера зайти в квартиру для отрезания газа, света, воды (нужное подчеркнуть). Или же бесконечные просьбы родительского комитета купить в школу шторы (очень много штор), потом учебники, форму, планшеты, ноутбуки, самокаты, летающие ранцы и еще черт знает какой ерунды.

Словом, когда он загородил выезд своей машиной и направился ко мне, то я сразу же включила дуру. Мне было все равно, что он там себе надумал, что он будет говорить или орать, как истеричная баба. У меня и так в этой жизни хватает поводов понервничать.

Да, мне было стыдно за свою выходку — что я задела чужой автомобиль. Но что я могла сделать с баранкой в кармане? Остановиться посреди дороги, опустить стекло и сказать банальное "извините"? Я не могу платить за ремонт. Не могу ждать патруль для составления протокола. Не могу платить штрафы. Я просто...

Иногда мне кажется, что я ничего не могу уже поделать. Что просто плыву по течению, а оно меня предательски уносит. Как я ни пытаюсь грести руками. Как я ни барахтаюсь. Как будто пловчиха с судорогой в ноге.

Руки опускаются. Затем я их снова поднимаю. И пытаюсь выехать по адскому пандусу в направлении больницы. Ну почему они такие неудобные и крутые — эти "пологие спуски" для инвалидов?!

Я пыталась выехать снова и снова, но все было тщетно. В какой-то момент приложила максимум усилий, чтобы передние колеса все же выехали хоть немного — осилила метр скользкого подъема. Но в ту же секунду поняла, что падаю на спину. Не удержала равновесие, пальцы соскользнули, не успела ничего сделать и с размаху грохнулась затылком о бетон.

Вернее... (На этом месте я мысленно улыбаюсь, потому что сжалась и готовилась к удару, а его не случилось — меня подхватили чужие руки.) Я уже думала, что покалечусь по пути в поликлинику. Но в последний момент меня спасли от падения.

— Оп-па... — выдохнул тот самый незнакомец, которому я нагрубилась еще пять минут назад. — Чуть не упала.

— Боже, — схватилась я за сердце. — Фух...

— Не ушиблась часом? Все нормально?

Он вернулся. Странно. Я же четко видела и слышала, как он уехал. Как с визгом шин отправился куда-то по своим делам. И тут вдруг снова он. Подхватил меня под спинку складного кресла и реально спас от ушиба.

— Спасибо.

В ту секунду я была ему благодарна. Хотя и помнила, кто именно пытался меня утробить по пути сюда — на скользкой дороге. Это был он. Водитель наглого большого джипа. Я в него чуть не врезалась. Так что те царапины на кузове — это была его плата за беспечность. Меня он, значит, ругает за опасное вождение, а как сам тормозит у меня под

носом, чтобы наказать...

— Вы, я вижу, рискованный человек, — предположил мужчина в приталенном сером пиджаке, выглаженных брюках, с дорогими часами на запястье.

Белая рубашка. Без галстука, но воротник безупречно скроен. Я как швея оценила по достоинству. Да и манжеты хороши. Подогнаны так четко. Запонки с аквамаринном. Как будто голубым свечением играют. Красивый мужчина, ничего не могу добавить. Наверное, это было видно по моим глазам. Ведь он меня держал в полулежачем положении, а я — смотрела на его ухоженное лицо. И молчала, как девчонка. Давно у меня такого не было.

— С чего вы взяли? Я не азартна. И рисковать не люблю. Оно просто само получается. Выходит так, что для выживания приходится идти на риск. Выбора тут нет особо. Или выживаешь. Или тебя...

— Или тебя затопчут, — продолжил он мою любимую фразу. Как будто знал мои мысли и привычки. Хм. Это было странно. Еще страннее, чем до этого. — Да, мне это знакомо. Понимаю. Сам точно так же живу. По такому принципу... Но все равно так гонять в гололед — это опасно. Вы могли втянуть нас обоих в серьезную аварию. Могли пострадать сами и...

— Вообще-то, это вы передо мной тормознули. И я в вас чудом не врезалась. Вы хоть понимаете, как это трудно — переключать все одними руками? У меня тормоз за рулем. А еще за рулем у меня рычаги сцепления, газа, поворотов и стеклоочистителей. Вы, может, случайно педальку ногой задела, когда тормознули перед бабой за рулем, а мне пришлось чуть ли не зубами палку тормоза хватать.

— О... — задумался мой спаситель. Который, видимо, забыл уже, как подрезал и прижимал меня к отбойнику. — Это я не специально. Просто...

— Ну естественно. Не может же такого быть, чтобы водитель крутой тачки решил наказать владельца обычной машины. Такого не бывает. Нет. Где это такое случается? У нас? В нашей стране водители крутых машин ведут себя подобным образом? — изображала я недоумение. — Конечно нет. Наверняка у вас была причина, почему вы ТОРМОЗНУЛИ У МЕНЯ ПОД НОСОМ.

— Знаете, я вижу, что вы не особо настроены на диалог. Сегодня такая мерзкая погода. И вокруг все злые... Я вот и сам с утра злой, у меня на базе аврал, все идет через пень-колоду. А когда я вас нечаянно подрезал...

— Ах, это было нечаянно?

— Хотите верьте, хотите нет, но мне просто инженер позвонил и сказал, что... — Он понял, что мне неинтересно все это слушать. И умолк. — Ладно. Давайте я вам помогу. Вам ведь наверх?

— У меня назначена встреча у специалиста. Ровно на три часа.

— На три часа? — повторил здоровяк, стоя надо мной как будто большое высокое дерево. А я покорно смотрела на него снизу вверх. Ведь он стоит в полный рост, а я сижу, как будто школьница за партой. Наверное, он чувствовал себя на коне. Буквально. Настолько большой была разница между его ростом и моим положением глаз. — Черт, а ведь уже начало четвертого. И мне самому надо было на три быть в банке. Блин... — натирал он в руке смартфон. Собирался куда-то звонить, набирал номер. А я тем временем развернулась к лестнице и со скрипом зубов стала снова подниматься по пандусу.

— Уезжайте по своим делам. Моя проблема — не ваша проблема.

Но он меня удивил. Мужчина спрятал телефон в карман и стал толкать мою коляску наверх.

— Что вы делаете?! Я и сама бы справилась!

— Ага. Справилась бы она сама. Конечно.

— К чему все эти смешки? Я всегда все сама делаю. Уже множество лет. И никто мне не... — Из-за льда колесики соскальзывали с дорожки, и я чуть не грохнулась на лестницу. — А! Господи...

— Тихо-тихо-тихо...

Он бережно взял меня снизу под колени. Обнял спину в области лопаток. Мне казалось, что происходит что-то страшное, пугающее. Как будто жуткий аттракцион, где я ничего не контролирую. Хотелось визжать и отбиваться.

— Что ты делаешь?! Отпусти! Сейчас же верни меня на место!

— Все нормально. Я возьму тебя на руки.

— Что?

Он с легкостью поднял меня над землей. И моя голова оказалась на мужской груди.

— Все обледенело, очень скользко. И опасно. Можно загреметь так, что придется не к специалисту идти, а сразу в реанимацию. Так и черепно-мозговую схлопотать недолго. Или ногу сломать.

— Я уже разницы не почувствую.

— Серьезно? Ты что, и правда не чувствуешь все, что ниже пояса?

Он поднимался по ступенькам, тяжело дыша. И задавал мне глупые вопросы.

— Давай я не буду отвечать на такое? Хорошо? Я просто не могу ходить. И точка. Этого достаточно. Остальные подробности знаю я сама и мой лечащий врач. А рассказывать об этом незнакомым людям, имени которых не знаю, я не собираюсь.

— Понял, — кивнул он и плотнее прижал меня к себе. — Меня Русланом зовут. Просто Руслан. А тебя?

Руслан. Красивое имя. Мне сразу понравилось.

— А меня Тамилей.

— Тамила, — выдохнул он, преодолевая середину затяжного подъема. — Красивое имя. Редкое. Очень красиво... Это тебя мама так назвала?

Но я ему не ответила. Просто закрыла глаза и начала слушать дыхание. Как стучит его сердце. Как пульсирует в жилах кровь. Как воздух входит, наполняя легкие. А затем выдыхается мощным импульсом. Чтобы освободить место новой порции уличного холода. Грелась и я сама.

Обняла его за толстую шею. Согрела ледяные ладошки. Может, это было эгоистично — морозить его задубевшими пальцами. Но я понимала, что другой такой возможности не будет. Я ловила момент — запоминала, как чувствуется мужчина. Как он звучит. Как он движется. Как приятно пахнет хорошими духами. И теплом сильного тела.

Он меня нес, а я молчала, будто погрузилась в сон. И только звук упавшего пластика внезапно вырвал меня из рая — я отчетливо услышала, как выпала карта.

— Ой, остановись! У меня что-то выпало из кармана!

— Что там уже? Что случилось? Мы уже почти дошли, совсем чуть-чуть...

— Да нет же, — вертела я головой в поисках пестрого прямоугольника. — Это звук моей банковской карты. Я на нее получаю выплаты по инвалидности. Вон она! — показала я рукой на искомый предмет примерно в трех ступеньках ниже. — Вон она лежит — надо вернуться и взять, а то...

— Все нормально. Я поднял.

Руслан аккуратно склонился и взял мою карту. Он меня реально спас. Потому что потеря карты и потом беготня по банкам, где точно таких же социальников целое море — это просто адский ад.

— Спасибо, — затрясла я подбородком и наконец-то улыбнулась.

Было приятно получить эту помощь. Хотя я вначале и отбрыкивалась. Язвила, ругалась, даже ударило его по руке при попытке подтолкнуть коляску. Все же в душе я была рада, что кто-то мне помог. Особенно такой солидный мужчина.

Мечтать уж слишком глубоко я не стала — все же не девочка уже — надеяться на свадьбу и фанфары с белым конем под импозантным принцем было глупо. На моем месте — сто процентов. Так что я поблагодарила Руслана за оказанную помощь и продолжила свой путь ползучего самурая.

— Куда тебя посадить?

— Тут должны быть места... — Но при бдительном осмотре никаких скамеек или прочих удобств возле входа в поликлинику я не обнаружила. — Были раньше, во всяком случае. Странно. Где же они делись?

— И я вот думаю. Даже вон арматура из бетона торчит — были, значит, скамейки. Кому они мешали? Твою ж дивизию...

— Прости, я не знала, что так будет.

Становилось стыдно, что он нес меня столько ступенек, а теперь даже не может посадить и принести каталку. Она одиноко ютилась внизу. Мы же оборачивались по сторонам, как будто молодожены на свадьбе. Жених и невеста. Только он выглядел по случаю — в нарядном костюме. А я вот на фею совсем не тянула. Стыд. Кошмар какой-то в кубе.

— Что ж, — вздохнул Руслан. — На грязный пол я тебя не посажу, на улице мерзнуть не оставлю. Но и коляску надо как-то принести...

— Просто опусти меня здесь, я попрошу кого-то...

— Кого ты попросишь, Тома? Кого? Кто тебе поможет — тут все копошатся со своими проблемами.

И то правда. Просто я не хотела его задерживать. Он ведь спешил на какую-то встречу. А тут я — как чемодан без ручки. Да еще и чужой чемодан. Зачем я ему сдалась вообще? Наверняка сейчас жалеет, что вернулся.

— Но ведь ты опаздываешь...

— Ты тоже опаздываешь. Еще глядишь специалист твой закроет прием и уйдет домой пораньше. Сейчас я тебя занесу в здание, найдем твой кабинет.

Когда мы вошли в холл, то там нас встретила большая очередь. Просто огромная.

— Ого, — была я озадачена. — Сколько же людей.

— Сейчас спрошу, на какое они время и в какой кабинет...

Но оказалось, что почти вся эта толпа — туда же, что и я. В тот самый кабинет, к тому же специалисту. Придется ждать. И долго.

— Руслан, тут вон банкетка. Я пока на ней посижу, а ты принеси мне, пожалуйста, коляску. Это последнее, что я тебя попрошу. Хорошо?

— Хорошо. А ты занимай тогда очередь. Будем надеяться, что она быстро пройдет. И ты попадешь на прием к своему врачу.

Он улыбнулся, будто было не все равно. Словно он переживал. Желал мне добра. Чтобы у меня все срослось. Пускай не буквально, но хотя бы на прием попала. И хотелось верить,

что выйдет. А то сегодня последний день месяца, когда я еще попадаю в график. Надо обязательно пройти обследование — получить заключение для дальнейших выплат пенсии.

Не прошло и десяти минут, как Руслан вернулся. Он сложил коляску, взяв ее под мышку.

А я лишь пожала плечами:

— Оказалось, что были еще вон люди. Они занимали еще утром.

— Утром занимали? А разве запись не ведется удаленно?

— Говорят, что не работает. В порядке живой очереди.

Руслана это разозлило. Было неожиданно видеть такую реакцию, но он пошел к окну регистратуры и начал спорить в моих интересах.

— Почему такая большая очередь?! Вы что, издеваетесь над людьми?! Вы же понимаете, что они не смогут все пройти сегодня обследование?!

— Это их проблемы, — ответила тетка в регистратуре.

— Что значит — "их проблемы"?! Вон девушка парализована — она вообще стоять не может, не то что торчать в этой очереди смерти! Что ей делать?!

— Пускай сидит и ждет, как все остальные.

— Руслан, не надо... — решила я пресечь этот скандал на корню, но мой новый друг оказался ярым борцом за справедливость. В некотором роде я была обескуражена его напором. Пробивным желанием решить все вопросы сейчас и навсегда.

— ДА ОНА И ТАК ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ СИДИТ! СДЕЛАЙТЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ!

— Мужчина, чего вы от меня хотите?!

Из дверей кабинета вышла медсестра и сообщила, что прием окончен:

— Это последний пациент! Врач уезжает на срочную операцию!

Это всколыхнуло очередь как море. Но больше всего кипятился Руслан. Казалось, он сейчас залезет рукой в окошко регистратуры и вытащит ту злую тетку наружу. Чтобы встряхнуть ее, как куклой.

— Что это все означает? Это важно — прием того специалиста важен для этой девушки?

— Без него она не пройдет комиссию.

— То есть? — не понял Руслан. И это хорошо. Женщине в регистратуре просто повезло, что до моего защитника не сразу дошла суть проблемы.

Но я решила все объяснить.

— Мне откажут в выплатах. — Было трудно говорить без слез. Я расстроилась. Так спешила, нервничала, выгадывала день. А в итоге все упустила. Все подчистую. Теперь как минимум месяц буду без денег. Сидеть на бобах. — Я должна регулярно проходить комиссию. Прием у разных специалистов и затем заключение коллегии, что я...

— Что ты "что"? Вдруг начала опять ходить?

— Да, — подтвердила женщина в регистратуре. — Все надо заново обследовать, чтобы подтвердился прежний диагноз.

— Это шутка такая? — закипал Руслан все больше и больше. — Вы над ней издеваетесь, что ли?!

— Не надо, пожалуйста, — просила я не заступаться, хотя и понимала, как это неприятно. Остаться без средств существования. Когда и так доедаешь последнюю булку хлеба. И на всем подряд экономишь. — Запишите меня на другой день. На следующую неделю.

— Простите, но не могу, — звучал ответ как приговор. — Специалиста переводят в

другой город, а наш штатный невролог выйдет из декрета только весной. Могу записать на весну...

У Руслана на лице читался предел человеческого терпения.

— То есть, у вас сейчас нет невролога?! Вообще?!

— Тот, который есть — у него нет такой квалификации, чтобы поставить подпись в составе врачебной коллегии.

— Класс! — хлопнул он в ладоши и начал тереть глаза, пытаясь избавиться от бреда вокруг. — Хорошо, а можно пройти все это в другой больнице? В частной клинике, например?

— Руслан, у меня нет на такое денег...

Но он меня не слушал. Он проверял любые варианты, не сбавляя ходу. Вот только бюрократия была стальной. Никаких подвижек. Точка.

— Нет, — ответили в регистратуре. — Ваша жена зарегистрирована в этом районе. Значит, и проходить обследование должна тоже по месту жительства. Частная клиника не подходит. У нее ведь заключен договор с семейным врачом. И если комиссия установит, что ноги правда парализованы, то будет перерасчет за предыдущие месяцы. И все выплатят. Не переживайте...

На окне регистратуры опустились жалюзи. И это означало финал моей бесславной истории.

— Черт! — бахнул Руслан ладонью по стеклу. Но оно как будто было создано для таких ситуаций — когда люди сходят с ума от непродуманности нашей медицины. — Блин, твою ж дивизию! Капец... — выдохнул он и посмотрел на меня.

Сидящую в каталке женщину. Уставшую, расстроенную. Не понимающую, где теперь брать деньги, чтобы зимовать. Как теперь платить за газ, за свет, за отопление и горячую воду. Это фиаско. Полное фиаско, Тома.

Но ничего. Как-нибудь выберусь. Мы с Ромкой обязательно прорвемся. Все будет хорошо. По-другому быть не может.

Тома

Руслан отказался меня бросать, пока не убедился, что сделал все возможное. Только когда все шансы на решение проблемы растворились, он меня снова вынес из здания. Я обняла руками раскладушку, а он просто взял нас обеих и бережно отнес в самый низ. На парковку, где меня ждала машинка. Пускай она и не такая красивая, не такая новая и комфортабельная, как у мужчины рядом, но она мне служила верой и правдой вот уже лет семь. Я возила на ней ребенка, возила на ней ткани и готовый товар, посылки и все такое.

Без нее я как без ног. Пусть как бы иронично это ни звучало.

— Ну вот и все, — сидела я уже в каталке. А Руслан потирал ладони. То ли от усталости, физической нагрузки, ведь он таскал меня и кресло туда-обратно на морозе. То ли от неловкости прощания. Ведь он мне так и не смог ничем помочь. Хотя его попытки были приятны. Это определенно сделало мой день, я ему была благодарна. — Будем прощаться. Ты ведь так и не позвонил управляющему банка. Там тебя заждались уже все, наверное.

— Ничего смертельного. Я у них важный клиент. Так что перенесут эту встречу, как только позвоню. Скажу им, что технические проблемы на работе. Собственно, так оно и есть — я сейчас должен ехать на базу и менять с инженером компрессор. Таковую, знаешь, большую шумную штуковину...

— Ха-ха-ха... — начала я смеяться от его объяснений.

— Почему ты смеешься? — улыбался он в ответ.

— Потому что я знаю, как выглядят и работают компрессоры. Я училась на инженера.

— Серьезно? Ого. Это круто. Впечатляет.

— Ничего крутого.

— Ну вот я на инженера не учился, например.

— Посмотри, где я, а где ты. Этим все сказано. Хорошее образование не даст тебе гарантий. Не обеспечит защиту от проблем и невзгод.

— А что обеспечит? — задал он закономерный вопрос. — Что, по твоему, может обеспечить эту самую защиту от проблем и невзгод? Думаешь, это деньги? Дело просто в деньгах?

— Думаю, дело не в деньгах.

— А в чем же тогда? Если не в деньгах...

— Дело в людях. — Руслан с интересом прищурился, чтобы услышать продолжение мысли. — Правильные люди рядом. Вот это и есть защита от проблем и невзгод. Если эти люди есть, то ты защищен. Что бы ни случилось — они всегда будут рядом. И помогут. Помогут тебе справиться с проблемами. И ради них ты становишься сильнее. Лучше. Выносливее... Тебе звонят.

Руслан зачарованно слушал мой монолог, как будто я не говорила обычной банальщины. Избитые истины. Все это знают, понимают — кивают солидарно головой. А затем уходят. Так было раньше. Так будет всегда. Так случится и сейчас.

— Точно, — достал он телефон, взглянул на экран. Тяжело вздохнул. — Опять Петрович. Боюсь, мне надо ехать. А то...

— Да, конечно. Само собой. Поезжай. Спасибо, что пытался мне помочь. И... Ей богу

прости за те царапины.

— Царапины? А... — Как будто он забыл, что я притерлась к его джипу. — Точно. Да ничего. Бывает. Главное, что ты сама не пострадала. Ведь машина у тебя старенькая. Резина лысая. Надо бы сменить.

— Новые покрышки обойдутся мне как половина машины.

— И то правда, — кивнул Руслан. — Вообще, конечно, по-хорошему...

— Я люблю свою машину. И менять ее не собираюсь. Она будет ездить еще долго. Очень долго. — Я по-хозяйски улыбнулась и хотел бросить взгляд на свою рабочую лошадку, но... Была удивлена. И пришла в растерянность. — А где она вообще?

— Что?

Руслан обернулся и тоже стал искать мою машину беглым взглядом.

— Где моя машина? Куда она подевалась?!

— Странно. Стояла ведь под знаком.

На проспекте в это время как раз закончили грузить чью-то машину. На эвакуатор. И издалека я поняла — моя. Мою машину сперли. Причем не просто сперли, а забрали за долги.

— О нет! Только не это! Ее забирают на штрафплощадку! — Я вращала колеса в направлении происходящего, но было слишком поздно. Все крепления затянуты, машина была на платформе, обмотана ремнями. А на дверях и стеклах — акты опечатки со штампом судебных приставов. — Руслан, сделай что-нибудь, пожалуйста!

Я не хотела его ввязывать в это, но банально не понимала, что еще могу предпринять. Меня они не слушают, а вот Руслан — он совсем другое дело. Вполне возможно, он сможет их припугнуть. Хотя бы на этот раз.

Боже! Что же это творится в самом деле?!

— Эй! — крикнул им Руслан. — СТОП! ВЫ КУДА ЭТО СОБРАЛИСЬ ЕХАТЬ?! — С побежал к эвакуатору, пока в него не сели люди в синей форме. Хотел хотя бы выяснить, за что у меня конфискуют машину. — Что это за дела вообще?! На каком основании вы отбираете у этой девушки автомобиль, а?!

Парень опешил и стал смотреть в свои документы. Он достал из кармана корочку и показал ее злому мужчине перед собой.

— Я судебный пристав, и вот мое удостоверение.

— А ну-ка, дай сюда! — Руслан попытался вырвать документ из рук, но парень вовремя отпрыгнул в сторону эвакуатора. — Сейчас же сняли пломбы и вернули машину владелице! Живо! Давай-давай, пока я в суд на вас не подал за нарушение имущественных прав социально незащищенных граждан нашей суверенной страны! — вложил он в свои слова всю экспрессию и уверенность, дабы убедить молодого парня поддаться.

Я бы на его месте быстро подчинилась. Звучало все очень серьезно. Как будто Руслан сейчас возьмет и достанет из кармана пиджака удостоверение секретного агента.

Но пристав на это не купился. Он вытащил из папки несколько бумаг и потряс ими перед лицом у противника.

— Это транспортное средство числится за Тамилей Ахтырской. Она проходит как должник по пяти взысканиям, включая штрафы и банковский кредит.

— У тебя есть кредит?! — оглянулся на меня Руслан, чтобы хоть приблизительно понять глубину проблемы.

И я не стала юлить. Честно кивнула.

— Да. И не один. Жить на что-то надо было.

— Вот же блин... — выдохнул Руслан.

А пристав цинично вручил мне копию акта об аресте. Там была указана общая сумма долга. И она превышала рыночную стоимость машины в десять раз. Так что это только начало. А машины больше нет.

— Мальчики, ну пожалуйста, — упрашивала я, была на жалость. — Ну как же мне без машины-то? Я ведь инвалид.

— Да, грамотеи! — поддерживал Руслан, только у него подход иной. Более жесткий. Требовательный. Может, что-то и выгорит из этого. Сейчас посмотрим. — Как, по-вашему, она должна передвигаться по городу?! А если ей надо будет в больницу поехать?!

— Кресло-каталку мы не забираем. Закон это делать запрещает, — был аргументированный ответ буквоеда. — А вот машину — пожалуйста.

Руслан не хотел так быстро сдаваться и снова принялся доказывать ошибку.

— Но ведь вы за нее ничего толком не выторгуете, парни! Это рухлядь просто!

— Закон нас обязывает это сделать, несмотря на очевидную стоимость имущества — даже если мы получим от аукциона всего пару тысяч. Раз машина числится — мы ее арестовываем и доставляем на штрафплощадку. Долг есть долг. Гражданка Ахтырская официально не работает, а обращать взыскание на социальные выплаты мы не можем. А вот машину продать можно.

— Но ведь это специальная машина для инвалидов, идиоты! Кому она понадобится вообще?! — переходил Руслан на крайности, чем обижал и меня, и мою надежную старушку. Не надо было так — звучало обидно. — Да она и яйца выеденного не стоит, блин! Это ведь кусок металлолома просто, ребята! Будьте людьми, в самом деле!

— Руслан, не надо так говорить о моей машине — она не так плоха, как ты рассказываешь!

— Да я же их пытаюсь уболтать, Тома, — шипел Руслан на взводе. — Если мы ничего не сделаем, они ее сейчас увезут на свалку просто!

— Они уже ее увозят, — прикусила я губу, чтобы не плакать при виде этого ужасного зрелища. — Они сели в машину и едут, Руслан. Я не могу на это смотреть.

— Эй! — стал он кричать и бежать вслед за эвакуатором, пока тот только тронулся с обочины. — Эй, а ну-ка вернись, молокосос! Верни машину!

На что пристав высунулся в окно и крикнул на прощание:

— Скажите спасибо, что мы вам кресло-каталку оставили! Катайтесь на здоровье!

Звучало очень некрасиво. Хамство высшей марки. И Руслану это тоже не понравилось.

— Чего?! Ах ты... — Он начал догонять эвакуатор и вот-вот, казалось, выпрыгнет на платформу и доберется до кабины, чтобы навалить тем наглецам. Ну или как минимум попытается отстегнуть мою старушку и спустить на землю. Но водитель поддал газу и выехал на оживленную дорогу. А все, что смог поделаться сердитый мужик позади — это взять на обочине мокрого снега и как следует вlepить по окну снежком. Смачным таким. Здоровенным. И я уверена, что часть этой грязной каши попало и в салон. Прямо в морду тому приставу. — МЕРЗАВЦЫ! Я ДО ВАС ДОБЕРУСЬ! Я ЗАПОМНИЛ ВАШ НОМЕР СФОТОГРАФИРОВАЛ ЕГО НА ТЕЛЕФОН!

Руслан стоял у дороги, тяжело дыша. Он был разъярен, как бык. Вот уж не думала, что встречу человека, которому не плевать на чужие проблемы. Это впечатляло. И постепенно я привыкала к тому, что он рядом и готов помочь. Готов заступиться за меня. И мне хотелось

верить, что это только потому, что это я, а не кто-то другой. Впрочем... зачем я обманываюсь? Он просто добрый.

Но машину эта доброта мне не вернет. Ее забрали. И это уже с концами.

— Спасибо, что пытался помешать им это сделать.

Я подъехала к нему вплотную и дружественно погладила ладонью по руке. Не по самой руке, конечно — легонько провела по пиджаку. По рукаву, внутри которого была крепкая мужская кисть. Но мой жест был понятен — я благодарна.

Руслан опустил глаза, посмотрел на меня вниз. Еще раз бросил взгляд в ту сторону, где был недавно эвакуатор. Но теперь его уже и след простыл. Моей машины нет. Я осталась брошена далеко от дома. Может, он даст мне денег на такси — хотя бы одолжит пару сотен? Я потом верну. Перекину ему на карту или на счет телефона.

Хотя навряд ли я узнаю его номер. Он мне его не даст. С какой это вдруг стати? Тоже себе придумала. Что нас могло связывать в этой жизни? Кроме нескольких часов потерянного времени...

— О нет, опять Петрович, — сказал Руслан, когда смартфон стал издавать гудок входящего звонка. — Черт, я совсем забыл про компрессор. Я же должен был приехать на базу... — Он ответил и стал предельно серьезен. Как реальный бизнесмен. — Да, Петрович... Да, я помню о нашей проблеме, не нервничай. Сейчас приеду... Сейчас я приеду, и мы вместе снимем этот чертов компрессор. Произведем демонтаж, снимем автоматику, поставим заглушки, все закольцуем пока. И я отвезу его в ремонт. Ага... Ну а что еще делать? Какие у тебя варианты? ...Нет, это будет слишком долго. Они приедут только завтра. Лучше давай мы вместе его снимем, позови ребят — и операторов, и простых заправщиков, водителей. Пускай помогают. Нам надо решить эту проблему до утра. Ты меня понял? Давай. Скоро буду.

Он завершил беседу и какое-то время смотрел на экран, как будто там написано сообщение. Предсказание о том, что со мной случится, если оставить меня одну. Но на самом деле, думаю, он просто размышлял, что мне сказать — как сделать так, чтобы не выглядело, будто он бросает меня в трудную минуту. И я решила облегчить ему задачу.

— Тебе нужно ехать. Я понимаю. Надо заниматься делами, решать вопросы. Ты там нужнее, чем здесь, со мной. Мне ты уже никак не поможешь, Руслан. Ты и так очень много для меня сегодня сделал.

— Садись в машину.

Это все, что он ответил. Просто пригласил меня в машину. Открыл блестящую дверь, из салона повеяло теплом и уютом. Играла тихо музыка. Вся эта идиллия немного пугала. Казалось, что она не для меня. А Руслан тем временем отодвинул пассажирское сиденье подальше, чтобы я могла спокойно разместить ноги, ни во что не упершись. Вернее, он не сдвинул кресло, а оно само плавно отъехало. Было достаточно просто нажать на кнопку.

— Мне... мне садиться спереди?

— Извини, я должен ехать на объект. Там полный аншлаг сегодня, без меня не справятся. И тут мало просто нагоняя и контроля — мне придется вспомнить старые времена, засучить рукава и немного покопаться в мазуте. Может, буду плохо пахнуть после этого, но...

— Хах... — вырвалось у меня. — Ты хорошо пахнешь.

— Правда?

— Мне твой запах нравится. Твой одеколон мне по душе. Хороший выбор.

— Ну, — взял он меня аккуратно под коленями, под лопатки, чтобы пересадить в роскошное кожаное кресло, — может, одеколон и хороший, но запах нефти он не перебьет. У тебя, надеюсь, нет аллергии на нефтепродукты?

— Не знаю, я их на вкус никогда не пробовала.

— А-хах... — усмехнулся Руслан и нажал на кнопку запуска мотора. Тут все было так удобно и просто. Коробка-автомат, машина тебя слушается, очень приятно и комфортно. — Это хорошо. Это радует. — Мы выезжали с больничной парковки в одной машине. Как будто так сюда и приехали. Было странно. Очень странно. — Я не могу тебя тут бросить одну, уже темнеет, холодно. Автобусы тут ходят редко, да и забитыми уже приезжают. Тебя просто не пустят... Впрочем, может, ты хотела на такси?

— Н-нет, — вырвалось у меня. Внезапно. Я не специально. Просто так получилось. Я почему-то сказала твердое "нет". Как будто испугалась, что он меня выбросит из своей роскошной машины. И придется вылезать. — Извини. Я хотела сказать, что...

— Я в смысле, что придется подождать, пока я разберусь на нефтебазе.

— Да, я понимаю.

— Ага. Это займет где-то час или два. Потом ты скажешь адрес — я отвезу тебя прямо домой. Чтобы ты не мерзла, не ждала общественный транспорт. Тем более что ты и не привыкла на нем ездить, как я понял.

— Ну да. К своей машине быстро привыкаешь.

— Ты без нее, наверное, вообще никуда не выходишь из дома? Она для тебя как... — думал Руслан, как бы поудачней выразиться, — как твое продолжение типа. Ну вот как каталка. Только большая и... — Он глянул на меня и понял, что говорит странные вещи. — Блин, прости. Я несу чепуху. Сам уже не знаю, что хотел этим сказать. Прости. Я лучше помолчу, наверное.

— Нет, ничего. Говори. Мне интересно тебя послушать. Продолжай.

— Да, в общем-то, мне и нечего особо говорить, наверное. Ехал сегодня по делам в одну сторону. Не доехал. Застрял на полпути. Встретил тебя. Теперь вот еду обратно. Ничего не порешал. С твоей проблемой тоже не помог. А там, где еще утром было все пучком — теперь там полный бардак. Какой-то странный день, скажи.

— Ага. Это точно. Лучше и не скажешь. Очень странный.

— Так ты точно не в обиде на меня, что я такси не вызвал? Просто я подумал, что у меня машина будет всяко лучше любого такси.

— Хотел похвастаться машиной? Думал, что раз я девушка на жигулях, то меня такая тачка впечатлит?

— Ну... — поглаживал он равномерно стриженую щетину на лице. — Не знаю, если честно. Ты меня прям пристыдила, как юнца.

— У тебя получилось, — кокетничала я.

— У?

— Ты меня впечатлил. У тебя и правда очень приятная машина.

— Ах... — смутился Руслан, как будто ему и правда было важно мое мнение.

Впрочем, я не лукавила. Мне и правда было классно там сидеть. С ним рядом. Никаких тебе прокуренных сидений, трещин на стеклах, дурацких амулетов на зеркале заднего вида. Тут было все предельно пафосно, но от этого не становилось хуже. Мне все нравилось. Понимала, что никогда такого не буду иметь. Это не моя жизнь, а чужая. Но это как... Как мужчина на соседнем сиденье. Понимаю, что никогда мне с ним не быть, он никогда не

будет воспринимать таких, как я, всерьез. Ну или как женщин просто. И все равно мне приятно думать о нем. Смотреть на него. Чувствовать его запах. Ловить оттенки баритона. Классно, в общем. Было очень классно. И ни один таксист мне такого бы не дал в тот вечер.

— Наверное, ты многим уже показывал свою мужскую гордость?

— Что, прости? Не понял вопроса.

— Я имею в виду, что ты наверняка ведь покупал такую крутую тачку, чтобы девок кадрить... Кольца на пальце нет. Молодой и привлекательный. Ты так уверенно меня пригласил в машину, что я подумала... Подумала, что наверняка уже не первая, кто делает это — сидит с тобой в этом глубоком и комфортабельном кресле. В тепле и безопасности. Правда, не уверена, что других ты заносил в салон. Надеюсь, они были при себе и самостоятельно садились на сиденье.

Не знаю, зачем я это говорила. То ли разучилась верить людям. Разучилась быть благодарной. Почему-то сыпала сарказмом, даже если не хотела делать ему больно. Может, я просто хотела что-то услышать и успокоиться. Даже не знаю, на что я рассчитывала. Наверное, хотелось побыстрее вскрыть его подноготную и рассеять весь этот флер. Развеять свои иллюзии насчет того, с кем имею дело. Ведь он не может быть идеальным. Уверена, он бабник и вообще плейбой. А меня решил подкинуть так — для разнообразия. Плюсик в карму хронического грешника.

— На самом деле мне особо некому все это показывать. — Таким оказался ответ. — Честно говоря, я тут не вожу обычно никого. Потому и кресло было задвинуто до упора. Просто чтобы можно было задние в случае чего сложить и багажник сделать побольше. Я ведь из-за этого и купил такую машину. Тут багажник слава богу. В нем и лодку можно перевезти. И детали к насосу. И резервуар для бензина. И еще черт знает что вообще.

— Ха-ха-ха... — смеялась я от этих слов. — Извини.

— Что? — удивлялся Руслан. — Почему ты смеешься?

Мы уже почти приехали, заворачивали на закрытый объект. Перед нами подняли шлагбаум, охрана откланялась директору. И это был мой попутчик. А я все никак не могла понять, как меня сюда занесло. Не в смысле на нефтебазу, а именно в эту машину. К этому мужчине. Это было похоже на сон. И я даже начинала забывать, что лишилась машины. К хорошему быстро привыкаешь, и я была готова променять то ржавое, но милое сердцу корытце на одну-единственную поездку с шикарным мужчиной за рулем.

Я вспоминала, как это — снова радоваться жизни.

Тома

Руслан заехал напрямик в ангар, где пахло суетой, авралом, производственной катастрофой и банально бензином — им тут пахло все вокруг. Включая воздух и испачканных людей, которые этот воздух рассекали подобно частичкам хаоса. Все шло кувырком в отсутствие руководителя. И к нашей машине сразу же подбежал лысоватый мужчина. Как оказалось — тот самый Петрович.

— Шеф! Руслан, наконец-то ты на месте! — задыхался он, вытирая пот на лбу давно не белым платочком. — Тут состав подогнули, пути заняты цистернами с мазутом! Машинист чутка напугал и пригнал все сегодня вместо завтра!

— Так должны ведь были завтра только заехать!

Руслан выпрыгнул из джипа и прямо с ходу стал снимать с себя пиджак. Он расстегнул пару пуговиц, аккуратно снял одежду и повесил на спинку водительского кресла. А я сидела рядом как мышка — тише воды, ниже травы. Боялась, что меня кто-то да заметит. Не хотелось лишних расспросов.

Но Петрович заметил...

— Да я ж им говорю — какого... — запнулся главный инженер, когда увидел меня в салоне. Ему мигом стало стыдно за матерную речь. Он приложил руку к сердцу и учтиво извинился: — Простите, ради бога. Я не знал, что в машине дама. Руслан Николаевич, что ж вы меня, дурака старого, не предупредили, что вы приедете не одни. Если бы я знал, что вы сегодня вечером так заняты компанией...

— Расслабься, Петрович. Все нормально. Я и сам не был готов к такому сюрпризу. Все произошло внезапно. Спонтанная встреча.

— О, я понимаю, — кивал Петрович, как будто написал не один роман о жаркой любви между случайными встречными. — Меня зовут Вениамин Петрович. И я здесь главный в отсутствие директора. Пока Руслан Николаевич в отъезде по неотложным делам, я его заменяю и слежу, чтобы на объекте все трудились без перекуров. И НЕ МАТЕРИЛИСЬ, — добавил Петрович громко через плечо, чтобы рабочие ангара сменили лексикон на более культурный. — Мужики! Ну что за стыд — а ну, не материться при ба... при ДАМЕ!

— Ладно, Петрович, — взял его Руслан за плечо и потащил куда-то вглубь ангара, — кончай уже изображать Ромео. Надо работать. Закатывай рукава, зови ребят, нам надо сделать все сегодня — максимум до завтра. Чтобы утром, уже на рассвете, все гудело и работало. Ты меня понял?

— А как же девушка?

— Без тебя, я думаю, справится. Тома просто подождет меня в машине. И чем лучше ты будешь соображать, тем быстрее она вернется домой. В тепло и уют, а не будет слушать весь этот грохот и рев моторов. Кстати, где Серега? Сегодня же он на каре работает?

Но Петрович все никак не мог отстать от новости, что шеф приехал на объект в сопровождении женщины. То есть меня.

— Тома, вы можете подождать в кабинете директора. Там есть кондиционер, я включу его на обогрев. Есть удобный диван. Кожаный. Есть даже мини-бар...

— Ты его, разве, не опустошил, Петрович? — подкалывал Руслан своего старого друга. А тот лишь бросил беглый взгляд на босса и снова принялся обхаживать его пассию.

Не перестану удивляться — снова меня.

— Давайте я вас проведу в кабинет руководителя, мадам...

С одной стороны, было приятно все это слушать — меня давно так не баловали мужским вниманием. Но мне так не хотелось портить идиллию. Так не хотелось, чтобы все вокруг узнали — с шефом приехала калека. Я не могу быть его девушкой. Не могу быть музой такого красивого мужчины. Я... Все что я еще могу — это создавать иллюзию, что все хорошо. Это мой последний бастион. И в компании Руслана это удавалось с легкостью. Заметно проще прежнего.

— Нет, благодарю, Вениамин. Я здесь посижу. Тут так удобно и мягко...

— Ну, тогда... — не унимался Петрович, — тогда вы можете пройти в беседку. У нас чудесная резная беседка в саду.

— У вас тут есть сад?

— У нас тут чудеснейший сад, Тамила! Я вам сейчас все покажу!

— Харе, Петрович, — вмешался Руслан и спас меня от неловкости. Потому что отказываться от всего подряд было слишком подозрительно. Я просто не хочу, чтобы правда вскрывалась. И очень... очень надеюсь, что Руслан это подсознательно поймет. Не станет открывать дверь и заявлять всему миру: "Она инвалид". — Мужик, ты в своем уме? Какая беседка? Ноябрь на дворе.

— Ну Руслан Николаевич... Нельзя же так даму оставлять в машине, словно она кукла неживая.

— Ты у меня хоть раз в этой машине видел кукол? А? Видел хоть раз? — Главинженер заговорщицки мотал головой и странно улыбался. — Что, Петрович, увидел красивую девушку и сразу бес в ребро, а?! — Тот рассмеялся. Атмосфера разбавлялась. Он назвал меня красивой. При всех. На виду у всего мужского коллектива. Это был приятный бонус. Я даже жутко покраснела. Было неожиданно такое слышать. — Вот же старый ловелас!

Руслан схватил Петровича за голову и прижал к груди, как будто младшего брата. Но скорее — как отца. Это было мило. Безгранично мило. Я улыбнулась. Здесь мой случайный попутчик раскрывался заново. Я понимала, как сильно была неправа на его счет. Когда говорила, что он типичный мачо и мажор. Это было точно не про Руслана. Не про этого. А других я и не знала в своей жизни.

— Спасибо, Вениамин. Я просто посижу в машине.

— Это может быть долго, моя принцесса. Вы уморитесь сидеть и наблюдать, как мужики ломают спины над железяками.

— Ничего, мне привычно подолгу сидеть.

— Да? — удивился Петрович. И я поняла, что ляпнула лишнего. — А почему это, если не секрет?

Выручил Руслан. В который раз.

— Сидячая работа, — сказал он спокойно и подмигнул мне с краешком улыбки на губах. — Так, все, Петрович. Пора нам работать... Итак, мужики! — обратился он к команде в черных робах с оранжевыми нашивками на плечах. — Быстро все сюда! Мне нужен инструмент для снятия креплений! Живо осушите магистраль, продуйте все сжатым воздухом! Давайте поддон, чтобы слить все масло в картере! Камон, мужики — быстрее! Цистерны не будут долго ждать! Все это ваша зарплата: если все сделаем быстро, я обещаю премию каждому! ЖИВЕЕ! — хлопал в ладоши Руслан, собирая ударную группу для решения проблемы. — ПРИГОНИТЕ ВИЛОЧНЫЙ ПОГРУЗЧИК! ГДЕ СЕРЕГА?! СЕРЕГА! Н

НУЖЕН ВИЛОЧНИК, ЧТОБЫ АККУРАТНО СНЯТЬ КОМПРЕССОР С ПОДУШЕК!

Было приятно на это смотреть. Зрелище просто завораживало.

Здесь Руслан казался рыбой в воде. Крупной, умелой, быстрой, хищной и знающей свое дело рыбой. Он сплотил вокруг себя людей, вел себя как достойный лидер. Не боялся тяжелой работы, давал пример другим. И пока пареньки копошились в инструментах и гайках — Руслан поднялся на площадку возле агрегата в сияющей белизной рубашке. Был предельно аккуратен, но в то же время смел. Просто он знал, как орудовать ключами. Давал указания и советы. Строго следил за технологией демонтажа узлов.

Я легко ловила этот силуэт. Глаза то и дело смотрели на широкую спину, жилистые руки, обнаженные до локтей. Руслан размашистыми жестами давал команды машинисту за рулем погрузчика. Когда компрессор был отвинчен и полностью изолирован от системы, вилочный транспортер подъехал вплотную, чтобы снять железо с насиженного места и погрузить к нам в машину.

В багажнике уложили деревянные поддоны. Зад немного просел. И в салоне почувствовался запах мазута. Резковатый, грубый, пугающе чужой. Но затем ко мне вернулся сам Руслан. И я снова ощутила безопасность. К хорошему быстро привыкаешь.

— Извини, Рома, — говорила я в трубку почти шепотом, — я тебе позже перезвоню. Со мной все хорошо. Я скоро буду дома.

Не хотелось вмешивать ребенка. Не хочу этим пугать. Ведь одно дело — подвезти бабенку. И совсем другое — мать подростка. Дети вечно пугают мужиков. Всегда. Любых. Это у них в крови, видать. Забачать наследника и смыться в сторону заката. Не хочу, чтобы все так закончилось.

Знать о сыне ему необязательно.

— Вот и все, — выдохнул Руслан, усаживаясь за рулем. — Извини, что так долго. Пришлось повозиться.

На дворе уже стемнело. Мы выезжали из ангара, везя на борту ценный груз. Очевидно, что дальше он поедет в ремонт. Над компрессором будут трудиться всю ночь, пока он не заработает. Для нефтебазы это очень важно. Для всех этих людей. И особенно для Руслана.

Руслана Николаевича. С которым я причудливым образом общаюсь на ты. Без капли совести и страха. Бывает же такое.

— Тебе не холодно? Ты, наверное, замерз? Так и простыть недолго...

Я пыталась набросить ему на плечи пиджак, оставленный на спинке кресла. Но сделать это нормально все никак не получалось. Спинка сиденья была слишком широкой, а расстояние между водительским и пассажирским местами — чересчур большим. Опираясь на подлокотник между нами, я нависла над его плечом. И снова ощутила запах мужчины.

Приятный, терпкий аромат физического труда. Запах напряжения, упорства, жажды все достичь любой ценой. Даже если это тяжело и трудно для обычного человека вроде меня. Ведь я не такая сильная, как хотелось бы казаться. Не такая, как Руслан. На его фоне я слаба. И пока я не поняла своих чувств — мне это претит или напротив нравится.

— Прости, я воняю, наверное, — звучало для меня как издевательство. Он — и воняет? Чем же, спрашивается? Самим собой? — Провонялся там совсем. В этом чертовом ангаре Тебе, наверное, неприятно. Давай, я открою окно хоть чуть-чуть. Проветрим салон.

— Не надо, там холодно.

— Ты замерзла? — смотрели на меня обеспокоенно глаза мужчины. Такие карие, красивые глаза. И они переживали, беспокоились — комфортно ли мне сидеть в одной

машине с мужчиной мечты. — Хочешь, я включу подогрев? Тут есть три режима. Три уровня подогрева. Есть... — стал он перечислять варианты, но быстро понял, что я вряд ли разбираюсь. Я просто молчала и ждала его действий. — Ладно. Я включил на средний. Будет теплее... А за весь этот запах нефтепродуктов — извини. Я сам ненавижу такие штуки. Ведь и одежда пропахла. И салон теперь по-любому придется чистить в химчистке... Завтра утром, когда отвезу компрессор на базу, надо будет заехать к пацанам и заказать озонирование. Его обычно против табачного дыма используют, чтобы вонь от сигарет в обшивку не въедалась. Но я, видишь ли, неправильный водитель. Курить не курю. А вот дрянь всякую замавленную в салон запихнуть — это пожалуйста. Как не мотор лодочный, так мотоцикл крестному купил. А как не мотоцикл, так вот... — жестикулировал Руслан, показывая через плечо, — компрессор этот. — Я сидела и слушала. Лишь загадочно улыбаясь, словно Мона Лиза. — Что? Я тебе надоел, наверное, своими тупыми комментариями?

— Да нет, наоборот. Я соскучилась по твоим тупым комментариям.

— О... — смутился Руслан. И умолк.

— Я просто шучу. Не воспринимай всерьез. Я правда тебя слушаю. Можешь рассказать, как все прошло. Я все с удовольствием выслушаю.

Мы ехали по вечернему городу, освещая дороги яркими фарами. Было комфортно, уютно. И хотя, по правде говоря, в салоне все же пахло чем-то неприятным — мне не хотелось его покидать. Хотелось так кататься и кататься. Закрыв украдкой глаза, пока он не видит в полумраке. И просто слушать его слова. Наслаждаться этим редким моментом — когда я чувствую себя полноценной. Несмотря ни на что.

Вскоре мы приехали домой.

Руслан помог мне спуститься вниз — пересест в ненавистное кресло-каталку. Как будто Золушка после бала: карета уступала место тыкве, а сама принцесса больше не была на высоте. Ее место здесь — в самом низу, возле грязного асфальта. Жесткая дешевая реальность действовала подобно душу. Отрезвляла и бодрила холодом рутины. Все становилось привычным. Инвалидное кресло. Родной до мозга костей подъезд, возле которого так темно, что хоть глаз себе выколи. Вечно занятый кем-то лифт, из-за чего приходится жать опять и опять, пока хочешь просто завалиться домой и забыть, что ты одинока. Там меня ждал хотя бы сын.

Мне бы не хотелось, чтобы он видел меня в компании мужчины. Он может воспринять это двояко. Рома — ребенок. Он нарисует себе в воображении то, чего на самом деле нет. Ну или будет ревновать. Тайно ненавидеть меня за то, что я кручу шашни с мужиками, пока "лишила" его родного отца. Сделала полусиротой. Безотцовщиной, как сказал ему одноклассник.

Я себя винила за это. Хоть и понимала, что неправа. Что это Денис, мой бывший муж, во всем виноват. Но где-то глубоко в душе я была уверена, что часть вины лежит на мне. Ведь если бы все прошло удачно тогда — если бы меня не парализовало после родов...

— Давай, я тебя проведу до подъезда. — Руслан включил фонарик на телефоне и поджентельменски довез меня до самого дома. — Тут так темно, это кошмар. Часто так бывает, что ни одной лампочки в округе?

— Постоянно.

— Давай, аккуратно, Тома. Держись, я вывезу тебя по пандусу, а там...

— Там я уже сама, спасибо.

Но в подъезде тоже было темно. Поэтому Руслан завез меня прямо в лифт, я нажала свой этаж. И мы так проехали еще пару мгновений. Не проронив ни слова. Было неловкое молчание. Он устал и больше не мог меня развлекать своими монологами. А я сожалела, что не могу ему ничем отплатить. Даже боялась поднять эту тему. Что я ему предложу?

Деньги? У меня их нет.

Что-то ценное? Последнее имущество у меня сегодня сперли приставы. Что дальше?

Как я могу ему отплатить?

Будь я полноценной бабой — предложила бы физическую близость. Расплатиться натурой — всегда вариант. Но в нашем случае это просто издевательство. Будет непонятно, кто кому оплачивает и кто кому на самом деле задолжал.

Господи. О чем я вообще думаю? Это трындец полнейший. Я просто устала. Надо закончить этот день, хорошо откиснуть в ванне, если воду еще не отключили. А затем на боковую. Лягу в кровать — в свою пустую и холодную постель — чтобы крепко уснуть. И забыть все то, что было в этот славный чудный день благодаря Руслану.

Тома

Руслан провел меня до самого порога. Только здесь, уже на лестничной клетке, когда я открыла дверь общего с соседями тамбура, было нормально видно. При свете яркой лампы я еще раз проскользила по плечам и по рукам, по красивому, хотя и угловатому, щетинистому лицу. Это лицо я буду помнить долго. И не удивлюсь, если стану ворочаться сегодня до позднего часа. Не смогу уснуть, вспоминая, как пахнет его тонкая рубашка. Такая белая и безупречная.

— Ну вот и все, — выдохнула я. — Здесь мой дом. Тут я и живу.

— Понятно, — повторил за мной Руслан — все так же неохотно выдохнул, как будто не хотел прощаться. Думаю, я его уже конкретно достала своими проблемами. Может, он ждет, что я предложу ему денег хоть за бензин. — Если хочешь, я могу тебе дать немного денег, Тома.

Что?

Нет.

Нет, но... На самом деле — да. Определенно да, ведь как же мне нужны были в тот вечер деньги. Но я не могла их взять у Руслана. Только не у него. Ведь это я его должница. Я должна ему и так. А он... берет и предлагает мне денег после всего того, что сделал для меня.

Я для него обуза. Якорь. Он хочет поскорей от меня откупиться, как от побирušки Это понятно.

— Нет, что ты. Не стоит, — поджала я губы в попытке улыбнуться. — Это очень благородно с твоей стороны, но не стоит.

— Ты уверена? Ведь я помню, что тебе выплаты задержат из-за врачебной комиссии. Ты ведь не виновата. У тебя небось и средств к существованию не осталось.

Этот человек, сам того не понимая, бил меня ниже пояса. И хотя ногами шевелить я не могу — боль я ощущаю четко. Ее там больше, чем было раньше. Особенно в такие минуты.

— Ничего, мы справимся.

— У?

— То есть... — Я оговорилаь. По привычке сказала "мы". А не следовало. Впрочем, какая уже разница? Он уходит. А денег я не возьму. Уже твердо решила. — Я хотела сказать, что выберусь как-нибудь.

— Само собой, решать тебе. Я не стану заставлять и пихать тебе деньги в дверную щель. Но... Если что, мое предложение в силе.

— Спасибо, Руслан. — Я едва удержалась, чтобы не всплакнуть от чувств. Он оказался слишком хорош, чтобы я легко все отпустила. Слишком хорош. Чересчур хорош. И такой реальный... — Я тебе за все предельно благодарна, но теперь тебе пора. Разве не так? Ты же спешишь. Тебе надо везти свой генератор.

— Да я всегда куда-то спешу. Все спешу... — вздохнул он, потирая подбородок. — И кстати, там не генератор, а компрессор.

— Да я знаю. Это шутка такая.

— Ну да, — улыбнулся он, как раньше. — Я ведь помню. Ты на инженера училась.

— Точно. Я — инженер. — Я игриво отдала честь ладонью, словно была как минимум

военным инженером в отставке. А затем ловким жестом протянула эту же ладонь вперед, чтобы пожать мужскую руку. Руслан ответил тем же, и мы все закончили рукопожатием на прощание. — Спокойной ночи, Руслан Николаевич. Если эта ночь для вас окажется спокойной, конечно. Желаю вам откапиталить агрегат до нового состояния. И чтобы ваши деловые партнеры были поражены той скоростью и тем качеством, с которыми нефтебаза приняла, а затем переработала тысячи тонн нефтепродуктов.

— Ха-ха-ха... — смеялся он, все так же пожимая мою узкую женскую ладонь. Она просто терялась в его ручище. И я смотрела на то, как сверкает его белозубая улыбка. Как отсвечивает голубым его запонка на манжете. Как...

Стоп. Тут что-то не так.

— Руслан, у тебя манжет порвался.

— Что? Где?

— Да вот же, смотри.

Я стала рассматривать край белого рукава, который явно пострадал в ангаре. Было несколько разрывов по шву. Возле прорези под запонку. И еще в паре мест неподалеку. Как жаль, что такая хорошая одежда порвалась.

— Блин! Серьезно... — расстроился Руслан, подняв запястье на уровень глаз. — Твою ж дивизию. Я только первый раз ее надел.

— Новая рубашка?

— Новая. И дорогая. Взял ее в бутике. Брендовая. Специально в банк надел, чтобы фирму лучше представить. Хотел нам новый тариф выбить через управляющего. Руководитель там женщина. Вот и надеялся напустить на нее немного чар и забить баки.

— Уверена, что у тебя бы получилось.

— А в итоге порвал рубашку на работе. Вот же я свинья. Ну как так угораздило — просто разорвать. Хоть запонка осталась целой.

— Она с аквамаринном?

— Ага. С аквамаринном.

— Ты их у нас где-то покупал? — пыталась я продлить разговор и отвлечь Руслана от плохих мыслей. Было жаль, что он расстроился. Да еще и я сама же стала поводом — это ведь я заметила проблему. Хотелось как-то замять произошедшее. — Дорого стоят такие? Они ведь идут как ювелирные украшения?

— Это не я покупал. Подарок на день рождения.

— О...

Мне сразу представилось, кто бы мог такое сделать — подарить ему запонки. Это был точно не Петрович или кто-то с работы. По крайней мере, из тех, кого я видела. Если жены у Руслана нет. То это может быть невеста. Его девушка.

— Я в таких вещах не сильно разбираюсь. Мне простые формы ближе. Грубая техника. Мазут. Железо. Бетон, — иронизировал он над собой. — Я человек практичный. Люблю работать руками, пахать. А все эти побрякушки — это скорее бабское дело.

— Я понимаю.

— И эти запонки мне подарила... — задумался Руслан.

И я сразу опустила взгляд. Зря я об этом заговорила. Сейчас он меня обрадует существованием "ее". Впрочем, может, так даже и лучше. Я разрушу свои замки из песка, перестану лелеять иллюзии в голове. Что он холост и этой ночью будет занят только железяками.

— Ладно, это не мое дело. Извини, что спросила. Ты можешь мне не говорить.

— Их мне подарила мать.

Он это сказал, и мне сразу полегчало. Просто тяжесть с сердца упала. Хотя бы немножко эта мечта будет жить — что у него нет никого, кроме работы. И меня. Если так можно было выразиться.

— Подарок мамы — это важно.

— Да, конечно. Ты права. Долг перед родителями — это святое. Может, я и не похож на маменькиного сынка. Я не всегда ее слушал, о чем часто потом жалел, но...

— Ты любишь свою мать, и эти запонки тебе напоминают о ней.

— Именно так.

— Что ж... — Я понимала, что время давно исчерпано. Он должен уезжать, а я никак не отпускаю. Уже и про запонки поговорили. И про маму. — Ты не расстраивайся так из-за рубашки. Ее можно...

— Да я не особо расстроен. Выброшу ее. Куплю новую.

— Что?! — подскочила я в кресле. — В каком это смысле "куплю новую"?!

— Дык она ж порвалась. Не ходить же мне с порванным манжетом.

— Руслан, ее можно зашить!

— Зашить? — засомневался он. — Да ну. Это нереально. Следы останутся. Будет колхоз какой-то. Это разве что ателье специальное искать. Но мне некогда таким заниматься. Да и стоить оно будет, наверное, как новая рубаша.

— Не говори ерунды! — Ухватившись обеими руками за манжет, я стала его внимательно рассматривать под светом лампы в тамбуре. И в голове созрел шикарный план, как отплатить мужчине рядом. За все добро, которое он сделал для меня в тот день. — Я отлично все зашью! Очень быстро и качественно! Все бесплатно!

— Чего?

— Чего-чего? Швея — не слышал о такой профессии?

— Ты швея?

— А ты думал, я просто на каталке езжу и пенсию по инвалидности получаю?

— Ну...

— А как я, по-твоему, должна еще и сы... — Я чуть не проболталась. Снова. — Кхм. Заходи ко мне, я мигом все исправлю. Тонкой белой нитью. Ты не отличишь от заводского шва. И вообще никто не отличит. Все будет в лучших традициях брендовой одежды.

— Ты это серьезно? — был обескуражен мой ночной клиент. — Что, вот прям как новая будет выглядеть? Никаких тебе заплаток и...

— Раздевайся. Это все, что от тебя потребуется. Остальное сделаю я. Тома свое дело знает.

Все это было сумбурно.

Я не ожидала, что он войдет в квартиру. Что все это зайдет настолько далеко, что придется оправдываться за бардак и разбросанные ткани. Но упустить возможность отблагодарить Руслану за доброту я точно не могла. И мне было плевать, что он подумает обо мне как о хозяйке очага. Пускай критикует за беспорядок. Быть швеей и при этом не помочь зашить манжет на мужской рубашке — это свинство с моей стороны. Натуральнейшее свинство. Ведь он этого сделать не может, а я вот напротив — могу. Редкий случай. Надо пользоваться.

— Подожди, я сниму туфли.

Он воспитанно присел на корточки и стал развязывать шнурки на черных лаковых туфлях. Возле грязных и потертых Роминых кроссовок эти туфли выглядели, словно музейный экспонат. Ну или как минимум новый мерс возле выдавшего вида запорожца.

Блин блинский! Возле Роминых кроссовок!

Хоть бы он ничего не заметил и не стал мне задавать неудобные вопросы. Ромка сейчас дома, но делает уроки. Дверь закрыта, но обувь в коридоре. Значит, он покушал, с кухни пахнет разогретой гречкой. Кроссовки на коврике, портфеля нет. В общем, буду надеяться, что сына не выбежит сейчас в гостиную с криками: "Мама, я сегодня получил пятерку по контрольной!"

— Руслан, не надо разуваться! Не надо! Заходи как есть, у меня все равно не убрано!

— Ну что ты. Как-то неловко. Я же в этой обуви в ангаре был. Половину нефтебазы оббегал. А теперь вот по квартире человеческой ходить в них буду, в этих туфлях.

— Да они же чистые... Я вон вообще на колесах заехала, а они у меня не снимаются.

Шутила как могла. Шутила и краснела. Ведь на самом деле это раскладушка для машины. Я ее на выход только беру. Дома у меня домашнее кресло. Но оно все равно сломано. И стоит аж в спальне. Господи, мысли скачут словно лошади по полю.

— Только, это... — снимал с себя Руслан пиджак. Попутно осматриваясь в моем логове. — Все эти пошивы и так далее — оно не займет много времени? Может, мне лучше рубашку дома постирать и завтра тебе привезти, когда она хоть чистой будет?

— Ты при мне стесняешься раздеться? Женских глаз стыдишься? — брала я быка за рога, сдувая с лица локон. А у самой уже просто чесались ручонки — взяться бы за эту рубашку да под машинку пустить. Пальцы свое дело знают. Это просто мой звездный час. — Если хочешь, я отвернусь. Раз ты стеснительный такой.

— Я? Стеснительный?

— Снимай тогда.

— Легко...

Он без лишних разговоров снял пиджак, повесил его на спинку стула. Затем расстегнул одну запонку, на левом рукаве. Положил ее на стол, сверкая голубым аквамаринном. Потом точно так же поступил со вторым манжетом: расстегнул на нем запонку, положил ее к первой. А я молча сидела и смотрела. Было приятно это наблюдать. Как будто прелюдия перед основным блюдом. Как будто это стриптиз, и сейчас начнется главное представление.

Мужчина передо мной поднял ладони к горлу с выраженным кадыком. И сделал первый шаг к блаженству — расстегнул верхнюю пуговицу. И грудь с умеренной растительностью стала обнажаться. Понемногу, медленно, сантиметр за сантиметром. Пуговка за пуговкой. Движение за движением. Эта картина по номерам окрашивалась в цвет кусочек за кусочком. И я представляла, как мои монохромные фантазии превращаются в реальность. С каждой расстегнутой пуговицей белой рубашки тело рослого мужика наливалось краской, становилось все ярче и ближе. Пока не дошло до живота, до самого пупка. И я не увидела кубики пресса.

— Кхм... — только и выдала я. Смущенно опустила глаза и сделала вид, будто что-то готовлю на швейной машинке. Протягиваю нити, проверяю режимы, пристально всматриваюсь в цифры и остроту иглы. Ведь он не разбирается в швейном деле, не выкупит, что я банально притворяюсь и маскирую свой животный интерес под безразличием. — Когда будешь готов, то дашь мне... — В то мгновение мне бросили в руки одежду. — ... Рубашку.

По моей квартире расхаживал коренастый брюнет атлетического сложения. Плечи — широкие, спина — без обвисших боков. Вместо пивного живота — подтянутый пресс, чего я вживую не видела еще со студенческой поры. Грудные мышцы развиты не хуже. Но в этом я убедилась еще раньше — когда он взял меня на руки и пронес всю лестницу аж до порога больницы. Впрочем, что там порог — Руслан меня донес до самой банкетки, чтобы я была в полном комфорте и безопасности. Такое сложно забыть. И еще сложнее — переоценить. На руках меня еще никто так не носил. Даже Денис. С бывшим такого не было. Что-то, конечно, было. Но точно не так.

— Значит, — размышлял об окружающей среде Руслан, — ты швея?

— Угу, — мычала я под нос, держа во рту край нитки.

— То есть. Ты зарабатываешь на жизнь швейным делом? Типа шьешь всякое на заказ?

— Ага.

Сделав метки, прихватив немного ткань, чтобы не сбиться во время прохода — включила машинку и стала ликвидировать разрыв по шву. Быстро, качественно, четко. Выходило, надо сказать, неплохо. Мне не привыкать. Ведь даже эти дорогие брендовые рубашки шьют далеко не святые на небе, а самые обычные женские руки вроде моих. Только где-то в Китае или Турции. Точно не в Италии. А если и там, то разве что наши бабы на заработках. Так что Руслан не почувствует разницы.

Тем временем мой полуобнаженный гость ходил по гостиной взад и вперед, присматриваясь к рулонам ткани, моткам текстильных ленточек и пряжи. Трогал руками свертки, пакеты с написанными адресами на бумажечках. Это были уже готовые изделия — их потом придется отвезти на почту и отправить получателям. То есть заказчикам, которые внесли предоплату.

Вот только одна проблема — предоплат этих уже нет в природе. Потратила. А за доставку надо заплатить. Я же в объявлении пишу всегда, что доставка бесплатно. Блин блинский. Придется съехать на дуру и оформить за счет получателя.

Уже спустя десять минут рубашка была готова. Я высвободила рукав, чтобы внимательно присмотреться к швам. К качеству выполненной работы. И хотя в последнее время не так уж часто делаю подобные вещи, но в этот раз все вышло на славу. Без сучка и задоринки. Даже если под микроскопом смотреть на предмет дефекта. Все идеально. Просто шикарно. Перфекто. Даже если присматриваться с особым пристрастием.

Я буквально касалась носом белоснежной ткани, чтобы с максимальной точностью исследовать шов. И снова почувствовала этот запах. Глянула на Руслана. Он стоял и смотрел на стену — там была картина, которую я нарисовала еще в юности. Когда занималась живописью. Старое полотно акрилом. Обычные цветы на подоконнике. Мама говорила, что они ей не нравятся. Сказала, что они не похожи на настоящие. Слишком яркие цвета. Но лично мне они нравились. Пускай и слишком яркими вышли.

И вот теперь Руслан стоит с обнаженным торсом и смотрит на холст. О чем-то думает, сложив на груди мускулистые руки. В позе Наполеона. А я сижу за швейной машинкой. И вдыхаю его запах.

Рубашка была теплой. Пахла духами. Хорошими мужскими духами. В этом доме таких не бывало. Тут такого не появлялось уже очень давно. Я вдыхала этот аромат опять и опять. Просто нависла над тканью, словно над паром. Это была терапия. Прямо как в детстве — когда родители сварят картошки и заставят склониться над миской. Дышать и дышать. И дышать. Чтобы вылечить недуг. Вот так и я теперь: склонилась над его ношеной рубашкой,

чтобы хоть немного подышать мужчиной. Смесью одеколона. Пота. И немного — бензина.

— Красивая картина, — вдруг разрезал воздух этот комментарий. — Мне нравятся краски. Такие яркие. Она настоящая? Или это просто фотография? Ну... — размышлял Руслан, — типа как наружная реклама. Распечатывают на искусственном холсте. — Он коснулся полотна краешком пальца, чтобы убедиться в подлинности. — Ну надо же. Настоящая. Дорого стоила? — глянул он на меня. И я непроизвольно улыбнулась.

— Очень дорого.

— Сколько же?

— Девять.

— Девять? — повторил Руслан и оценивающе присвистнул. — Немало так... Это в наших или долларах?

— Это в днях, Руслан.

Расправив рубашку, я протянула ее владельцу.

— Прости, я не понял.

— Я сама ее нарисовала. Очень давно. Еще когда была юна и... полна вдохновения. Когда жизнь играла красками. И казалось, что нет ничего важнее, чем мечтать и ставить заоблачные цели. Потому что чем выше твоя мишень...

— Тем выше ты попадешь, когда промахнешься.

Он снова повторял за мной. Вернее, не повторял, а заканчивал мои любимые фразы. Это было очень круто. Первый раз мне показалось, что это совпадение. Но теперь, когда это случилось второй раз за день, мне уже так не казалось. Это было чем-то другим. Не просто совпадением. Начинало казаться, что вся эта история с ДТП и последующим развитием событий — вовсе не случайность. Не совпадение. Тут был зарыт какой-то смысл. Было интересно разгадать, какой. Что все это означает? Не может же быть, что мы встретились с ним просто так.

— Рубашка готова. Можешь проверить манжет — все получилось довольно неплохо. Надень. Примерь. Если вдруг что не так — я могу переделать.

— Нет, все прекрасно. Спасибо.

Руслан оделся, застегнул все пуговицы. Надел свои шикарные запонки, подаренные матерью. И хотя с этим подарком все разъяснилось, вопрос занятости моего внезапного друга по-прежнему висел в воздухе Дамокловым мечом.

— Может, ты хочешь кофе или чаю?

— Спасибо, но я откажусь. Уж больно спешу, извини.

— Да. Я понимаю. И ты меня извини.

— За что? — удивился Руслан. — Опять про те царапины на машине вспомнила? Забудь. Ты вон вообще машины лишилась сегодня. Это страшнее будет любой царапины.

— Да нет. Я не об этом.

— А о чем же тогда?

Он надел пиджак, обулся. Был готов уже уйти. Стоял на пороге. Скоро он меня оставит одну наедине с моим хроническим одиночеством.

— Мне жаль, что я не могу тебе заплатить за все добро, что ты для меня сделал. Или пытался сделать.

— Да брось. Не было там особого добра. Это я так.

— Ты хороший человек. Но денег у меня нет. Так что...

Руслан окинул взглядом прихожую, где в полиэтилен были упакованы мягкие куклы.

Милые уютные игрушки ручного пошива. Я делала их на заказ. Люди в интернете присылали мне сообщение и предоплату на карту — я делала для них "лялю". Были разные варианты, разные цвета и размеры. Иногда просили подписать игрушку именем девушки. Одноклассницы или сокурсницы, невесты. Но чаще всего их брали на подарок детям. Маленьким девочкам.

— Ничего страшного. Ты главное себя береги. Поменьше рискуй. Побольше отдыхай. Не строчи на своей машинке днем и ночью. Уделяй внимание себе.

— Я бы расплатилась с тобой куклами. Я шью их на заказ, как видишь. Но... — засомневалась я в своем вопросе. Стоит ли это спрашивать так в лоб. Ведь другого случая уже не будет. Я так и не узнаю правды до конца. — Тебе, наверное, они особо не нужны — эти куклы. Может, у тебя дочка вдруг есть?

Я подняла на него глаза, чтобы встретить ответ гордо, без доли страха во взгляде. Пора уже расставить все точки над "i". У него ведь есть семья. Есть жена, есть дети. Я уверена. И нам с ним точно не по пути. Не в этой жизни. Я напрасно себя кормлю иллюзиям. Вот и настал этот момент — черед расплаты за мечты, Тамила.

— Нет, у меня нет детей, — ответил Руслан. И отвел глаза. Я так и не поняла, что это значило. Но он бездетный. Буду знать. — Ни дочек, ни сыновей. Никого. Я... — Он поправил пиджак, как будто в этом была необходимость. Но на самом деле Руслан просто чувствовал некую неловкость. И все же он закончил предложение: — Я не был женат. Кхм.

— Уф... — вырвалось у меня само собой. Как будто дымок из горячего чайника. Легкий парок — когда еще не закипело, но уже точно поднялся градус. — Прости. Извини, что спросила. Я не хотела лезть тебе в душу.

— Ничего, все нормально.

Он кивнул мне. Руки в этот раз не пожимали.

Я кивнула в ответ — и он просто ушел. Растворился за дверью, как сон. Который снится в ночь на пятницу, под самое утро. Когда уже рассвет, а ты, вся мокрая от пота, видишь очень яркий сон с мечтой. А затем просыпаешься. И понимаешь, что спала. Просто спала.

Я проспала целый день и была счастлива как никогда. Такого удовольствия не было давно. Уже очень и очень давно. Я вытерла слезинку и стала смеяться. Были странные чувства. Хотелось и плакать, и радоваться одновременно. В душе легко, порхают бабочки. А на губах — дурацкая улыбка от уха до уха.

Из детской показался Рома. Он вышел наконец ко мне и обнял мамулю как единственного родного человека. Так оно, собственно, и было. Я — это все, что у него есть. А мой сын — мое единственное золото. Мое сокровище. Абсолютно все, что у меня есть из ценного в этой жизни.

Вернее, я так думала. Так мне казалось в ту секунду. А Руслан — он ведь просто мечта. Красивый сон, который мне приснился этим днем. Вот только все было не так. Совсем не так. Руслан — не просто сон. Может, и мечта. Но точно не мираж. Он был реален. Реален как никто другой в моей судьбе.

— Мам, почему ты воняешь бензином?

— Потому что я была на нефтебазе.

— И ты нашла там нефть?

— Нефть я не искала, сын. Но я нашла там счастье. Кусочек обычного женского счастья.

Рома смотрел на меня с удивлением во взгляде. Видеть меня в таком состоянии ему еще не приходилось. И это его даже пугало.

Впрочем, я и сам была немного не в себе. Зато какой же кайф — почувствовать такое.
— Почему ты улыбаешься?
— Я улыбаюсь, потому что счастлива.

Руслан

Тот день меня вымотал до последней капли.

Когда я отвез чертов компрессор в ремонт и с чистой совестью отправился домой, было уже крепко за десять. Я зверски устал, по пути заехал за едой и почти всю ее съел за рулем — прямо по дороге в коттеджный поселок за городом. Тут была моя скромная, но добротная обитель. Я вложил в нее немало средств, один только участок возле леса сколько стоил. И вот теперь я отправляюсь сюда каждый вечер после рабочего дня. Уставший, часто злой, голодный. Хочу просто вернуться и уснуть беспробудным сном, чтобы выспаться.

Хорошо хоть домработница приходит. Поддерживает дом в нормальном состоянии.

— Русланчик! Наконец-то! — встретила она меня на пороге. — Я уже и волноваться начала, звонить собиралась. Все нормально?

— Татьяна Павловна, вы до сих пор не дома?

Я думал, что она давно уже уехала. Мне казалось, мы обсудили этот момент: если меня нет долго дома, то она не дожидается. Разве что денег хотела авансом взять?

— Хотела тебя дождаться — ужин ведь приготовила. Хотя он остыл давно.

— Ничего, я по дороге перекусил. Все нормально.

Татьяна Павловна — почти ровесница моей мамы. Но внутренней энергии ей не занимать. Они даже работали вместе с матерью лет тридцать назад. Павловна помнит меня еще с пеленок, часто приходила в гости, чаевала с матерью за одним столом, пока я уроки делал. Поэтому когда обзавелся новым домом, то решил ей предложить поддерживать его в чистоте и порядке, пока сам на работе. Павловна с радостью согласилась, и с тех пор я знаю, что на нее можно положиться. В доме убрано, одежда выстирана, высушена, выглажена. Еще и ужин приготовит, хотя я сотни раз уже просил ее не заморачиваться. Я человек простой — люблю простые формы, простые вещи, простую еду. И честность. Ведь простота, по сути — и есть та самая честность. Вот я честен. В первую очередь с собой.

— Русланчик, я переживала просто — там еда завернута в фольгу, еще теплая, думаю. Если ты вдруг не будешь кушать — положишь в холодильник, чтобы не испортилось. Я тебе сегодня жаркое с говядиной приготовила.

— Спасибо, Татьяна Павловна — большое вам спасибо. Можете ехать домой. Вам вызвать такси?

— Я уже вызвала, не беспокойся. Как увидела, что ты во двор заезжаешь — сразу позвонила. О... — заметила она, что пришла эсэмэска, — а вот и такси подъезжает уже, машину подали. Так что я побежала.

— Павловна, — взял я ее за локоть, чтобы дать немного денег за новый месяц. — Вот, возьмите. Тут половина месячной платы. Я помню, вы говорили, вам бойлер новый надо взять, а то старый прохудился.

— Ой, Руслан, спасибо тебе большое! И правда надо менять, он капать начал, а мастер мне сказал, что это плохой знак — может, месяц еще протянет...

— Если капать начал, то срочно менять. Не тяните с этим. Позвоните завтра же мастеру — пускай меняет. И хороший возьмите. Если надо будет, я вам дам еще авансом.

— Боже, Руслан, ты просто золото, а не человек. — Она погладила меня по руке и собиралась уходить. У ворот светили фары такси. Но затем Павловна опешила и сказала: —

О! Чуть не забыла — тебе мама звонила!

— На ваш номер?

— На мой номер. Спрашивала, дома ли ты уже. Я ответила, что сама тебя жду. переживаю, а то звонить не хотела раньше времени. Вдруг ты на совещании важном. Ты же сам просил рубашечку выгладить новую и пиджачок приготовить. Как, кстати, прошло все — удачно?

Я вспомнил, как спешил на встречу в банк, но так и не добрался до него. Как все застопорилось и посыпалось на ровном месте — поломка компрессора, та авария, скандал с девушкой на старом жигуле. А потом я в этом чистом костюме вообще в грязи копался, еще и манжет порвал. Как мне повезло, что Тома его зашила. А то бы у Павловны инфаркт случился — заявись я в порванной рубашке.

— Все прошло удачно, — решил я не вдаваться в подробности. — Да. Рубашка себя показала на отлично. Хорошая, красивая, удобная. Крепкая. Только надо будет постирать. А лучше — в химчистку, — задумался я и попросил домработницу об услуге. — Я оставлю все на стуле — завтра сможете все отвезти в химчистку?

— Конечно, Руслан, конечно. А что? Уже запачкалось?

— Да, немного. Протер штаниной по грязному порогу, как в машину садился. Сами ведь видели, что за погода сегодня. Грязь везде и слякоть.

— И то верно. — Таксист посигналил, Павловна ушла. — Спокойной ночи!

Я помахал ей рукой и отправился в дом.

Чисто, аккуратно, просторно. Пусто. Одиноко. Надо бы все это снять и принять душ. Но в первую очередь — позвонить маме. Наверняка ведь нервничает, не ложится спать. А первой звонить не хочет, дабы не испортить мне переговоры. Вдруг я их веду сейчас в каком-то ресторане за тарелкой испанского хамона да в обнимку с губернатором.

— Алло, мам. Привет. Прости, что так поздно.

— Сын, с тобой все хорошо? А то мама переживала.

— Все хорошо с твоим сыном, — улыбнулся я в ответ. — Переживать не надо. Все нормально. Просто тяжелый насыщенный день. Я потерял счет времени. Вот сейчас только домой вернулся.

— Я звонила Тане, и она сказала, что тебя до сих пор нет. Но также сказала, что у тебя важная встреча в банке. И я ведь помню, что ты на неделе говорил, будто контракт крупный должен заключить. Вот я и не стала лезть, мешаться со своими мамскими тревогами.

— Не стоило переживать.

— А я переживала! — возмутилась мать. — Вот ты, наверное, в ресторане был, а мама тут рисовала в голове, как тебя жулье обмануло и пистолет к виску приставило!

— Мам...

— И как тебя украли, избили, покалечили, а то и еще чего хуже — за город вывезли и в лесопосадке пытали, пока я тут себе места не нахожу!

— Мам...

— Что "мам"? Разве нельзя было матери звякнуть?

— Я тебя люблю, мам. Извини, что не звонил. Закрутился на работе.

— Эх... — вздохнула мать, но стала остывать потихоньку. — Все работа и работа.

— Я сегодня не был в ресторане, не выдумывай. День был дурной и тяжелый. Пришлось руками поработать и ребят своих погонять и в хвост, и в гриву. Агрегат накрылся и вообще...

— Мама так и подумала, что ты заработался. Не думай, что я и вправду решила, будто

ты в ресторане сидишь и о матери забыл.

— Но ведь сама так сказала. Только что.

— Это я так, — выдохнула она и окончательно успокоилась. — Как прошел день?

— Да всякое было.

— Хорошее? Плохое?

— Хорошее, — перечислял я и думал о том, как Тома зашила мне рукав. Как мы с ней легко болтали перед прощанием. — Плохое. — Тут я вспомнил, как мучился с компрессором. Сколько возни нам принес косяк Петровича. Самое обычное разгильдяйство высшей степени. — Всякое.

— И что хорошего было сегодня?

— Хочешь сразу с приятного? — улыбался я телефону. — С хороших новостей начать?

— Вокруг и так полно негатива. А маме хочется хорошее что-то услышать от сына. Что у тебя было приятного сегодня?

— Приятного? — задумался я о том моменте, когда Тома разрешила взять ее на руки, чтобы донести до самой больницы. — Да, было приятное. Даже очень.

Я опять представил, как она пахнет. Запах чистоты, каких-то ярких духов. Запах влажных от снега волос. Запах... колкого характера, но внутреннего стержня. Сильного и крепкого. Она не слабачка. И не такая беспечная, как мне показалось сперва. И вообще, если подумать — это был просто-напросто "он". Самый обычный запах женщины. То, чего мне порой так не хватает в жизни. И сегодня мне понравилось нести ее, чувствовать ее, вдыхать ее и держать в своих руках.

— И что же такого приятного было сегодня? Дай угадаю... — загорелась мама, — ты заключил тот контракт?!

Я сидел на диване и видел перед собой Тамилу. Но матери об этом не сказал. Это повлечет слишком много расспросов.

— Да, мам. Да. Так и есть. Я вроде как договорился о поставке, груз уже приехал, все довольны.

— Там у вас, наверное, сегодня праздновали все. Веселились на базе.

— Ага. Веселились — не то слово. Прямо танцевали в припрыжку, и я еще помогал этим танцорам. Ходил за ними и пинков хороших давал, чтобы танцевалось лучше... Устал как собака.

Я тер глаза ладонью и чувствовал, что тупо хочу спать. Если бы и хотел что-то рассказать матери, то все равно нет сил. Мысли пугаются, язык ленивый. Устал.

— Все работаешь и работаешь. Порой меня пугает твой трудоголизм, Руслан.

— Работать — это хорошо, мама. Ты сама меня учила этому. Разве это не твои слова, что "труд сделал из обезьяны человека"?

— Ты уже давно не обезьяна.

— О, спасибо за комплимент. Это радует.

— Ты вырос в красивого солидного мужчину. Завидный жених.

— Но только давай без этого, хорошо?

— Меня беспокоит, что ты очень много времени тратишь на работу, сын. Прямо ну очень много. Ты ведь должен понимать, что жизнь — это не только работа. Я хочу, чтобы ты был счастлив.

— Я счастлив, мам. Все хорошо.

— Ты в этом уверен? — копала мать все глубже и глубже. А я делал вид, будто не

понимаю, к чему она ведет. — Когда ты сутки напролет занят работой — ты тоже тогда счастлив? Это все из-за денег? Ты так много работаешь, потому что хочешь много денег?

— У меня и так есть много денег, мам. Я много работаю, потому что... — От усталости не нашел лаконичного ответа. В голове все мешалось. Не знал на самом деле, что ей тут ответить. Зачем я работаю так много. Работаю — и все. Это нормально. Много работать. — Я не хочу, чтобы ты в чем-то нуждалась. Ведь ты всю свою жизнь сэкономила на себе, чтобы прокормить меня. Одеть меня. Отправить в школу. Я все это помню. И теперь хочу, чтобы ты не бедовала.

— Мне не надо столько денег, сына. Мне и так хорошо. Я не хочу, чтобы ты считал, будто мама ждет от тебя золотых гор. Я просто хочу обычного человеческого счастья. Когда мой сын улыбается. Может позволить себе отдохнуть от дел хотя бы день. Один несчастный день без бензина, железяк, всех этих переговоров и поездок по городу. Чтобы ты мог пойти куда-то с друзьями, например.

— К сожалению, так не бывает, мам. В бизнесе друзей не существует. Мы тут все грыземся как акулы каждый день. Тут у нас полный набор бесчеловечности. Взятки, рэкет, полиция, налоговая — надо биться как на ринге. Каждый божий день.

— А внуки?

Вот мы и докопались до правды. Внуки. Ну конечно. Какой же телефонный разговор — и без темы внуков. Которых она ждет и все никак не дождется. Недолго мать шифровалась. Все же не выдержала — взялась за старое.

— А что внуки?

— Сам знаешь.

— Боже... — тер я глаза еще сильнее. Как же я устал. И от этого дурацкого дня, и от этих "внуков". — Давай не будем об этом. Какой из меня отец? Я по горло занят работой. Да и нет у меня хорошей материальной базы.

— У тебя давно уже есть все, Руслан. А если не все, то очень многое, — говорила мама строго. — Уж точно больше, чем хочет обычная нормальная женщина... Прислушайся к словам матери.

— Да где ж найти эту обычную нормальную женщину? Все как на подбор корыстные стервы.

— Ну вот прям все-все подряд...

— Знаешь, сколько мне каждый день приходит звонков и сообщений? Понятия не имею, где они находят мой номер, но мне постоянно звонят какие-то девки с надутыми губами. Я уже устал от них отбиваться.

Мама набрала в легкие воздуха и произнесла с командирской выразительностью:

— От счастья не надо отбиваться! Счастье само тебя найдет, и ты сразу же это почувствуешь!

— И как же я это почувствую? Это, наверное, надо быть прям экстрасенсом? Мне к бабке-гадалке, чтоль, пойти теперь надо?!

— Обращай внимание на знаки.

— А если я их пропущу? Вдруг я их уже пропустил целый ворох? И что же теперь делать? Все пропало? — иронизировал я над мамиными догмами. — Мам, мне некогда забивать себе голову такой ерундой. Я по уши занят делами. И если у меня и были какие-то "знаки", как ты сама говоришь, то я их точно пропустил и заметить не мог. Потому что я человек занятой, знаешь ли.

— Присмотрись повнимательнее. Обычно судьба дает второй шанс. Если это важно, то ты этот шанс точно заметишь... Спокойной ночи, сын. Ты у меня взрослый и сам во всем разберешься. Просто слушай сердце и смотри на знаки.

Она повесила трубку. И я сразу же вспомнил о Томе. Опять.

Тяжело вздохнул, посмотрел на аккуратно зашитый манжет. Начал расстегивать пуговицы, запонки. Готовить одежду для химчистки. Все же молодец она, помогла мне. А я помог ей. Впрочем, чем я вообще помог ей сегодня? Что я такого сделал? Заставил девушку сидеть в машине целый вечер, зная, что не убежит? Я самый обычный подлец. Просто эгоист, который думает всегда о себе. О своем деле, бизнесе. В чем-то мама была права. Она вообще очень часто права на мой счет, просто я это не признаю сначала. Гордыня не позволяет.

— Ладно... — разделся я до трусов, чтобы сложить пиджак и отправиться в душ. — Если бы это было важно, то судьба бы дала мне второй шанс. Второй шанс... Дала бы знак, что надо вернуться и... — В этот момент я обнаружил в кармане карту. Ее банковскую карточку. — Вот же черт. Тома забыла у меня карту. Вернее, я забыл ее отдать владелице. Твою ж дивизию... Украл у человека карточку, на которую пенсию получают. Кошмар просто...

Я стоял и смотрел на эту карту. Маленький кусочек пластика, от которого фактически зависит жизнь Тамилы. За счет этих выплат она живет. Вполне возможно — получает деньги за шитье. А я просто взял и спер ее карточку. Она попросила поднять — я поднял. А затем сунул себе в карман, будто она моя вообще. Чисто на автомате. Вот же придурок. Видели такого?

Танцевал перед ней полуголый, а вот про карту так и не вспомнил, чтоб ее.

Приняв душ и упаковав одежду в полиэтилен на завтра, я лег в кровать. И долго не мог уснуть. Тупо не спалось. Как только закрывал глаза — видел ее. На расстоянии ладони. На расстоянии теплого дыхания мрачным ноябрьским утром. Видел Тому на расстоянии поцелуя. Когда я ее несу на руках, а она молчит, опустив красивые густые ресницы. Я делаю вид, будто не думаю о них, но на самом деле бросаю взгляд за взглядом. Не могу не смотреть. И не любоваться ее влажным от снежинок лицом. Хочу опять и опять смотреть, как падает мокрый снег — на теплую женскую кожу. А затем этот снег начинает таять, превращаясь в воду. И стекать по щекам, как будто слезинки.

Черт. Похоже, у меня слишком долго не было бабы. Натурально теряю голову. Не могу уснуть, не могу забыть о ней, не могу не думать о новой встрече. Только нужен повод. Я хочу ее увидеть снова. Хоть разок. Просто поболтать. Узнать, как дела. Вот только телефона нет, номер я не спрашивал. Звонить не собирался. А может, она ждала, что я спрошу. Но я хамло и дуб. Даже не подумал о таком, и в мыслях такого не было.

Наверняка у нее ребенок.

Я же видел те кроссовки. Размер или женский, или подростковый. Так с ходу не скажешь — могут быть просто ее кроссовки. Но так как она не ходит, то подошвы не могли быть стертymi. А на тех были стерты пятки. Основательно так. И кто-то, судя по всему, играл в этих кроссовках в футбол. Потому что носки тоже были сбиты.

Стало быть, у нее есть сын. Скорее всего. Малолетний сын. И ей его нужна прокормить. Как это делала моя собственная мать двадцать лет назад. Пройти мимо этой истории я не мог, особенно с учетом карточки на моем столе. На ней было написано латынью: "TAMILA AKHTIRSKAYA".

В итоге я взял эту карту, взял в руки телефон. И отправил ей денег на счет. От себя. Просто так. Чтобы хватило на первое время. Пару месяцев на эту сумму они точно проживут, если не потратят на долги и крупные покупки.

А утром я отправился домой к Тамиле, чтобы объяснить.

Руслан

Новый день начался приятно.

Погода наладилась, выглянуло солнышко, лужи быстро впитались в землю и высохли. Окружающий мир опять напоминал осень. Пускай это были последние дни без снега, мороза и свирепого северного ветра. Я наслаждался. Ехал за рулем и улыбчиво щурился от солнечных зайчиков на капоте.

Машины отмыли, кузов отполировали. Ребята нанесли защитную пасту на пострадавшее место. Впрочем, серьезных повреждений не обнаружилось. Под грязью все целое, только верхний слой поцарапало — его считай восстановили за десять минут шлифовки. Правильный инструмент плюс правильные руки от плечей, а не таза. Все как я люблю.

К слову, компрессор тоже восстановили. Именно потому я, собственно, и улыбался. Все прошло успешно, поршни проточили, клапаны заменили. Агрегат уже работает на нефтебазе, прокачивает тонны мазута из железнодорожных цистерн. А я довольный ситуацией качу по утреннему городу и смотрю на прохожих. Где-то здесь, в этом квартале, должен быть ее дом. Томин дом. Вчера было темно, я ничего не разглядел, а на навигаторе зарубку не ставил. Где же это — все дома такие одинаковые...

— Эй, пацан! — выглянул я в окно, когда из подъезда вышел мальчик лет двенадцати. Может, меньше. — Какой это дом?!

— Двести двадцать третий! — ответил малец, забрасывая на плечо рюкзак. — А что?!

— Ты Тамилу Ахтырскую часом не знаешь?!

Мальчик опешил и как-то странно на меня посмотрел. То ли с испугом, то ли с подозрением во взгляде. Но отвечать не спешил. Вместо этого переминался с ноги на ногу и вертел головой, как будто в поисках защиты. Но взрослых как назло поблизости не было. Он еще раз оглянулся на подъезд — железная дверь была захлопнута — и я понял, что он что-то знает. А еще мне показалось в этом взгляде что-то знакомое.

Выйдя из машины, я направился к подростку.

— Что вам надо? Кого вы ищете?

— Я ищу девушку... Кхм. То есть тетю одну.

— А зачем она вам? — отвечали мне вопросом на вопрос.

И я заметил, как пацан стал в стойку обороны. Поднял подбородок как можно выше, чтобы смотреть мне прямо в глаза, прикрывая брови козырьком ладони. Ему в лицо светило солнце, и я сразу же заметил, как красиво искрятся лучи в этих зеленых глазах. Как же такое не заметить — это сходство. С матерью.

— Тамила Ахтырская, — повторил я, изучая реакцию мальчика. — Знаешь такого человека?

И парень сымитировал недоумение. Искренне пожал плечами, поджал показательно губы и помахал головой.

— Мне это имя незнакомо. Простите.

Мальчик опустил глаза и попытался прошмыгнуть мимо меня, но я взял его за шлейку рюкзака.

— Стоп-стоп-стоп, пацан. Погоди минутку... Ты меня не обманываешь часом?

Мальчик нервничал. Губы мелко дрожали, он чувствовал ответственность перед мамой.

Наверняка ведь знал о долгах. Кредит как кредит, а по коммуналке у них могут быть серьезные задолженности. А сейчас зима на носу. Глядишь и контролеры ходят, людям отопление и горячую воду отрезают. Вот пацан и прикрывает маму.

— Вы коллектор?

Он испугался, что я пришел выбивать деньги. Ну да. А что я себе думал — нацепил костюм и галстук. На серьезной черной машине. Подкатил и давай его маму по полному имени называть. На его месте я бы сделал точно так же. Вот только как мне объяснить, кто я на самом деле? Кем я являюсь Томе? Друг? Коллега? Знакомый? Я ведь просто случайный попутчик. Подвез ее до дома, вот и все. А это ребенок — что ему сказать? Как вообще общаться с детьми? Попытаюсь вспомнить, каким я был в его возрасте.

— Сколько тебе лет, малой? Двенадцать уже есть? В каком ты классе?

— А почему вы спрашиваете? Зачем вам это знать? Вы следователь полиции? Что-то расследуете? У нас вчера в соседнем дворе велосипед у пацана украли — это вам туда надо идти...

Он показал рукой в соседний двор и снова попытался скрыться. Но я так и держал его за шейку.

— Постой. Не спеши так сильно. Я не следователь. Просто думал, что ты можешь мне помочь.

— А зачем мне помогать незнакомым людям?

— Ну... — качал я головой. — Вообще-то, ты прав, Андрюша. Доверять незнакомцам — глупо. Ты ведь мне не доверяешь, как я погляжу?

— Нет, — раздувались его ноздри от напряжения. — Я вам не доверяю. И я вам не Андрюша.

— Ага. Понятно. Хорошо, Неандрюша. Имя свое называть не хочешь — как хочешь.

— А вас как зовут, мистер Извращенец?

— Это я извращенец? — задело меня не на шутку. — С чего это я вдруг извращенцем стал? Что во мне такого извращенского вообще? Тебе моя машина не нравится, что ли? Прическа?

Я погладил свой практичный ежик, который нагрелся на солнце. Как и все вокруг. Изморозь на траве оттаивала. Зелень на газонах становилась все ярче. Громко чирикали воробьи. Где-то за спиной послышался шум маршрутки — возле остановки застыл грязный со вчерашнего дня автобус, в который запрыгивали такие же школьники, как и Неандрюша.

Паренек заметно нервничал.

— Пустите! Сейчас же!

Он пытался вырвать у меня из руки свой портфель, а я понимал, что не могу его так отпустить — нужно выведать, на каком этаже живет Тамила. А еще лучше — какой у нее номер квартиры, потому что я ничего не запомнил.

— Не суетись, пацан. Я отпущу тебя, как только ты скажешь адрес Тамилы Ахтырской.

— Отпустите!

— Ты мне называешь номер квартиры — я отпускаю портфель. Идет?

— Извращенец! — начал вопить мой пленный. — Меня насильно удерживает педоф...

На этом слове я заткнул малому рот и попытался расставить все точки над "i".

— Чш... Успокойся. Я никакой не извращенец. Просто хочу получить от тебя информацию.

— Мой автобус вот-вот уедет! Я опоздаю в школу!

— У меня есть машина. Если ответишь на мой вопрос — обещаю подвезти с комфортом и подогревом сиденья.

— Я в машину к вам не сяду! — огрызнулся он в отчаянии. И я почувствовал, как мальчика душат слезы. — Отдайте портфель!

Я разжал ладонь. Пацан отпрыгнул на метр и собрался бежать. Но затем оглянулся. Ведь я его не преследовал.

— Все нормально. Я не хотел тебя обидеть. Успокойся. И... — Я протянул ему рабочую визитку, где были указаны мои контакты, включая имя и мобильный телефон. — Я не извращенец. И уж точно не то, что ты пытался тут выкрикнуть. Я просто хотел тебя подвезти до школы... Но если вдруг понадобится помощь — можешь позвонить. И я тебе помогу. Ну... — развел я руками, — на какой-то реально крайний случай. Мало ли. Бывает всякое.

— Я не возьму.

Протянув руку, я вложил визитку в боковой кармашек ранца.

— Можешь не брать. Дело твое. Но я все равно здесь оставлю.

— Зачем она мне — ваша визитка?

— Вдруг тебе все же надо будет куда-то съездить на машине. Мороз ударит или автобус не приедет.

— Мама говорит, чтобы я никогда не садился к посторонним. Особенно к подозрительно добрым мужикам на хороших машинах. Судя по всему, вы просто больной на голову извращенец, который ездит по городу и заманивает к себе детей, чтобы вырезать почку.

— Серьезно? Это я, значит, похож на такого человека? Ты прикалываешься? Я просто бизнесмен. Директор нефтебазы, чтоб ты знал.

— Маньяки всегда имеют легенду, чтобы правдоподобно врать своим жертвам. Но я вас не боюсь, мистер Маньяк. Я знаю, как себя вести с такими, как вы. Поэтому в машину к вам не сяду. А вот визитку заберу — на треугольники порежу для гитары.

— Для гитары?

— Визитка хорошая, пластиковая. Из нее получатся отличные медиаторы, чтобы струны пальцы не резали.

— Умеешь играть на гитаре? — спросил я с интересом.

Но пацан помахал головой.

— Пока нет. Но научусь.

— Это мама тебе гитару подарила?

Мальчик снова помахал головой.

И немного грустно ответил:

— Гитара отца.

Мы так стояли и смотрели с ним друг на друга около минуты. Просто молчали. Слово на букву "о" прозвучало неожиданно. Конечно, я осознавал, что у каждого ребенка есть отец. И сын Тамилы — не исключение. Но мне казалось, что... В общем, я не знаю, что я об этом думал. По ходу, я об этом вообще толком не думал.

Гитара отца, чтоб ее. Отца. Есть еще отец.

— Но отца ведь нет? Он с вами не живет?

— А вам не все равно?

— С отцом что-то случилось?

— Случилось то, что он идиот и бросил меня младенцем. Меня и маму. Когда у нее ноги

отнялись после родов. Так что я должен быть сильным. И не бояться таких подлых людей, как вы. Удачного вам дня, мистер Маньяк.

— Да чтоб тебя... — хлопнул я себя по бедрам от обидного клейма. — Эй! Постой, хватит меня так называть!

Но он меня уже не слушал. Все внимание привлек автобус.

— Блин блинский! — выкрикнул мальш. — Маршрутка уезжает!

Оставив меня одного у подъезда, мальш едва успел запрыгнуть на нижнюю ступеньку. Дверь закрылась — и Томин сын смешался с такими же пестрыми куртками и шапками пятиклассников. Автобус со скрежетом отчалил. А я окинул взглядом огромный панельный дом и подумал: "Хорошо хоть подъезд теперь знаю".

Я дождался, пока из дома кто-то выйдет, и проник в подъезд.

Войдя в лифт, я начал вспоминать, что уже был здесь. Вчера. Вместе с ней. Вот только какой этаж нажимала Тома? Надо бы напрячь свою память, задействовать мозги. Так. Это был... Ее пальцы нажали то ли пятый, то ли...

Это был пятый, скорее всего. Я сделал то же самое — нажал на пятерку — и лифт устало потащил меня наверх. Я вышел на пятом этаже, но вот дальше...

— Какая из квартир ее? Эта или эта?

Я ходил возле номеров и дверных полотен, но никак не мог понять, куда стучаться. Поэтому начал стучать в ту, которая больше всего была похожа на вчерашнюю. На дверь, из которой я вышел с зашитым рукавом. Постучал костяшками пальцев, прокашлялся. Но ничего не последовало. Никто мне не открыл, никаких шагов в коридоре.

Хм. Наверное, никого нет дома. Или я ошибся.

Может, это не здесь? Надо постучать в другие квартиры...

Я принялся ходить по этажу, даже не будучи уверенным, что это здесь — на этой высоте многоэтажки. Что если я ошибся и остановил лифт не там? Да и квартира — где она?

Сделав так несколько подходов, я услышал, как щелкнул замок в самой первой двери — на которую особо не надеялся. Защелка передернулась, ручка опустилась, и дверь приоткрыли изнутри.

— Малыш, это ты?! Что-то забыл?!

Я стоял и смотрел, как дверь распахивается шире. А затем из нее показывается человек в инвалидной коляске. Тома выкатила на лестничную клетку и смотрела в сторону лифта. А я был за спиной.

— Привет, — сказал я первым. И она дернулась от неожиданности.

— О господи! Руслан?

— Прости, это я. Не хотел тревожить в такое раннее время. Я тебя не разбудил?

— Разбудил меня? Что ты? Нет, конечно. Я только думала, что это... — запнулась она на половине предложения.

Хотела сказать о ребенке, но не решалась. И я себя от этого чувствовал неловко. Пора уже заканчивать с этими прятками. Тем более что я все уже знаю.

— Твой сын поехал на маршрутке.

От удивления Тома открыла рот, но выдавить хоть слово было трудно.

— Мой... — Она размыкала свои розовые губы опять и опять, чтобы найти подходящие слова. Горло предательски першило от неожиданности. Но отступать было некуда — я знаю о ее секрете. — От... откуда ты знаешь, что это был мой сын?

— Я с ним встретился у дома. Он просто выходил из подъезда, когда я подъехал. Хотел

к тебе заглянуть с утра, а тут он.

— Но... — все так же недоумевала Тома. Несмотря на то, что утро — она уже причесана, одета в нормальную одежду. Без макияжа, но лицо свежее, умытое. Мне нравится, как она выглядит сейчас. С этим милым румянцем на щечках. — Как ты понял, что это был мой ребенок? Ты с ним уже виделся раньше? Ты... ты за мной шпионил, что ли?

— Просто он похож на тебя.

— Похож на меня? Да... Это есть немного, но...

— У него твои глаза. Такие же красивые зеленые глаза. Такое не упустить из виду. И когда он вышел из подъезда, заговорил со мной, то... — Тома сидела в кресле и внимательно слушала меня, ловя каждое слово. Хотя я ничего такого не говорил вроде. — То сразу заметил, что он мне кого-то напоминает. Такой же редкий цвет глаз. Не так уже много людей могут похвастаться зелеными глазами. Такой же цвет волос, форма носика. Даже голос и манера речи очень похожи. Он у тебя с характером, колючий такой. Как и мамка. Да. И... В общем, я догадался, что это твой сынишка. Ведь вчера я видел кроссовки. И подумал, что почти наверняка они детские. Принадлежат подростку. Какому-то мальчугану, который похож на свою родную мать. Как две капли воды. Особенно когда вы хмурите брови и становитесь серьезными до скрипа зубов. Пробивная у вас семейка. Все с железной волей. Это вызывает уважение... И все же он просто ребенок. Я его не обидел, ничего плохого не сказал. Просто спросил, где ты живешь, на каком этаже, а он... Не выдал тебя, промолчал. Сказал, что не знает такого человека. И побежал на школьный автобус. Быстро бегают. Ты тоже так быстро гоняла в его возрасте? Уверен, что быстро. Была такой же озорной девчонкой. Задирой. Грозой двора.

Она улыбнулась и вытерла нос ладошкой. Я ее расстроил или просто растрогал. Стало снова неловко. Черт. Надо просто отдать ей карту и уйти. Таланта говорить мне бог не дал, уж точно.

— Не была я задирой. Не говори ерунды. Ты меня совсем не знаешь. Раньше я была помягче. Это жизнь меня такой сделала. Колючей... А почему ты приехал? Что-то случилось? Произошло? Что-то не так с рубашкой — надо перешить?

— Нет, что ты. С рубашкой все отлично. Я отдал ее в химчистку. Это новая на мне.

— Ты сегодня такой официальный.

— Снова еду в банк, — рассмеялся я, припоминая вчерашнюю попытку.

— Снова едешь в банк? — смеялась она таким забавным звонким смехом.

Точно как вчера.

Прошло так мало времени, а я уже соскучился по этому смеху. Когда она смеется просто так. И в то же время к месту. Просто это я без чувства юмора. Деревянный совсем. Как кусок какого-то рельса возле цветочного букета. Не всегда понимаю, когда следует принять буквально, а когда расслабиться и просто кайфовать от разговора.

Это мне и нравилось в Томе. Она общалась со мной не потому, что она мой родственник — моя сестра или законная жена. Не потому что она моя коллега, подчиняется мне или хочет заключить со мной сделку, что-то мне продать, купить у меня со скидкой. И даже не потому, что она хочет получить от меня денег. Тамила от меня ничего не ждала. И только с ней я мог почувствовать себя естественно. Не напрягаться. Просто слушать и отвечать, как будто это наш маленький клуб по интересам. Маленький секрет — у нее и у меня.

— Да. Назначил встречу в банке и вот решил опять с тобой повидаться.

— Это уже становится традицией.

— Точно.

— Если Руслан Николаевич спешит в банк, надев дорогой костюм — надо непременно скоротать часок-другой, решая проблемы Тамилы Ахтырской.

— О, кстати, — вспомнил я о главном. О причине этого визита. Вынул из кармана карточку и протянул ее Томе. — Вот твоя карта...

— Что?

— Сперва я даже не понял, чья она и как у меня оказалась в пиджаке. Но там написано твое имя. И я понял, что тупо записал ее на автомате в карман. Прости.

— Моя карта? — удивилась Тома.

— Да. Так получилось. Я не специально, честно.

— Ну надо же, я и не заметила. Думала все это время, что она у меня в сумочке лежит. А она была у тебя?

— Ага. Извини, что так вышло. Виноват. Я там тебе немного подки...

— Боже, большое спасибо, Руслан! Как хорошо, что ты ее нашел и привез — ты освободил меня от кучи бюрократической канители. Это ведь пришлось бы эту блокировать, заявление в полицию писать об утере. А потом еще черт знает сколько ждать прихода новой.

Сказать о пожертвовании с моей стороны вышло не сразу. Я начал было, но Тома не обратила внимания, перебила меня. Была рада просто тому, что карточка вернулась в родную гавань. Ну ничего, сейчас выдержу паузу и попробую еще разок. Я ведь не из-за этого здесь стою. Деньги на карте — просто повод. И моя бескорыстная инициатива. Ведь кто ей поможет, если не я?

— Я вчера как увидел, что она у меня, то сразу подумал, что ты будешь нервничать и общешься ее. А ведь она у меня. И позвонить не могу, телефона твоего не знаю. Прости, что так вышло.

— Да ничего. Я ее даже не хватилась, как видишь. Там все равно уже пусто. Даже отрицательный баланс может быть из-за ежемесячной комиссии.

— Ну... — подталкивал я хозяйку карты к тому, что баланс не должен быть отрицательным. Хотя говорить это в лоб не хотелось. — Может, все же не пусто? Ты ведь не смотрела, не проверяла? Глянь уведомления от банка в телефоне — авось что-то да капнуло за это время?

— Да не смейся. Мне даже услугу смс-уведомлений отключили за вечное отсутствие денег на счету. Мне как деньги приходят, я сразу же сына прошу все снять до копейки, чтобы за комиссии все не стащили. А то ведь банку только дай возможность умыкнуть твои последние гроши.

— Окей. Тебе виднее. Снимешь потом наличкой, значит... — Думаю, что говорить ей прямо о деньгах от мецената совсем необязательно. Дело сделано — это главное. — Ну, я тогда пойду.

Кивнув ей на прощание дежурным жестом, я развернулся к лифту и решил уйти. Как-то все не очень клеилось. Я чувствовал себя не в своей тарелке. Тома не особо-то и рада была меня видеть. Карточку я отдал, денег ей подкинул на первое время. Как-нибудь разберутся. А я здесь лишний. И малого злю, и Тамила меня даже в дом не пригласила. Надо научиться понимать намеки, Руслан Николаевич. И язык банальных жестов.

Пора на работу. Заняться делами и не страдать всей этой детскостью. В конце концов, мне уже не двадцать лет, чтобы на кофе к симпатичным бабам заскакивать.

— Может, хочешь кофе?

Моя рука застыла, но успела нажать на кнопку. Створки лифта распахнулись — я посмотрел в пустую кабинку. Но представил запах кофе в ее квартире. Как он расходится по кухне теплом бабьего лета. Как щекочет ноздри, пробуждает аппетит и жажду поболтать от дозы кофеина.

И я сразу же согласился без долгих раздумий.

— А что, давай. Я еще не пил сегодня, хотя встал до рассвета... Махнем по чашечке.

Судьба всегда дает второй шанс. Не так ли, моя дорогая мама? Даже для таких тупоголовых тугодумов, как твой сын.

Или это уже третий?

Руслан

Тома пригласила меня в дом, и я не смог ей отказать. Решил, что ничего плохого не произойдет, если мы вместе выпьем кофейку и пообщаемся. А то вчера на это не было ни сил, ни времени. А недосказанности валом. Был занят чертовым компрессором.

— Отлично, проходи — я варю очень хороший кофе.

— Хороший кофе, говоришь? Интригует. Арабика? Робуста? Может, смесь в интересных пропорциях? Ты его сама и перемальываешь?

Уже привычно развязав шнурки в тесном коридорчике, я окинул взглядом полку с обувью. В этот раз я искал отнюдь не детские кроссовки. И даже не женские. Меня интересовало присутствие чего-то мужского в этой обители. Есть ли здесь что-то от того самого "отца". Что-то еще, кроме гитары.

— Да, сама, — ответила Тома, проворно укатив на кухоньку с ажурными занавесками на окне. — У меня есть хорошая кофемолка. Жерновая. Старая фамильная реликвия. Она мне еще от бабушки досталась. Слегка напоминает мясорубку, надо иметь сильные руки, чтобы прокрутить, — приговаривала девушка, уже прокручивая жернова на силу, — но у меня руки сильные, знаешь ли. Привыкла.

— Даже не представляю, как ты все делаешь руками.

Заметил, что в доме убрано. Стало чище, чем было вчера вечером. Пакеты с готовыми изделиями убраны на полки, все подметено, обувь сложена в галошницу. В воздухе стоял приятных запах моющего средства для полов. Я тут переживаю на полном серьезе, что не дал девушке выспаться после тяжелого вчерашнего дня, а она уже в квартире прибралась.

Но уже через минуту синтетический запах яблока был вытеснен ароматом кофе.

— Да, есть такое. Все руками, Руслан. Тебе это может показаться диким сначала, я понимаю. Я и сама сперва туго рисовала в голове, как буду выживать. Все ждала, что пройдет...

— А оно могло пройти?

— Врачи так говорили, — пожалала она плечами. — Меня ведь даже выписали из больницы с формулировкой, что "остаточный эффект". Мол, небольшая опухоль, давшая осложнение на хребет, и все такое. Но на деле это было уже точно.

— Никаких шансов?

— Нет. Не прошло, — отчеканила Тома с грустной иронией на лице. — Не прошло.

Повторив эту фразу, она пригладила волосы руками. А я мельком остановил свой взгляд на декольте. Грудь приподнялась от движения плечей. Бюстгальтера нет. И я слегка залип на пару секунд. Пока Тамила смотрит в окно и о чем-то думает. Надеюсь, она это не видит. Потому что выглядело не лучшим образом с моей стороны.

Пришел попятиться на формы? Ну-ну.

— А кофе где берешь? Пахнет так добротнo. Прямо как в хорошей кофейне. Удивлен. Обычно дома так не пахнет. У меня кофемашина — и так богато не пахнет, когда сварю эспрессо... Хотя и недешевый покупаю.

— Ох, ты сейчас, наверное, думаешь, что я транжира.

— Нет, прости, я не на это намекал. Ты неправильно подумала. Без задних мыслей.

— У меня приятель просто баристой работает.

— Приятель? — почему-то зацепило меня это слово. Я везде искал подвоха.

Ну и что такого, что приятель? У нее не может быть друзей-мужчин? Ты еще с мужиком ее законным ничего не выяснил, всего лишь на кофе зашел, а уже на "приятелей" бросаешься? Будь попроще. Сделай расслабленный вид и покажи, что тебе нет никакого дела до ее хахалей, кем бы они ни работали. Хоть и владельцами сети элитных кофеен.

Впрочем. Это же просто бариста. Ничего особенного. Только усы себе накручивают, да висками выбритыми щеголяют. А в кармане — бублик. Я повыгоднее выгляжу, уж точно.

— Да, мой друг.

— Друг, — повторил я снова и вздохнул. Становилось как-то жарко. Вместо расслабленности я демонстрировал тотальную озабоченность ее приятелями и друзьями. Не так я себе представлял наш разговор. Я уже начинал ненавидеть этот хороший кофе. Было чувство, что входная дверь распахнется — и к нам войдет разлить свой кофе по чашкам тот самый бариста.

И они поцелуются у меня перед носом.

— Ну как друг, — добавила Тома. — Дружили еще в школе.

— Одноклассник, значит?

— Да. Одноклассник. Он ухаживал за мной в старших классах.

— О... — поджал я губы. Все к тому и шло, естественно. Хахаль. Ее парень. Просто бывший. Типа. — Твой бывший бойфренд, выходит?

— Вроде того, — засмеялась Тома. — Боже. Как же давно это было. Мы с ним еще на брейк-данс после школы ходили.

— Ты в школе брейк мочила?

— Ага, брейк мочила, — повторила она и самоиронично замотала головой. — Сейчас в это трудно поверить, но да. Было время, когда я танцевала нижний брейк.

Не знаю, зачем, но мне почему-то хотелось быть остроумным. Жутко захотелось пошутить. То ли чтобы вырасти в ее глазах как компаньон для разговора. То ли чтобы снять свое внутреннее напряжение. Но я пошутил.

И вышло это не очень.

— Так это потому ты в инвалидном кресле?

— Э... — нахмурила Тома свои тонкие от природы брови. — Прости? О чем ты?

Я начинал понимать, что промахнулся. Моя шутка не зашла. Юмора не поняли. И теперь придется объяснять, что я имел в виду, когда сказал "это".

Черт. Как же жаль, что нельзя все отмотать. Сделать вид, что ничего такого не было.

О чем мы там говорили перед моей шуткой? О школе. О бывшем бойфренде. Лучше бы она рассказывала о своих парнях, чем я пытался шутить при женщине.

— Извини. Это была такая шутка.

— А. Я поняла. — Тома прикусила нижнюю губу и выключила газ под туркой с кофе. — Уже заварилось. Сейчас немного подождем и будем пить. Ты не спешишь?

— Слушай, это была просто шутка.

— Да, я поняла.

— Нет, я серьезно. Не умею шутить.

— Ну почему же. Было смешно.

— Смешно как раз не было. Ты не смеялась. И даже смысла моих слов не поняла.

— Ты пошутил, что... — задумалась Тома, прокрутив в голове сказанные мной слова. И... внезапно до нее дошло, что я вкладывал в тот анекдот. — А! Ты имел в виду, что я в

коляске, потому нижний брейк танцевала активно?!

— Д-да... — выдавил я из себя с искаженной улыбкой. — Так все и хотел сказать.

— Это смешно. Правда.

— Серьезно?

— Да, конечно. Ржака. Ты юморист.

— Я дурак.

— Ты не дурак. Ты просто пошутил.

— Лучше бы я промолчал.

— На самом деле я люблю тебя слушать.

Она налила мне горячего кофе. Придвинула сахар, но я не взял. Пью просто черный. Несладкий. И дома, и в кафе. Везде. Люблю простоту. Она меня всегда очаровывает.

Ну или, может, этот кофе такой же простой и беспонтовый, как я сам?

— М... — вырвалось у меня само собой, когда сделал первый глоток. — А вкусно.

— Угу.

— Терпкий такой. Слегка кислинка чувствуется под языком, когда проглотишь... Ты колдунья. Хорошо пошло. Я рад, что заскочил к тебе на чашку.

— И я тоже рада, — улыбалась Тома в свете солнца. Оно пробивалось сквозь ажурную занавеску и ложилось красивым узором на лицо, ее плечи. Слегка обнаженную сверху грудь.

Я снова туда глянул. Ненарочно. Просто так получилось. Глаза так и тянуло глянуть хоть разок. Декорльте притягивало взор, хоть ты тресни. Вчера такого не было. Она ведь сняла пуховик. Сидела передо мной — такая нежная и мягкая.

Черт. Мне кофе по шарам ударило.

— Так значит, этот твой приятель-бариста...

— Жорик, — подсказала Тома.

И я удивился.

— Жорик?

— Ага.

— Серьезно?

— Да, а что? Его так зовут. Такое имя.

— Бариста Жорик? Это же не звучит...

— А по мне так очень даже звучит, — защитила своего экса Тамила.

Впрочем, может, он и не экс вовсе. Вполне возможно, они поддерживают связь. И видятся не только ради кофе. Бойфренды бывшими не бывают, это уж точно. Надо выведать всю подноготную этого порочного союза.

— Ну ладно. Тебе видней.

— Моей маме тоже его имя не нравилось.

— Согласен с твоей матерью. Она вас не пыталась развести?

Я опять шутил. Хотя и понимал — лучше молчать и дуть на горячий кофе.

— Нет. Это сделал Денис.

На этом месте я нечаянно поперхнулся. Вышло очень глупо. И несерьезно. Хотел спросить, кто такой Денис. А на деле будто всполошился, что БЫЛ ЕЩЕ И ДЕНИС. Словн мне не все равно. Не "по барабану", как сказал ее малой. Блин. Так и не узнал ведь его имени.

— Все нормально?

— Да. Я просто... кхм... поперхнулся.

— Денис отбил меня у одноклассника, когда я пошла в универ. Любовь на расстоянии не выдержала проверки реальностью. Я влюбилась в козла. Как потом оказалось.

Я отложил дымящуюся чашку и взглянул в окно. Начинало проясняться. Не на улице — там и так все было ясно с самого утра. Нет. Прояснилась история с отцом Неандрюши. Ее зеленоглазого мальчугана. Виновника всей этой немислимой драмы.

— Это он отец?

— Угу, — кивнула Тома, точно так же смотря в окно. И попивая кофе. — Биологически — да. По документам — да. Но для меня он умер. Пусть живет как хочет.

— Так вы развелись?

— Да, я разведена.

Мне стало вовсе жарко. Я снял пиджак и повесил на спинку стула. А когда опять повернулся к Томе лицом, то заметил, как она украдкой смотрит на мою грудную клетку. В тонкой шелковой рубашке.

— Рубашку оцениваешь?

— Ага. Хорошая. Мне нравится. Качественная. И материал хороший. Чистый шелк. Кайфую от таких.

Она проятнула ручку и погладила меня по бицепсу. Были странные ощущения. Я не мог понять, что ее привлекает — мое тело или ткань, из которой пошита одежда на этом теле. В любом случае было странно. Но приятно. Думаю, мы оба получили в тот момент долю удовольствия. Я — от ее прикосновений. Она — от качества шелка.

— Ну и что потом Жорик?

— А что Жорик? — переспросила Тома. — Жорик тут ни при чем.

— Он тебя не пытался потом вернуть, когда узнал, что ты рассталась с мужем?

— Ты шутишь? — махала она головой. — Жорик ведь не слепой. Зачем ему сдалась калека?

— Не надо так говорить. Ты не калека.

— У Жорика семья. Жена и дети.

— О, — осознал я вдруг, что зря так ежился на Жору. Он не холостяк. А самый обычный бариста-семьянин. Да еще и не самый обеспеченный, понятное дело. И ничего. Ему это не помешало завести семью. Пока я тут переживаю, что "всего лишь" прикупил себе активы на одну-единственную нефтебазу. И ведь кайфуют люди от нормальной жизни. — Значит, Жорик женатый человек?

— Да. У него двое деток. Мальчик ходит в детский садик. А вот девочка — она ровесница Ромы.

— Ромы?

— Ну да. Она учится в параллельном классе. Ромка в пятом "А", а Жорина дочурка — в "Б".

До меня наконец дошло, что Рома — это сын. А то я первые пару секунд решил, что у нас еще и некий Рома присоединился к Жоре и Денису. Хоть бери их в блокнот уже записывай. Ну и насыщенная была юность у Тамилы. Много успела. Парни так и вились у ног. Впрочем, как ей это помогло сейчас? Где они все?

— Жорик тебе помогает?

— Да, у нас с ним как бы бартер.

— В смысле?

— Я для его постоянных клиентов шью игрушки мягкие — он их дарит бесплатно на

дни рождения.

— Нарабатывает лояльность.

— Ага. Такой вот маркетинговый ход.

— Умно. Надо и нам так поступать, — подшучивал я, опять говоря не в попад. — Хотя я снова глупость говорю. У нас серьезные компании. Куклы будут неуместны. Прости.

— Ну да. А вот у Жоры это дело идет, люди это любят. Для меня это несложно — сшить из остатков ткани что-то милое. А Жора мне за это кофе отгружает.

— Тоже из остатков? — улыбнулся я и в мыслях уличил баристу в жлобстве. Платит девушке (своей бывшей возлюбленной, между прочим) ворованным кофе, который остается из-за системного недовеса. Если бы я узнал, что у нас на базе кто-то так барыжит — уши бы оторвал. Утопил бы в резервуаре, ей богу. — Хитрый твой Жора. Хорошо устроился.

— Ну а что ты думал? Все как-то крутятся, выживают. Не всем ведь бизнесменами быть и большими директорами. Вот я просто шью одежду и куклы. А Жорик — подгоняет мне кофе в зернах. Так и живем.

Я выдохнул и посмотрел себе в чашку. На доньшке осталась только гуща. Это был реально очень и очень добротный кофе. Отдаю ему должное — этому Жоре — напиток хорош. Особенно в такой компании.

— Так, ладно, — взглянул я на время. Наручные часы говорили, что я задержался. — Думаю, что мне пора уже отчаливать.

Карточку отдал, оскомину сбил. С женщиной побеседовал на светские темы. Выслушал пару историй о ее бывших парнях. Думаю, что этого хватит.

— Уже? Так скоро?

Я приподнялся над столом, но не смог уйти. Ее расстроенный взгляд заставил опешить. И вернуться за стол. Я уже не мог ее оставить и уйти. То ли чувствовал ответственность. То ли привязался к разговорам ни о чем. То ли... Что-то еще?

Что-то еще. Странное чувство.

— А что? Ты хотела еще о чем-то поговорить?

— Я хотела угостить тебя печеньем. Сама пекла. Оно вот дошло как раз. Попробуешь?

На столе передо мной оказалась мисочка с ароматной домашней выпечкой. В магазине такого не сыщешь. Да и в кафе оно не так приятно пахнет. Ведь оно пахнет...

Детством. Черт. Моя мать точно такое же готовила, когда я с тренировки приходил. После футбола. И запах был таким же. Даже форма та же. Как же не попробовать.

— Ох. Печенюшки. Выглядят аппетитно.

— Попробуй. И я тебе в дорогу еще дам.

— Да не стоит. Я себе и так куплю. Ты лучше малому оставь.

— Так я еще напеку, — возмущалась Тома по-хозяйски. — Давай. Попробуй.

У меня во рту начала скапливаться слюна. Уж больно приятно они пахли. Эти печеньки. И были так близко от носа. Черт. Надо попробовать. Обязательно попробовать. Только руки вымою сперва. Не брать же мне их вилкой.

— Ну ладно, уболтала, — стал я не таким принципиальным насчет работы. Думаю, что она хоть немножко да подождет. Пока я угожу хозяйке и попробую десерт. — Только надо руки вымыть. Где я могу это сделать?

Я машинально подошел к мойке, но затем решил, что это будет свинством — мыть здесь руки. Тут все так чисто. Убрано. Тарелки аккуратно сложены по диаметру, чашечки висят на крючочках, повсюду скатерти кружевные. Интересно, это она сама их шьет? Наверняка ведь

сама. Они тут везде. Это вносит свою лепту в общий уют квартиры, конечно.

— Тут не получится, к сожалению. Мойка забита.

— В смысле "забита"?

— Ну, мы ею не пользуемся из-за этого. Ты не подумай, я бы с радостью тебе позволила сполоснуть тут руки, но мойка и правда не работает.

— Что-то с краном?

— Нет, не с краном. Со сливом.

— А что с ним? — стал я заглядывать в дырочки канализации. — Надо прочистить?

Давай прочистим. Вантуз есть?

— Да я уже пробовала. И вантуз, и средство для прочистки труб. Там очень серьезный засор.

— Очень серьезный засор? — шурился я, подсвечивая вспышкой телефона. Но ничего там толком не разглядеть. — И что за засор такой, что ни кислотой его не взять, ни вантузом?

— Стекланный бисер.

Я выпрямил спину и посмотрел на Тамилу.

— Что? Бисер? В кухонной мойке?

— Не спрашивай, — отвела она глаза. — Это случилось прошлой зимой, на новый год.

Я застирывала под краном платье с бисером, которое специально пошила, дабы угодить зверушке по восточному гороскопу.

— Ну...

— И терла так сильно, что бисер сорвался и разлетелся россыпью.

— О боже.

— И все туда насыпалось.

— В мойку? — подводил я черту.

— В мойку.

— И с тех пор ты не можешь ее прочистить?

— У-у, — мотала она головой.

— То есть, вы не пользуетесь мойкой с прошлой зимы?

— Ага.

— А как же ты справляешься-то?

— Ну, — показывала Тома на баклажки с водой. Видимо, набранные в ванной. — Вот. Рома мне приносит воду, а я ее грею в чайнике. Наливаю в миску. И мою посуду в миске. А затем его прошу все вылить в унитаз.

— Ничего себе система.

— Так и живем.

— А прочистить радикальным способом не пробовали?

— В смысле? Не прочищается ведь, говорю.

— Ну а раскрутить сифон? Само колено.

— Колено? — недоумевала Тома. — А где оно находится? Это в квартире? Тут у меня на кухне где-то?

Я вздохнул, понимая, что объяснять такие вещи не имеет смысла. Может, Тома и училась на инженера — знает, как устроены сложные компрессоры. Но простых бытовых вещей она не знает.

— стакан.

— Стакан?

Я стал пыхтеть и открывать дверцы тумбы под мойкой, чтобы показать рукой на ту самую вещь — сливной сифон, который есть под каждой мойкой или умывальником.

— Вот он. Сифон. Он же стакан. Он же колено.

— И как же его можно прочистить? Это сварщика нужно звать? Резать его пилой или...

— Тут есть гайка — видишь, — показал я пальцем на крепление старого чугунного сифона, которому на вид было столько же лет, сколько и мне самому. Наверняка стоит здесь с самого начала — как только дом построили.

— И что? — Тома не понимала, какая связь между чисткой сифона и гайкой. — Мне это должно помочь?

— Открутить ее не пробовали?

— Я? — задала она закономерный вопрос. Тома показала пальцем на себя, и я понял, что требую от нее невозможного. Сама она с такими вещами не справится, Рома слишком мал для подобного. А других мужчин тут давно уже нет.

Черт. Но я ведь не полезу в чистой одежде, как дурак. Это и правда уже становится традицией. Как только я еду в банк, то встречаю Тому и лезу на стиле в самое пекло с чертями и смолой. Еще и вторую рубашку порву.

В этот момент позвонил телефон. Тревожили с работы.

— Да, Петрович. Что там у тебя?

— Руслан, тут приехал ревизор от нашего контрагента.

— Чего он хочет?

— Хочет, чтобы я ему финансовую документацию предоставил за прошедший год.

— Какую именно?

— Касаемо их отгрузок, — пояснил Петрович. — Говорит, что акт сверки был согласован на уровне руководства компаний. Это правда? Они с тобой согласовывали?

Я зашел в календарь на телефоне и увидел, что на этот день стоит напоминание. Я не заметил. Смахнул, наверное, не глядя. Вместе с каким-то спамом вроде новостей. Блин. Твою ж дивизию.

— Да, Петрович, все нормально. Скоро я приеду. Попроси, пусть подождет еще немного. Полчаса буквально.

— Он тут кипишует, говорит, что не может ждать, потому что мы не одни, с кем был согласован общий аудит.

— Послушай, скажи, что директор уже выезжает и скоро будет на объекте. Без меня ему ничего не давай. И не вздумай подписывать акты вместо меня, как в прошлый раз. Усек?

— Усек, шеф.

— Давай...

Тома все поняла и собрала мне печенья в бумажный пакет. Протянула гостинец и пожелала хорошего дня:

— Пускай там все решится как можно лучше. Удачи, Руслан Николаевич.

— Спасибо. Извини, что все так скомкано вышло. Но мне надо лететь.

— Конечно, я понимаю. Тебе ведь еще в банк надо успеть.

— Да. Ты права.

— Меня с собой брать уже не надо, — пошутила Тома.

И я улыбнулся в ответ. Потому что вспомнил, как непривычно было возить ее вчера с собой. Сегодня после химчистки салона кресло послушно вернулось в то положение, при

котором сидела в нем девушка. Первая женщина, которую я возил с собой в одной машине. Автоматика запомнила настройки. И теперь было немного жаль опять все нарушать. И задвигать сиденье в самый конец, до упора. Как будто там уже никто и никогда не сядет.

— А жаль, — подмигнул я Тамиле. И это было, пожалуй, самое лучшее, на что я был способен в то утро.

Тома рассмеялась от души и даже покраснела от застенчивости. Это прозвучало словно комплимент. Я наконец-то угадал с моментом и случайно для себя сделал ей приятно. Даже не успев все осознать. Просто в полушутку сказал, что жалею. Жалею, что не надо брать ее с собой.

Взяв с собой только печенье в теплом пергаменте, я отправился к лифту. Спустился вниз, разблокировал машину. Пакет с печеньем положил на соседнее сиденье, где по законному праву могла сидеть Тома. Но было только печенье.

Стало немного грустно. Я выглянул в окно и попытался отыскать ее квартиру. По окнам, по балконам. Не знаю, на что я ориентировался. Вполне возможно, что ее окна выходят на другую сторону и я занимаюсь глупым делом.

Руслан, ты и правда думаешь, будто она сейчас выглядывает во двор? Смотрит на твою машину? Ищет тебя взглядом? Господи. Это смешно. Возьми себя в руки и займись наконец-то работой.

Нажав на кнопку старта, я завел движок. Пристегнул ремень. Откусил кусочек печенья. И оно оказалось божественно вкусным. Черт. Какой же это кайфовый вкус...

Мне снова позвонил Петрович.

— Да, я слушаю. Скоро буду. Скажи ревизору, что директор уже...

— Руслан, он не стал дожидаться и уехал.

— Уехал?! Ревизор уехал?! Какого черта?!

— Я ему сказал, что ты скоро будешь, но очкарик заявил, что он не может ждать, и уехал.

— Чудесно...

— Обещал заехать завтра с самого утра. На восемь часов, — обрадовал меня Петрович не самым приятным утром.

— Ладно, буду заранее. Встречу его. Перетрем. Не вижу проблемы тогда. Ты ведь ему не грубил?

— Никак нет, Руслан Николаевич.

— Документы не давал?

— Не давал.

— За меня не расписывался?

— Нет. Нет. И еще раз нет.

— Ха-ха-ха... — смеялся я, жуя второе печенье прямо за рулем. И роняя крошки на кожаное сиденье с перфорацией.

Можно было расслабиться. Проблема рассосалась сама по себе. Нервничать нечего. Да и спешить, как оказалось — совсем необязательно.

— Ты там что-то ешь? — тонул Петрович в любопытстве. — Ты в ресторане сейчас, что ли? С Тамилей?

— Не твое дело, старик.

Звучало дико. Но интересно. Я и Тома. В ресторане. Интригует. Может, как-нибудь и сделаем такое дело. Все возможно.

— Я серьезно. Ты сейчас с ней? Она рядом? Что вы едите? Мне немного привезешь на закуску?

— Петрович, завязывай.

— Так с ней или не с ней?

— Возможно.

— Что "возможно"?

— Пока-пока...

Я выключил телефон и съел еще одно печенье. Бесстыже крошил на элитную кожу, смахивая все с лацканов пиджака. Ел, как натуральная свинья. А перестать не мог.

Набрал управляющего банка.

— Алло, добрый день. Это Когут Руслан Николаевич. У меня назначена встреча на сегодня... Могу ли я перенести ее на завтра? Часов так на десять...

Тома

Вчера вечером, когда ложилась спать, я даже и не помышляла снова его встретить. Даже в мыслях такого не было, что мы с ним еще увидимся. И уж тем более я не думала о том, что увижу Руслана так скоро. Уже утром. На пороге своей квартиры.

Рома только выбежал — дверь хлопнула минут пять или десять назад. Я как раз закончила прибираться. Подметала полы, протирала все шваброй. Ничего особенного. Просто навела порядки. Конечно, если ты не контролируешь ноги, то делать это сложнее. Но с годами привыкаешь. Просто времени занимает больше. Вот и все. А так я не жалею. Заставлять убираться Рому — все равно что издеваться над ребенком. Потому что уроков им задают так много, что он, бедолага, делает их до самой ночи. Он у меня и так умничка. По магазинам бегает, по аптекам, если маме что-то нужно. Очень его люблю.

Так или иначе, квартиру вымыла, вещи разложила, коврики пропылесосила. Собиралась кушать приготовить. Запланировала борщ. Поставила кастрюлю на плиту, и тут слышу дверной стук. Подумала, конечно же, что сын вернулся. Что-то забыл: спортивную форму, дневник или сменную обувь, какой-то учебник, контурную карту, шапку, перчатки или же банально не взял свой ланч-бокс с едой. Но когда я открыла, то не увидела Ромы. Вместо него на лестничной клетке возвышался силуэт мужчины.

Широкоплечий, высокий, одетый в серый деловой костюм. На белой рубашке — синий галстук. Вид солидный, впечатляющий. И я бы испугалась, что это "за мной". Коллекторы или сотрудники банка. Какой-то представитель властей, предлагающий отдать ребенка в интернат (а такое уже было — приходили — я послала их как можно дальше).

Но испугаться я не успела, потому что услышала голос Руслана.

Он звучал раскатисто, богато. Немного хриловатый, но с хорошим грубым басом. Очень приятный мощный голос мужчины. И он называл мое имя.

Так неожиданно, но до боли приятно. Руслан вернул мне банковскую карточку, на которую я получаю выплаты от государства. Хотел сразу же уйти, но я понадеялась, что выпьет хоть кофе. Предложила — он согласился, как ни странно. Приятная неожиданность. Может, у меня и не настолько красиво, как в ресторане или кофейне. Или в его роскошном кабинете руководителя на нефтебазе. Но отплатить гостеприимством я была рада. Да и увидеться с ним, посидеть напротив через столик минут десять-двадцать...

Мне он так нравится.

Боже, настало время признать, что Руслан мне нравится. И как человек, и как мужчина. Я на него запала. И это трудно отрицать. Тупо невозможно. Он мне нравится, и я получаю удовольствие от его компании. Неважно, что именно он делает — говорит со мной или просто сидит и смотрит... на мою грудь. Думая, что я не замечаю. Пьет с улыбкой кофе или пытается шутить, смущая своими шутками и меня, и себя заодно. Шутить Руслан не умеет, это очевидно. Впрочем, он умеет кое-что другое — гораздо более важное. Он умеет быть нормальным. Серьезным. Практичным. Он умен, сообразителен, не делает глупостей, не тратит свою жизнь на удовольствия, не прожигает годы, как это любят делать холостяки вроде него.

Рядом с этим мужчиной хочется жить. Хочется ему помогать. Хочется спрашивать, как прошел его день. Но обычно они слишком заняты. И как правило — не тобой.

Так и вышло в этот раз: он побаловал меня кусочком солнца ранним утром, выпил со мной кофе, перекинулся парой слов — и снова уехал. Отправился куда-то по делам. Оставил меня одну. С грустной улыбкой на губах. Я сидела на кухне и держала в ладонях пустую чашку от кофе — ту самую, из которой он пил еще пару минут назад. Она была теплой, пахла кофе. Я приложила ее к щеке и представляла, что ее касается не чашка. Не фарфор. Не что-то неживое. А самое настоящее тело мужчины. Его губы. Такие же терпкие на вкус, как этот черный кофе без капельки сахара.

И тут в мою дверь опять постучались.

Это уже не мог быть Рома. Не мог быть Руслан. Они оба окончательно уехали. Тогда кто? Неуверенно поднявшись на локтях, чтобы дотянуться до дверного глазка, я увидела его. Мужчину моей мечты. Такого же красивого, подтянутого, в хорошей деловой одежде, белоснежной рубашке и галстуке. Он вернулся. Было невероятно, но факт — Руслан опять стоит на пороге.

Я распахнула дверь и увидела, что в руках у него пластиковый чемодан с инструментами.

— И снова привет. Извини, что отвлекаю.

— Руслан? Это снова ты?

— Решил, что не могу вот так уехать — зная, что ты не можешь пользоваться мойкой. Это ненормально. Буду каждый раз об этом вспоминать, когда включаю воду на кухне.

— И что ты будешь делать?

— Буду разбирать сифон, — ответил он и прошел в коридор. — Вот, взял в багажнике немного инструментов. Этого должно хватить, чтобы привести твою мойку в порядок. Вернем ее к жизни. Ты не против?

Руслан прошел на кухню, снял предварительно пиджак. Расстегнул манжеты и закатал рукава почти до самых локтей. Обнажив при этом толстые жилистые руки, готовые справиться с любой мужской работой. А я лишь наблюдала, предвкушая наслаждение.

— Мне тебе что-то дать? Скажи, что нужно. Как тебе помочь?

— У меня все есть, спасибо.

Он открыл дверцу тумбы под мойкой, присмотрелся к гайке. Затем открыл свой профессиональный чемоданчик, заполненный разной утварью — от насадок для отвертки до гаечных ключей всевозможных размеров. Я такое видела только у спецов. Со стороны казалось магией — что кто-то так уверенно орудует приспособлениями, решая трудные задачи в быту. Но Руслан тут чувствовал себя легко. Выбрал увесистый разводной ключ, развел его половинки, чтобы обхватить заржавевшую советскую гайку. Попробовал сдвинуть ее с места, но ничего не получилось.

— Не крутится?

— Резьба заржавела. Сильно окислилось от времени.

— Это очень плохо? Не получится?

— Получится, — ответил Руслан и взялся за рычаги разводного ключа с удвоенной силой.

Руки напряглись еще сильнее — проступили вены, мышцы становились продолжением стали. Жилы будто сами были выкованы из железа — так уверенно тащили груз прикипевшей гайки, которую не раскручивали десятилетиями.

— Осторожно. Только не поранься.

Но он все сделал четко, ювелирно. С приложением недюжинной силы.

— Есть... пошла.

Гайка издала жуткий звук — похоже на скрежет. И пошла отворачиваться против часовой стрелки. Получилось.

— Ура! — хлопала я в ладоши, предчувствуя, как буду мыть посуду прямо под краном. И без всех этих танцев с бубном и баклажками воды. — Ты мой герой...

При этих словах я склонилась к Руслану, который стоял на одном колене и раскручивал чугунный сифон в труднодоступном месте. И чмокнула его в щеку.

Для него это стало неожиданностью. А я наконец дала себе немного воли, выпустила пар. И принялась готовить борщ. Пока он тут будет выполнять мужскую работу, я покушать сделаю. Выпил моего кофе — съест и борща. А борщ я варить хорошо умею. Есть лук и морковь, свекла хорошая попалась — сладкая, а не соленая. Картошечка. Капуста. И хорошая свиная рулька. Вернее, рульку я уже сварила (вынула косточку, а мясо нарезала). Бульон готов. Надо только остальное все добить — жарку, свеклу нарезать соломкой, капусты нашинковать.

А начнем мы с лука. Будем плакать вместе.

— Что ты там готовишь? — спрашивал Руслан, выбивая что-то из сифона молотком. — Что-то вкусное будет?

— Мелко нарезанный лук. Тебе подходит?

— Разве что Петровичу отвезу. Он как раз на закуску себе просил чего-то привезти.

— Дай ему печенья...

— Печенье я и сам все съем. Обойдется. К слову, очень вкусное. Я пробовал.

— Правда? — стало мне ну очень приятно. Рот так и тянулся от уха до уха, пока пальцы помогали ножу нарезать жестокий лук. Слезы из глаз, но улыбка никуда не делась. Руслану понравились мои печеньки. — Я могу еще напечь.

— Напеки, — был элементарный ответ. Но я ведь только и ждала такого.

— А я возьму и напеку.

— Я с удовольствием заеду и возьму еще немножко.

— На вынос я больше не дам — только здесь. На месте. С кофе.

— С кофе? — повторил Руслан, хитро улыбаясь и закручивая что-то в тумбе под кухонной мойкой. — Это заманчивое предложение. Кофе в компании такой прекрасной хозяйки — ну как от такого откажешься. Так уж и быть. Останется Петрович без закуски — буду пробовать все здесь.

— А как насчет борща?

От услышанного Руслан стукнулся затылком о косяк дверцы. Был изрядно удивлен такому предложению. Ведь я пустила в ход тяжелую артиллерию. Борщ. Само только слово действовало на мужчину словно магия. Секретный код, который заложен в мозгу самца с самого рождения. Стоит его только сказать — и наступает новый уровень общения.

— Борщ? Я не ослышался? Ты готовишь борщ?

Тем временем я нарезала лучок и уже перемешивала его на сковородке с мелко натертой морковкой. Пахло вкусно. Жарка будет золотистой, и еще добавлю томатной пасты. Ложку сахара. Немного болгарского перца.

— На свином бульоне будет. Хочешь?

— Да я как бы и не голоден вроде.

— Будешь...

— Ты меня отвлекаешь от дела, — смеялся Руслан, ковыряясь все еще под мойкой.

Приложив немалые усилия, мой спаситель добыл из слива целую кучу бисера, пайеток, каких-то гвоздиков и старинных кнопок, булавок. Словом, чего там только не нашлось — в этом стакане. Было стыдно, что я заставила директора предприятия возиться с грязью у себе на кухне. Но как же это приятно — наблюдать за его движениями. Как он работает руками, нарушает хаос, приводит все в порядок, ремонтирует, прочищает, закручивает, откручивает. Усилад для женских глаз. Так и хочется его накормить до отвала за такой геройский поступок.

— Ну как? — шинковала я капусту и спрашивала о ходе работ на сантехническом фронте. — Получилось?

— Получилось, — ответил Руслан, но без особого энтузиазма.

— Что-то не так?

Он открыл кухонный кран, чтобы проверить, как стекает вода. Но воды почему-то не было.

— Тебе воду не отрезали, случайно?

— Вроде нет. Проверь в умывальнике, если хочешь.

Он проверил — в ванной вода есть. А на кухне нет.

— Странно. Я думал, что проблема только в сливе, но, судя по всему, это только часть беды. У тебя смеситель не работает, по ходу.

— Я и не знала.

— Он раньше работал?

— Да. Вода бежала в мойке. Когда-то... Тонкой струйкой, но бежала.

— Тонкой струйкой? — прищурился Руслан. — То есть, вода и до засора текла плохо?

— Ну, похуже, чем в ванной. Это точно.

Руслан тяжело вздохнул и открыл еще одно отделение своего чудо-чемоданчика.

— Думаю, что картридж засорился.

— Я туда ничего не роняла. Клянусь, что бисер был только в сливе.

— Смеситель мог забиться ржавчиной. И окалиной. Кусочек плавленого металла попал в сеточку грубой очистки. Так бывает, если на магистрали выполняли сварочные работы. Часть окалины попала в водопровод и застряла в твоём кране.

— То есть, это не я виновата? — надеялась я хоть отчасти сбросить вину за всю эту возню. — Это оно само получилось?

— Ага. Само. Просто иногда надо разбирать смеситель... — объяснял Руслан, раскручивая кран уже другим ключом, — и чистить его от подобного рода засоров.

— Я и не знала.

Он разобрал смеситель, аккуратно выбил из него весь мусор. Промыл водой. И поставил обратно, намотав уплотнительной ленты на резьбу — чтобы не протекало.

Я за это время управилась с готовкой: отправила в кастрюлю свеклу, жарку, картофель, положила соль, лавровый лист, немного черного перца в горошке. Вода кипела — и по кухне разлетелся новый запах. Аромат душистого борщика — лечебного бальзама от любых невзгод, от любых расстройств и от любой, даже самой лютой, усталости мужчины.

— Тадам! — произнес Руслан и повернул барашек крана. — Водичку подано. Можно мыть посуду, овощи и фрукты, кухонную утварь, набирать воду в чайник и кастрюли. Все что угодно. И бегать в ванную не надо. Пользуйтесь на здоровье.

— Спасибо! — так и пела я от счастья.

Вся взбудоражена его визитом. И еще более неожиданным возвращением, чтобы

отремонтировать мне мойку. Вот видно же — реальный мужик. Настоящий мужчина с большой буквы. Взял и без нитя отремонтировал кран. И слив почистил. Вода и правда бежала теперь мощной струей. Даже не бежала — летела из отверстия. Боже, как же быстро отвыкаешь от чего-то нормального — она просто льется как положено. И мужчина в доме — тоже нормально. Только совсем отвыкла.

— Да не за что... — выдохнул Руслан, складывая инструменты в свой желтый саквояж. — Бисер и прочую дрянь прошу не сыпать. При нормальной эксплуатации работать без проблем должно долго. На пару лет должно хватить. А там... Можно и новый смеситель купить. А то на этом хром уже облез местами.

— Кушать хочешь?

Тома

Борщ уже приготовился, я попробовала из ложки — очень вкусно. Только досолить немного надо. И петрушки свежемороженой насыпать сверху. Я специально запасаясь зеленью. Режу и в морозилку отправляю, чтобы в готовые блюда кидать по вкусу. Роме петрушечка нравится. Проверим на Руслане.

— Неужели это борщ? Ты не шутишь?

— Устал, наверное?

— Немножко, — скромничал мой Мужчина, садясь за обеденный стол. — Чертова гайка все никак не поддавалась. Думал, что уже лампу паяльную везти придется. Лучше бы сменить этот слив на современный, из полипропилена. Он будет и надежнее, и в плане монтажа намного проще.

— Поверю тебе на слово.

Я налила из половника борща и покрошила сверху зелени. Добавила в красное ложку белоснежного.

— Сметана?

— А ты не любишь?

— Ну почему же? Люблю. Борщ со сметаной — как бальзам на душу. А у тебя так вкусно пахнет. Я попробую... — Руслан склонился над тарелкой и взял на пробу, лишь слегка подув перед этим на ложку.

И я затаила дыхание. Что же он скажет? Вдруг не понравится...

— Ну как? Нормально? Не пересолила?

Руслан зажмурил глаза и стал довольно мотать головой. Ему понравилось. Наверное.

— Очень вкусно. — Сразу отлегло от сердца. — Ты волшебница, Тома. Так вкусно борщ готовить даже мать не умеет.

— Ничего себе. Вот это комплимент так комплимент.

— Что? Я снова что-то не то говорю? Извини, если обидел...

— Да нет, и правда. Мне приятно. Я уверена, что твоя мама хорошо готовит борщ.

— Но ты лучше, — подчеркнул Руслан. А затем заговорщицки добавил: — Только ей не говори, что я так сказал. Хорошо?

Я склонилась над столом — и он снова посмотрел на грудь, которая нависла над дымящейся тарелкой супа.

— Это будет нашим маленьким секретом, Руслан Николаевич. Кушайте. А я вас прикрою. И ни за что не выдам вашу измену материнскому борщу.

Он поперхнулся от смеха. И мы оба рассмеялись. Было душевно и тепло. Даже не просто тепло — я разгорячилась от всего этого пара, огня. И удовольствия, что он ест мою еду. И всем доволен. Уверена, что Руслан имел возможность попробовать разные блюда. И у матери. И в ресторанах. И, вполне возможно, из рук многих других женщин. Более полноценных, чем я. Если ему нравится — это показатель. Потому что врать Руслан не умеет. К счастью — даже не пытается. Это в нем одна из лучших черт характера — искренность. Обожаю, когда он так делает. Когда он простой и искренний. Впрочем, назвать его простым в узком понимании этого слова было бы неправильно. Близоруко. Такой человек позволяет себе быть простым только с избранными. Такими как Петрович — его

давний друг. Такими как родная мать — его ближайшая кровь.

А что в этом списке делаю я? Какова здесь моя роль? Я тоже могу быть ему подругой?

— Еда была очень вкусной.

Он все доел, но от добавки отказался. Вытер пот со лба, промокнул руки салфеткой. Я опять предложила кофе или чаю, но Руслан сказал, что это лишнее. Алкоголь не предлагала. У меня его и нет, если говорить по правде. Так что хорошо, что мой гость непьющий.

— Я рада, что тебе понравилось. Я старалась. Спешила, чтобы успеть, пока ты занят мойкой.

— Быстро управилась. Молодец. Сразу видно, что хорошая хозяйка.

— Ой, спасибо. Ты меня прям захвалил по самые уши.

— Нет, я серьезно. Вижу, что ты аккуратная. В квартире чисто, посуда вымыта. Везде порядок. Хотя я понимаю, что тебе это непросто дается. Ведь ты... — показал он на инвалидное кресло, но передумал что-либо об этом говорить. — Ладно. Нечего тут уточнять. Ты умница безо всяких "но". Я впечатлен... И эти скатерти красивые, шторы — это ты сама их шила или купила где, заказала?

— Я все сама, — ответила я гордо. Ведь наконец была возможность похвастаться хоть перед кем-то.

Гости у нас бывают редко. Все это видим только мы с Ромой. Дениса тут не было уже лет... Десять. Все эти годы мы живем одни. И мне бы не хотелось, чтобы мой бывший сюда заявился. А если ко мне хотя бы раз в месяц будет заглядывать Руслан — это будет просто потолком моих желаний. Элементарно посидеть, поговорить, выслушать его. Накормить. Сварить чашечку кофе. Чем не кусочек обыкновенного счастья?

— Да ты мастерица. Реальный талант. У тебя умелые руки, это однозначно.

— Да ты и сам далеко не промах, — решила я отметить и его старания. — Так быстро все отремонтировал. А ведь мойка почти год стояла словно памятник. Я боялась кого-то вызывать, потому что думала — возьмут за это кучу денег.

— Да эти сантехники только щеки от важности раздувают. Посмотрят, что в доме мужика нет — и давай тебе лапшу на уши вешать. Мол, тут уже все надо менять. Давайте мы вам поставим все дорогое и большое, а здесь нужна работа целой бригады с подъемным краном, — рассказывал Руслан так естественно и забавно, что я непроизвольно хрюкнула от смеха, — ага, и вот вам прејскурант, девушка. Это ценник, а не наш мобильный номер телефона.

— Ты меня реально спас от этого ада.

— К моей маме как-то заявился такой. У нее тоже кран стал бежать, а я был в командировке. Она вызвала "мастера", — саркастично вымолвил Руслан, как будто в кавычках, — и этот мастер ей как насчитал... В общем, я когда приехал и увидел, что они там ей сделали — нашел того мастера и поговорил с ним так, что он матери все деньги вернул. И еще извиняться к ней приезжал.

— Ого. А ты серьезный человек.

— Не терплю слишком наглых. Некоторым людям кажется, что если ты не ведешь себя, как урод, то ты слабак. И на тебе можно ездить.

— Но на тебе не поездишь.

— Я необъезженный.

— Где сядешь, там и слезешь, — подвела я черту и подняла бровь. Хотелось от него взаимности. Чтобы Руслан признал, что раз он здесь, то я ему не безразлична. Не бывает

такого, чтобы бизнесмен и просто красавец тратил время попусту. Тут что-то другое. Выпить кофе и поесть он мог где-угодно. Но выбрал мою кухню.

— И все же бросить тебя в беде я не мог. Поэтому решил вот вернуться и разобраться с мойкой.

— Я была удивлена, когда увидела тебя на пороге. Второй раз за утро. Ты ведь вроде в банк собирался. И ревизор тот...

— Встречу с управляющей банка я перенес на завтра. Ничего ужасного. Нам все равно должны крупную сумму сегодня загнать. Как раз под этим соусом и обсужу наш новый тариф. Чтобы показать, мол, оборот по предприятию растет — надо бы процент за обслуживание скинуть. Как у крупных клиентов. А ревизор придурок. Не дождался и умчался куда-то. Я даже отъехать от дома не успел.

— Хм. Странный какой-то.

— Не то слово. Я только мотор завел, а Петрович мне говорит по телефону, что не надо уже ехать — представитель нашего партнера уже все, уехал в закат. Обещал на утро завтра примчаться. Надеюсь, что все будет нормально уже. А то какие-то они прибацанные пошли. С прибабахом.

— И часто такое бывает? Что с людьми так сложно работать?

— Ох, Тамила. Часто. Мне и с налоговой приходится бодаться. И с поставщиками сырья. И с технадзором. Они каждый месяц присылают ко мне комиссию, а я их посылаю вдаль, за окружную.

— Почему?

— Потому, что они не имеют права так часто делать проверки. Законом предусмотрено раз в год. А если чаще, то должно быть отдельное решение контролирующего органа.

— А решения нет?

— Решения нет, — пожал Руслан своими роскошными плечами и ослабил галстук. Расстегнул пару пуговиц, дал немного подышать груди.

Мои глаза скакали от расстегнутых пуговиц к лицу. Смотрели то на карие глаза, то на петлю от галстука. То на раскрасневшиеся губы, которые рассказывали о проблемах бизнеса. Но я все слушала. Внимательно. И отвечала.

— А они приходят без решения и делают вид, будто так и надо?

— Ага.

— И на что же они рассчитывают тогда? Что авось да прокатит? Что директор не в курсе, что да как?

— Да все они понимают. Что директор в курсе. Просто взятку выбивают. Это как террор. Приходят за данью, а я их выпроваживаю. Вместе с пацанами.

— Это прям как рэкет.

— Есть немного, — кивнул Руслан. — Но про рэкет — то отдельная песня. Бандюки ко мне не раз приезжали.

— Кошмар.

— Но я им не отстегиваю.

— Тебе не страшно?

— Были поначалу терки. Но потом устаканилось. Я нашел правильные связи — и братки отстали.

— Ты прям как мафиози. Крестный отец, — шутила я, а сама с удовольствием слушала его рассказы. Было интересно слышать это от такого мужчины.

— Да нет, я подобными вещами никогда не промышлял. Я уважаю честный труд. Не люблю обманывать. Не люблю заставлять кого-то страдать. Я считаю, что нормально жить можно и без этого. И вообще самое главное в жизни — это быть честным с самим собой. Чтобы каждый прожитый твой день был прожит достойно... А с бандитами я решил за счет знакомства с одним важным человеком. Мы с ним в армии служили, там и сдружились. На гражданке наши дороги разошлись, он улетел за границу и обрел там уважение. Но обо мне не забыл. Списывались как-то, обменялись телефонами. Словом, как только я ему сказал, что есть проблема — проблема рассосалась. Будто и не было ее.

— Ты меня все больше поражаешь.

— Да ничего особенного. Просто кручусь, как могу. Ты сама вон сегодня говорила. Все крутятся, чтобы выжить. Как видишь, даже большим директорам нужно крутиться, чтобы выжить.

Он улыбнулся белозубой улыбкой, и я опустила взгляд. Начала смотреть на его руки. Сперва на левую — с золотыми часами известного бренда. А затем на правую — где на безымянном пальце нет кольца. Точно как и у меня самой. Вопрос возможных отношений становился призраком, который летал вокруг нас подобно туману. Этот вопрос висел в воздухе и не давал мне думать о чем-то другом, кроме своей приязни к этому человеку. Он меня притягивал к себе. Подобно магниту. Все эти слова и взгляды, помощь. Наши милые разговоры.

— О чем вы говорили?

— С кем?

— С моим сыном. С Ромой. Ты говорил, что вы с ним беседовали. О чем ты с ним говорил? Как это было? Мне просто интересно.

— Ну, Рома вышел из дома. С портфелем в руках, как раз надевал его на плечи. И спешил на автобус.

— Он часто опаздывает на автобус, — журила я своего ребенка, пока он не слышит. — Все тянет до последнего. Уже сотни раз предлагала выходить заранее, подождать немного на остановке. Но он не хочет. Смотрит из окна, чтобы точно знать, когда маршрутка заезжает в наш квартал. И только потом одевается и спускается вниз.

— Может, ему не нравится стоять вместе с другими? У него нет проблем с окружением?

— Ты намекаешь на то, что мой сын некомпанейский?

— У него много друзей? — спрашивал Руслан. Но я не знала, правильно ли рассказывать о Роме без его присутствия. Мы с Русланом не настолько близки, чтобы я выкладывала все о сыне. — Может, он замкнутый? Дети в этом возрасте могут уходить в себя. Не желают взаимодействовать с окружающим миром, со сверстниками. Проявляют неожиданную агрессию.

Я сразу вспомнила тот случай — как Рома разозлился и мокнул одноклассника лицом в перловку. Формально это можно было включить в понятие "неожиданной агрессии". Может, в чем-то Руслан и прав. Конечно, я не стану ему все рассказывать и позорить собственного сына при постороннем человеке. Но должна признать — мне трудно воспитывать мальчика, не понимая до конца его природу. Часто не хватает мужика, чтобы потолковать с пацаном и рассказал ему что да как. Объяснил, как вести себя с другими детьми. Что можно делать, а что нельзя. Порой Рома бунтует, сердится. А я не понимаю, как на это реагировать. Срамить его и упрекать, или же напротив — дать остыть, выпустить пар.

— Да нет, я такого не замечала, если честно. Он у меня спокойный. Покладистый

мальчик. Очень хороший и послушный.

— Мне кажется, он очень похож на тебя.

— Да, наверное. Думаю, что мы с ним довольно похожи. У него мой характер, моя внешность. Даже мой голос, как ты говорил. Да, все так и есть. Но все равно он мальчик, а это накладывает свой отпечаток. Сам понимаешь.

— Пацаны нуждаются в отцах. Это нормально.

— Так и есть, — кивала я покорно. Отводила глаза, чувствуя вину. И продолжала поддакивать. — Так и есть, Руслан. Мальчикам нужны папы. И я этого Роме дать не могу. И порой я...

— Винишь себя?

— Да, — расширила я глаза. — Меня гложет чувство вины. Вины за то, что я оставила его без отца.

— Но ведь это не так. Ты ни в чем не виновата, — взял меня Руслан за руки. И это было неожиданно. Просто хотел успокоить. Но я не ожидала. Взял меня за ладони и смотрел в глаза. — Это не ты должна мучиться от совести. А тот подонок, который оставил тебя в таком состоянии... Конечно, извини, что я так говорю о нем. Но лично я, субъективно, не считаю его мужиком. Твоего этого Дениса. Денис, ведь — правильно?

— Да, Денис. Так зовут моего бывшего.

— Ты давно с ним развелась?

— Вскоре после родов. Роме даже года не было, как он ушел.

— Легко решили вопрос недвижимости? С ним нет каких-то терок и замороженных конфликтов? Ты хоть ему, надеюсь, ничего не должна? А то у меня порой такое чувство, что ты должна очень многим.

— Квартира не его, а моей мамы. Она досталась мне в наследство. Так что мы ее не покупали в браке. И Денис тут вообще ни при чем. Мы просто заселились сюда. Думали, что будем жить долго и счастливо. Он вроде хотел детей. Мне так казалось. Конечно, когда я была беременна, то он не особо уделял мне внимание... — задумалась я о прошлом. И горло как назло стало душить колючим комом. — Может, я скажу сейчас лишнее, но...

— Ничего, ты можешь мне сказать. Я никому не расскажу.

Его пальцы поглаживали мои ладони. Я смотрела на это и странным образом раскрывалась перед мужчиной, которого практически не знаю. Но так хотела знать получше.

— Он мне изменял.

Сказала это, и сама испугалась. Как же это страшно — когда вы планируете детей, а затем твой муж тебе изменяет, пока ты в декрете и ждешь дня родов.

— Твой муж был неверен?

— Он считал, что это просто "женское дело" — детей вынашивать. И рожать. А дело мужика — по бабам ходить. И так как я не была способна быть "как раньше"... Ну, из-за живота и в целом перестройки организма... Он начал активно ходить налево. И даже не скрывал этого.

— Вот же мерзавец, — выдохнул Руслан. — Как можно быть таким? Это же твой родной сын... И даже не важно — сын или дочь, он мог этого не знать. Не знать наверняка пол ребенка. Ведь пол не всегда заранее известен? Правильно?

— Да, очень долго я думала, что будет девочка. Я была этому рада. Потому что всегда хотела девочку. А вот Денис...

Я задумалась о том, что муж всегда хотел мальчика. Ему нужен был наследник.

Который будет похож на папу. Поэтому новость о вероятной девочке ему не понравилась.

— Он хотел принципиально сына?

— Знаешь, я вот сейчас подумала. Это смешно прозвучит, но... Не удивлюсь, если он пошел в загул из-за новости о дочке. Денис наверняка считал, что я недостойна его внимания и любви, раз не рожу ему сына. Он был помешан на идее сына. И затем наши отношения разладились.

— Когда ты ему сказала, что будет, возможно, девочка?

— Да. Так все и было. Я сказала, что жду девочку — так сказал мне узист на осмотре. Конечно, новое УЗИ показало, что это не так, будет мальчик. Но сперва мне сказали, что ждать надо "принцессу". Лично я из-за этого не расстроилась, а наоборот порадовалась, что будет легче воспитывать. Но вот Денису эта новость не зашла... Мы поскандалили. Он сильно ругался, обзывал меня всякими грязными словами. А затем он пропал на несколько дней. И появился уже пьяный. В губной помаде... От него несло дешевыми духами... И вообще воняло доступными телками.

Я вырвала руки из ладоней Руслана. Стало дико от того, что я ему все это рассказала. У меня не было хороших подруг, кому бы я могла пожаловаться. Все от меня отвернулось, с тех пор как я осталась без ног. Никто не захотел со мной дружить. Тем более что многие мои знакомства были связаны с Денисом и его окружением. Мужья моих знакомых так или иначе пересекались с бывшим. И это становилось проблемой.

В общем, я не хотела делать из Руслана жилетку для плача или же подружку. Он не заслужил такой участи — слушать нытье парализованной разведенки.

— Что-то не так?

— Прости, я не должна была тебе говорить такое. Это уже слишком. Извини.

— Ничего, я никому не расскажу. Все, что ты мне говоришь — это знаем только ты и я. Больше никто. Обещаю. Можешь мне верить. Ты мне веришь?

Руслан хотел опять обнять меня за руку, но я отдернула ладонь.

— Дело не в тебе, а во мне.

— И в чем же дело?

— Дело в том, что я нищая калека, которой нечем накормить свою семью. И мне приятно быть в компании с тобой, но... Я не буду говорить тебе о своих проблемах. Рассказывать о своих бывших. Жаловаться на жизнь и полное отсутствие денег. Я не буду тебе говорить ничего про Рому — он тебе не сын, и тебе не придется его воспитывать. Ты ведь это понимаешь сам прекрасно. Ты просто тратишь на меня свое время. А должен заниматься делом. Разве не так?

Мне вдруг резко захотелось разорвать эту ниточку. Пока нас с ним ничего серьезного не связывает. Пока он не сказал мне ничего такого, после чего я не смогу найти себе места. Не сделал ничего такого, за что бы я была ему должна весь остаток жизни. Пока он не приучил меня окончательно к теплу своих сильных рук. И... пока я полностью не поверила, что это не сон. И что так бывает — когда шикарный мужчина сам стучится в твою жизнь и подставляет крепкое плечо.

У меня зазвонил телефон. Руслан понял, что пора идти.

— Ладно, Тома. Я пойду. Спасибо за обед — было очень вкусно. Ты права — мне нужно ехать. Займусь делами. А ты — прости, если что. Вдруг я что-то сказал или сделал. Что-то такое, что тебя могло расстроить. Потому что расстроить тебя — это самое последнее, что бы мне хотелось сделать в этой жизни. Пока...

Я ответила на звонок.

— Алло...

— Я могу поговорить с Тамиллой Ахтырской? — спросил меня приветливый женский голос.

— Это из банка?

— Да, из банка.

— Это насчет моей карты? — грустно спрашивала я, смотря на Руслана. Который застегнул свой желтый чемодан с инструментами и собирался уходить. Но еще не ушел. — Я знаю, что там по нулям и я не должна снимать всю сумму до окончания месяца, но у меня такая ситуация, что...

— Я звоню не потому — по вашему основному счету все хорошо, никаких претензий со стороны банка нет.

— О, это хорошо. А почему вы тогда звоните?

— Хочу вам предложить разумно инвестировать средства, которые у вас на карте. Как насчет покупки иностранной валюты, чтобы обезопасить себя от инфляции?

Девушка из банка говорила натуральный бред.

— Что? Валюта? Зачем мне валюта, если у меня нет денег?

— Я бы так не сказала...

— То есть?

Руслан стоял напротив меня и смотрел каким-то странным взглядом. А я пока что ничего не понимала. Но уже через минуту — поняла. И это стало шоком, к которому я не была готова. Я не думала, что столкнусь с подобным.

— Вам на счет сегодня поступила крупная сумма в национальной валюте. И мы предлагаем разумный сценарий диверсификации ваших средств. Например, вы можете часть денег оставить на этой карте, а часть потратить на покупку евро. Или долларов. Также мы делаем вам как постоянному клиенту эксклюзивное предложение — даем депозитную карту с высоким процентом дохода. Скажем, если положить на нее тридцать процентов от общей суммы, то уже к концу зимы у вас будет прибавка в объеме...

— Сумма, — отрезала я, не имея сил больше терпеть. — Назовите мне сумму, которая поступила мне на счет. — Я не могла понять, откуда деньги. Неужели кто-то по ошибке перекинул. Или еще хуже — какой-то развод. И меня обвинят в махинациях, еще и штраф огромный впаяют. Но когда она назвала сумму, то у меня чуть челюсть не отвисла. — Сколько?! Вы серьезно?! Откуда у меня могли появиться такие огромные деньги?! Да я в жизни таких сумм не зачисляла на счет и ни от кого не получала! Кто отправитель?!

— Имя Когут Руслан Николаевич вам что-то говорит?

Меня внезапно как облили из ведра. Ледяной водой. Как будто холодный душ и удар молотком по голове. Все сразу. Девушка это сказала, а я посмотрела на Руслана, выпучив глаза.

— О господи...

— Вы меня слышите? Вам известно это имя? Это ведь не ошибка? Или нам проверить? Вы хотите, чтобы банк заблокировал эту сумму и вернул ее отправителю? Меня слышно?

Руслан смотрел на меня и медленно кивал головой. Он давал мне намек на то, что так задумано. Все идет по плану. По его собственному плану. Ведь он знал. Он все это время знал, что перечислил мне деньги. Потому и говорил, что там не пусто. Хотя прямо не сказал. Не желал на этом делать акцент. А теперь я просто не знаю, что с этим делать. С таким

подарком.

— Зачем? — спрашивала я у него. — Зачем ты это сделал? Я не могу...

— Ты можешь, — продолжал он кивать. — Ты можешь. Скажи, что все в порядке. И ты принимаешь перевод.

— Нет. Ты просто сумасшедший. Это ненормально.

— Зато теперь будет нормально — когда ты сможешь купить и себе, и Роме все, чего захочешь.

В этот момент телефон разрывался одним-единственным вопросом:

— Вам известно имя отправителя — Когут Руслан Николаевич? Вы его знаете?

Руслан дал знак, что я должна согласиться. Мне нечего паниковать, и все хорошо. Поэтому я все же сделала это — я кивнула. И сказала в трубку "да".

— Да. Я его знаю. Он стоит возле меня. Просто это было сюрпризом. Меня не предупредили. Простите за реакцию. Все хорошо. Я принимаю перевод.

— О! — воспрянула духом девушка из банка. — Подарки к новому году! Это чудесно! А вы уже знаете об акционном депозите?! Целых двадцать пять процентов к Рождеству! Не упустите возможность приумножить деньги! Это эксклюзивное предложение, доступное владельцам именных карт...

Я положила трубку.

Смотрела на него и не могла сдержать эмоций. Просто плакала. Слезы текли — так обильно капали с ресниц. Я их вытирала, но все равно не могла остановиться. Все плыло перед глазами.

— Руслан, не надо было. Это ведь огромные деньги.

Он стал возле меня на колени и легонько приобнял. Взял за плечи, прижал к своему пиджаку. И я разревелась. Это было слишком неожиданно. Еще час назад я не представляла, как доживу до нового года, а теперь вдруг понимала, что мы с ребенком обеспечены на несколько месяцев. Да я и год смогу прожить на эти деньги. Даже без этих всех трюков и программ инвестирования. Просто не буду их тратить налево и направо. Мы с моим Ромкой экономные люди, привыкли, что деньги надо считать и не транжирить.

— Для меня было важно, чтобы ты не мерзла. И не была голодной. Чтобы могла заплатить за коммуналку, купить себе нормальной еды. И не только еды.

— Это самый щедрый подарок в моей жизни, — смотрела я ему в глаза и гладила колючую щеку. — Ты сделал мне самый лучший подарок. Ты это знаешь?

— На то и был расчет. Что тебе понравится. Я рад, что угодил.

— Ха-ха-ха... — смеялась я от осознания, что "деньги есть". Можно теперь не страдать от неизбежности. Из-за неопределенности. А напротив знать, что на счету есть круглая сумма. И можно не опасаться, что завтра будет нечего есть. Теперь я даже такси могу нанять, если придется что-то везти на почту, например. — Спасибо.

Я протянула руки и крепко его обняла. Как будто это последний раз, когда мы видимся. И мне выпала такая возможность. Я была просто без ума от этого мужчины. И игнорировать свою привязанность к нему было невозможно.

Вот оно и произошло. Случилось именно то, о чем я размышляла. Он перешагнул черту — Руслан совершил поступок, после которого я буду ему должна всю жизнь. Теперь я не смогу его отпустить. И буду чувствовать вину, что не способна отплатить ничем, кроме любви. К его бескорыстности и доброте. Нормальной человеческой доброте. Нормальной человечности.

— Я не могу тебе помочь иначе. Не могу решить твоих проблем, — говорил он, понимая мою грусть. — Я не могу сделать так, чтобы твой муж вернулся. Или ноги снова стали ходить. Но я могу тебе помочь деньгами. Денег у меня достаточно. Это не такая уж большая сумма. Но уверен, что для вас — тебя и Ромы — это очень важно. И я буду рад, если буду знать — что вы можете жить нормально хоть какое-то время. А если деньги кончатся — можешь мне позвонить. — Он достал из кармана визитку, там был указан его номер. — Можешь просто написать — и я отвечу. Не хочу на тебя давить и мозолить глаза. Но если нужна помощь — пиши или звони. Я обязательно помогу. Ну или постараюсь чем-то помочь. Будь то деньги или немного грубой физической силы для ремонта старой сантехники.

Я засмеялась. Он все же может это делать — может быть смешным. Руслан не лишен чувства юмора. Просто он специфичен, надо понимать. И я, как мне кажется, отлично его понимаю.

— Пока.

Он привычно кивнул и подарил мне прощальную улыбку.

— Пока. Хорошего дня. Побалуй чем-то сына. Закажите суши на дом или пиццу. Я уверен, что ему это понравится.

Руслан

Неожиданно для себя, я начал влюбляться в это лицо. Эти загадочные зеленые глаза. В этот чистый хрустальный смех, в эти сильные, но по-прежнему тонкие, изящные руки. В ее алые губы. И вообще все, что было связано с Томой. Этой необыкновенной девушкой, которая свалилась на меня из ниоткуда. Ведь вероятность того, что мы могли столкнуться, была почти нулевой. Один шанс на миллион. И все же мы столкнулись. Буквально. Она врезалась в меня и хотела сбежать. Но от судьбы не убежишь. И вот в ее жизни появился я.

Сперва это казалось совсем необязательной прогулкой. Мы просто болтали, шутили, смеялись над ее шутками и делали неловкие лица после моих. Но между нами всегда было оно — тепло. А еще невидимое глазу притяжение. Меня к ней тянуло. Хотелось побывать у нее дома снова. Или куда-то пригласить. Я дал ей денег, предложил не экономить и просто покупать все, что им нужно с ребенком. Ведь мальчику нужны и модная одежда, и нормальные школьные принадлежности. И теплую обувь на зиму пора бы купить. И здоровую еду. Белок, опять же. В семье растет мужчина.

Не знаю, почему я так серьезно озаботился их благополучием. Но выбить эту навязчивую мысль из головы я уже не мог. Ведь на следующий день, решив вопрос с надоедливым ревизором, я опять поехал тем маршрутом. Мне туда не надо было, но я все равно сделал крюк и проехался медленно вдоль линии панельных многоэтажек.

Катился на первой передаче и высматривал то ли Тамилу. То ли ее славного малого. Ведь я понимал, что это семья, а не отдельный человек. Тут нужен тонкий подход. И чтобы сразу комплексный. Я ведь заметил, как резко и властно реагирует Тома на беседы о Ромке. Стоило мне хоть намекнуть, что мальчику нужен пример и наставник, как мать оцетинилась и стала колотиться.

Волчица защищает своего волчонка.

— А вот и сам волчонок, — выдохнул я через открытое окно — облачком пара в холодное утро. — Летит без задних лап. Несется.

Рома выбежал из подъезда и привычно помчался к остановке. Он снова опаздывал, как и говорила Тома. Тянул до последнего и позволял ситуации почти что выйти из-под контроля. Рискованный подход. Я такого не одобряю. И на месте пацана вышел бы заранее.

Но Рома был не таков. Он вышел слишком поздно. И не успел.

— Эй! — крикнул он вдогонку, но это не дало результата. — Задержите автобус, пожалуйста!

Но этот слабый и все еще писклявый зов никто не заметил. Двери закрылись, водитель нажал на педаль — и маршрутка отчалила, оставив паренька одного. На пустой остановке. Всего запыхавшегося и растерянного. Было очевидно, что он опоздает в школу. И от матери теперь влетит за такое. Ведь она сама предупреждала его не раз — выходи заранее.

Сказав упрямому ребенку мысленное "спасибо", я подкатил к остановке на хорошей машине. Еще вчера он меня далеко послал в подобной ситуации. Отказался садиться в салон. И сделал, в общем-то, правильно. Хорошее решение. Но сегодня ситуация изменилась.

Все перевернулось вверх дном — Рома был в отчаянии. А я принялся действовать.

— Здорово, пацан, — сказал я, свесив локоть над дорогой. Хитро подмигивая, осмотрел этого школьника с ног до головы. Одежда была не новой. Думаю, что Тома покупала ее в

секонде или через интернет на барахолках. Сама ремонтировала, сама перешивала. Это заметно даже для такого дилетанта, как я. — Как твои дела?

Рома подтянул шлейку портфеля, поднял подбородок выше и гордо ответил:

— Нормально.

— Ты уверен?

— Уверен. А вам чего? Мистер Маньяк...

— Я не Мистер Маньяк. Хорош меня так называть. В твоей ситуации я был бы повежливей.

Я посмотрел на часы и сделал вид, что очень спешу. Начал медленно поднимать стекло в водительской дверце.

— А чего это я должен вам кланяться? Развы мы с вами знакомы?

Я остановил подъем стекла и задал прямой вопрос:

— Ты разве не опаздываешь в школу?

— Нет.

— Нет? — удивился я дурацкому ответу. — А разве это не твой автобус уехал полминуты назад?

— Какой автобус?

Рома сделал вид, будто я его совсем не волную, и достал из кармана комок проводов. Не поднимая глаз на мужчину за рулем черного внедорожника, это мелкое хамло методично разматывало свои наушники. А затем наглец вставил их в уши и начал слушать музыку.

Музыку. Нет, ну вы это представляете, да? Начал просто слушать музыку! Меломан мне тоже. Решил поиграть со мной в психологические игры?

— Так, пацан, ты собираешься в школу ехать или нет?!

— С вами — нет.

— А с кем ты тогда поедешь — ты тут видишь очередь из других водителей, кто готов тебя бесплатно докинуть до школы? Не валяй дурака — запрыгивай. Ну же... Пропустишь первый урок — тебя мама отругает.

— Не отругает, — отрезал Рома, пялясь в экран потертого смартфона. — Она об этом не узнает.

— Узнает, — подвел я жесткую черту. — Я сам ей об этом скажу. — Рома вытащил наушник из уха и посмотрел мне прямо в лицо. — Не забывай, что я знаю, чей ты сын. И знаю, где ты живешь. Я знаю имя твоей матери. И если ты сейчас же не сядешь в машину — я возьму тебя за это синее от холода ухо и отведу прямиком домой. И если ты мне скажешь на это хоть слово...

Рома тяжело вздохнул и подошел к машине. Открыл заднюю дверь и сел на диван. Дверь захлопнулась. Я удовлетворенно хмыкнул, мол, сразу так надо было сделать. И поехал по проспекту.

Вот мы и пообщаемся с мальчиком. Пора бы навести мосты, раз уж привязаны к одной и той же женщине.

— Откуда вы знаете маму? — нарушил Рома тишину спустя минут пять.

Я посмотрел на него в зеркало заднего вида и решил не рубить с плеча — зайти издали. Не хочу ему говорить вот так в лоб: "Я подумываю о том, чтобы пригласить твою маму на свидание. Ты не будешь против?"

— Мы с ней учились в одном институте.

Я решил соврать и повысить ставки. Пускай думает, что я знаю Тому давно. Знал еще до

его рождения.

— Она мне не рассказывала о вас. Вы дружили с отцом?

— Нет. С твоим отцом мы не дружили. Мы с ним... — почесав подбородок, чтобы обдумать свою легенду, я внезапно добавил: — Мы с ним наоборот были врагами.

Если в семье упоминание об отце вызывает такой резонанс, то представиться товарищем того козла будет опрометчиво. Если уж врать, то врать по-крупному.

— Врагами? Почему?

Рому мой экспромт заинтриговал. Он подался вперед, чтобы лучше меня слышать, а я отвел глаза на дорогу и выдал первое, что пришло мне тогда в голову.

— Мы с ним влюбились в одну и ту же девушку.

Рома расширил глаза и опять прижался к спинке дивана. Сидел и обдумывал услышанное. А я представлял, как могла сложиться моя жизнь, если бы я встретил Тому раньше. Намного раньше. Еще до того, как это произошло — она потеряла возможность ходить, как обычные люди. Может, я смог бы ей тогда помочь.

— Вы были влюблены в мою маму?

— Твоя мать была красивой яркой девушкой. Прекрасной молодой женщиной, которая могла выбрать среди лучших парней института.

— Почему же выбрала придурка?

На долю секунды я подумал, что Рома имеет в виду меня. Но затем мне полегчало — я все понял. Сын намекает на собственного отца. Все отлично, мы продвигаемся дальше. Главное, не потерять инициативу и не дать виду, что я лукавлю.

— Меня забрали в армию.

Эта отмазка показалась мне шикарной. Классическая история, в которой пара клянется в вечной любви до гроба, но он уходит в армию, а, вернувшись — находит любимую в объятиях другого.

— Вы ушли в армию и поэтому уступили место сопернику?

— Да, пацан. Так и было. Все именно так и произошло. Жизнь коварная штука, и когда я вернулся из армии, то увидел, что Тамила...

— Но ведь мой отец тоже служил в армии.

Вот черт. Твою ж дивизию. Рома поставил меня в тупик. О таком я почему-то не подумал.

— Да, он тоже служил? Ты уверен? Мне казалось, что...

— У меня дома на стене висит его дембельская гитара. И на ней собраны подписи всех его сослуживцев. Вашего автографа там нет, случайно?

Мысленно чертыхнувшись, я завернул в направлении школы. Трафик здесь был очень плотным, целая куча детей, которые перебегают улицу в неположенных местах. Выскакивают из маршруток и вагонов трамвая. Высаживаются беспечными родителями из машин прямо на проезжую часть. Поэтому скорость нашей езды упала почти до нуля.

— Нет. Я ведь говорил, что мы с твоим папой были на ножах. И... Его призвали в армию немного позже. Я тогда уже отслужил. Потому что я... Потому что я старше его на пару лет. Такие вот дела.

Надеюсь, вредный Рома не станет задавать мне дурацкие вопросы и не откроет в себе специалиста по армейским делам. Потому что я уже путаюсь во всех этих враках на ровном месте. Мне хотелось просто поболтать с ним о чем-то простом. А не выдумывать предысторию отношений с Томой.

— Надеюсь, что когда вы вернулись и увидели маму с тем подонком... — говорил пацан, смотря на сверстников через стекло. — Надеюсь, вы ему хорошенько врезали по морде. Потому что мой отец этого заслуживает. Вам так не кажется?

— Да, ты прав. Я согласен.

— Так вы ему дали по морде?

Я представил всю эту историю так, будто она и правда имела место в реальности. Будто я и правда любил Тому еще в юности. Затем ушел в армию, а вернулся — в пустоту. И увидел ее в руках другого.

Черт, да я бы стер любого в порошок. Любого человека, который стал бы между мной и моей девушкой. Будь это все правдой — я бы не стерпел, я бы дрался с тем подонком до последнего вдоха. Чтобы вернуть ее себе.

Вот только наша история — обман, иллюзия. Обычная выдумка. И поэтому я не могу зайти так далеко. Не могу ему врать так обильно.

— Нет. Я не бил твоего отца. Я просто принял ситуацию такой, какая она была. Ведь твоя мать выбрала его. Это был ее выбор.

— Значит, вы слабак, — выдал неожиданно пацан. И добавил, открывая дверь, чтобы выйти на улицу: — Я бы дал ему по морде. И забрал бы у него маму.

Рома громко хлопнул дверью. И растворился в море таких же низкорослых школьников. Я смотрел на него, кусая губы от нескладного разговора. Но понимал, что шансов найти с ним общий язык гораздо меньше, чем казалось сначала. Томин сын был крепким орешком. С характером. И на легкую прогулку мой поход за его лояльностью точно не похож.

— Ладно, пацан. Не хочешь со мной контактировать — так тому и быть. То ли я слишком спешу. То ли просто не судьба нам сблизиться и стать друзьями... Что я здесь забыл? Зачем я тревожу тебя и твою мамку? Такое чувство, что я лезу туда, куда не просят.

Руслан

Оставив идею во что бы то ни стало подружиться с Ромкой, я вернулся к делам. Завалил себя работой, начал больше уделять внимания бизнесу. На носу были отчеты, сверки, проверки. Все хотели урвать контракт пожирнее, чтобы выполнить условия государственных закупок топлива. Начало зимы, а это значит, что местные бюджеты пытаются распилить остаток средств перед закрытием финансового года. Откаты, откаты и снова откаты.

Первое время мне было сложно это понять. Как можно осознанно заказывать топливо худшего качества, чтобы выдать его за добротное — на бумаге. А разницу в цене — положить себе в карман. Конечно, мне все равно. Деньги не пахнут. Вернее, в нашем бизнесе они всегда пахнут скверно. Пахнут мазутом и бензином. Нефтью. Это грубая мужская работа, на которой ты быстро черствеешь. И я тоже зачерствел. На какое-то время мне показалось, что я мог дать им то, чего они заслуживают. Внимание, доброту, человеческое обращение. И говорю я не о партнерах, не о сотрудниках, не о чертовых ревизорах и проверяющих. Речь о Тамиле и ее сыне. Роме.

Я сам прекрасно знаю, как это — жить без отца. Безотцовщина. Так меня называли злые языки. И каждый раз, когда я это слышал, мне хотелось вырвать этот злой язык до самого корня. Это нечестно — так поступать. Оставлять ребенка одного, без отца. Без поддержки, без совета. Без примера для подражания.

Наверное, глубоко в душе мне хотелось исправить этот досадный просчет Вселенной. Хотелось очистить карму и дать мужское плечо не только Томе, но и ее ребенку. Я надеялся, что буду полезен Роме. Что он и правда сможет обратиться ко мне за советом, за реальной помощью. Что-то отремонтировать, построить, выбрать для школы или дома. Да хоть бы и денег попросил или подвезти куда-то — я бы с радостью. Дал ведь ему визитку.

Вот только ни он, ни Тома мне не звонили. А сам я погряз в рутине и контрактах. Дома только ночевал, даже к матери почти не ездил. Так прошла неделя или две. Постепенно тепло тех встреч за чашкой кофе рассасывалось. Наступил декабрь, стало холодно, снег. Темнело очень рано. И в один ненастный вечер я ехал по делам, сметая мокрый снег стеклоочистителями. Машина ехала по городу, снег падал, налипал, а дворники сгребали эту кашу и давали мне окно на дорогу.

Ехал и думал о той гитаре. Вспоминал, как Рома хвастался отцовской гитарой. Говорил, что научится на ней играть. А мою визитку порежет на медиаторы. На мелкие треугольники, чтобы струны не резали пальцы... Что ж, хоть какая-то была польза от моей попытки наладить общение. Я попытался. Но то ли слишком топорно это сделал, то ли пацан сам чересчур упрямый. То ли...

— У? — глянул я на смартфон и увидел неизвестный номер. — А это еще кто? Алло...

Приняв звонок, я услышал детский голос.

— Зд... здравствуйте...

Я застыл и не знал, что говорить. Кто-то ошибся номером. Какой-то тонкий писклявый голосок. И посторонние шумы. Как будто ветер или... сморкается кто-то в трубку. Шмыгает носом.

— Кто это? Я слушаю — говорите, не молчите. Не то я кладу трубку.

— Простите, я... Это вы? Мистер Маньяк...

У меня от удивления горло свело.

— Что? Ро... — Я сразу же подумал о том мальчике. О Роме. Он не знал, что я знаю его имя. Разве что Тома сама рассказала, что говорила мне о нем в его отсутствие. Но я сомневаюсь. И все же он позвонил. Значит, что-то случилось. — Подожди, что произошло?! Что-то с мамой?!

Первым делом я подумал, что Томе нужна помощь. Если пацан сам мне вдруг взял и позвонил, то на это есть серьезная причина. Просто так бы он этого не сделал. Что-то стряслось. И чуйка не подвела. Нужна была моя помощь. Не зря я дал ему визитку. Все же не порезал на медиаторы.

— Нет. С мамой все хорошо. Но...

— Да, пацан, говори. Я тебя слушаю. Говори...

— Мне нужна ваша помощь, — снова шмыгнул он носом, как будто насморк. Или мальчик плакал, стоя посреди улицы. У меня почему-то резко сжалось сердце. Хотелось найти его и во всем разобраться.

— Какая помощь?! Где ты?! Ты на улице?! Тебя нужно куда-то подвезти?!

— Нет, все намного серьезней, — ответил Рома, говоря отчетливо в нос. И по интонации я точно понимал — он плачет, в отчаянии. Только где он?

— Где ты находишься — просто скажи мне адрес, и я приеду!

— Вы бы не могли... — дрожал его все еще детский голосок. — Не могли бы мне...

— Да, пацан — говори!

Я держал смартфон возле уха, а сам ехал по вечернему городу и вертел головой на все стороны. Высматривал мальчика, хотя и не понимал, где он может находиться. Интуитивно искал решение проблемы, о которой еще не знал.

Случиться могло что угодно. Его могла сбить машина в темноте. Он мог поскользнуться и сломать ногу. Рома мог заблудиться, опоздать на автобус и замерзнуть до цокота зубов. И, в конце концов, к ним мог вернуться тот негодяй. Отцы бывают жестоки к детям, которых оставили. Так что если это Денис, то я не знаю, что с ним сделаю.

Но это был не Денис. И, слава богу, с Ромкой все было нормально. Вопрос оказался в деньгах. Всего лишь в деньгах. Боже, как же мне полегчало в ту минуту...

— Вы бы не могли мне одолжить... немного денег?

Я облегченно выдохнул и кивнул своему отражению в лобовом стекле.

— Конечно, пацан. Конечно... Денег я могу одолжить.

— Я бы не стал вас о таком просить, но... Ситуация критическая. Мне очень и очень нужны деньги. Вопрос жизни и смерти.

— Неужели все так серьезно?

— Да, — всхлипывал мелкий. — Простите, что звоню вам в такое время. Но мне очень нужна ваша помощь. Вы ведь сами говорили, что я могу вам позвонить, если надо будет помощь.

— Да, конечно. Все нормально, — старался я быть как можно мягче. Я слышал, что Рому душат слезы. Ему плохо. И раз он обратился к Мистеру Маньяку, то дела неважные. Настал тот самый крайний случай. — Скажи мне, где ты — и я приеду. Только не бойся и не нервничай. Не кисни. Все будет пучком, пацан. Окей?

— Окей.

Рома мне сказал ориентир — им была центральная аптека. Большое яркое здание, возле которого всегдалюдно. Кто-то заходит, кто-то выходит. Кто-то стоит в очереди или просит

фармацевтов посоветовать витамины, средство от простуды, головной боли. Я и сам тут не раз брал лекарства для матери. Порой они стоят недешево. Цены кусаются. Хорошо, что с возрастом ты можешь позволить себе не думать о цифрах. Собрал все по списку — телефон приложил к терминалу — порядок.

Вот только не у всех все так легко. В тот вечер я это прочувствовал сполна. Потому что для некоторых людей это и правда вопрос жизни и смерти.

— Пацан! — помахал я рукой, выходя из машины. — Я тут!

Рома стоял возле аптеки с красным носом. Джинсы мокрые на коленях. Такая же ерунда с локтями на курточке. Странно. То ли он катался с горки и греб носом снег. То ли упал и выкачался в сугробе. В любом случае внешний вид был неопрятный. На него не похоже. Такое чувство, что его били ногами.

— Здравствуйте, — сказал он без прежних ужимок и сарказма. — Спасибо, что приехали. Мне просто не было больше, к кому обратиться.

Я подошел вплотную и присел на корточки. Внимательно посмотрел в лицо. Стряхнул снег с вязаной шапки. Во взгляде мальчика явное отчаяние.

— Что произошло? Расскажи мне правду.

— Ничего, — ответил Рома. Но глаза опустил. Значит, это вранье. А мне вранье не надо. Хочу узнать причину его звонка. Должна же быть причина. Он бы от нечего делать не звонил на этот номер.

— Я тебе не верю. Ты меня обманываешь.

— Я просто хочу попросить вас дать мне денег. На время.

— Много денег?

Рома хотел ответить, но голос оборвал предательский комок в горле.

— Угу... Много. Очень... много...

Он начал плакать. Беззвучно, по-мужски. Не ревел, а просто давал слезам скатываться по холодным щекам. Мне его было очень жалко. Хотелось помочь. Но деньги деньгами, конечно — надо сперва узнать всю правду.

— А для чего тебе нужны эти деньги?

— Это для мамы.

— Для Томи?

— Угу, — кивнул Ромка. И зажмурился от слез. — Я должен был купить ей лекарства. Они очень дорогие. И... — едва держался он, чтобы не разреветься.

А я взял его за плечи, надеясь дать моральную поддержку.

— Ничего, успокойся. Я тебе помогу. Ты только скажи, что случилось.

— Она дала мне большую сумму, чтобы я купил лекарства. Ей нужно для ног. Она должна их растирать регулярно, чтобы не было проблем с мышцами. Оно импортное. Мазь такая. Я уже покупал. Но сегодня...

Рома снова зажмурился. И детские слезы капали мне на пальто.

— Чш... Все нормально, парень. Мне ты можешь рассказать всю правду. Что произошло на самом деле? Куда подевались те деньги, на которые ты обещал маме купить дорогое лекарство для ног?

— Я их потерял.

Пацанчик сказал это и с облегчением выдохнул.

— Потерял?

— Да. Все деньги потерял, когда шел со школы.

— И как же это произошло? Ты же не мог их держать просто в руке? Наверное, они были у тебя в портфеле?

— Нет, были в кармане.

— А почему одежда грязная?

— Я поскользнулся. И упал. После этого деньги пропали.

Рома пытался мне врать, а я это видел. Детям трудно обмануть взрослых. Это сразу же заметно. Потому что у детей еще мало опыта. Они не знают, как это — успешно обманывать кого-то раз за разом, прокручивать трюк годами. Рома просто боялся, что не выгорит. И я это видел. Вот только ругаться не собирался.

— Скажи мне честно. Тебя избили? — Только теперь я рассмотрел синяк на скуле. Его хорошенько кто-то врезал. — Тебя кто-то ударил по лицу и отнял все деньги?

Мальчик пытался что-то сказать, но ничего не вышло.

— Да...

Он просто разревелся. Залился горькими слезами, не имея поддержки во внешнем мире. Мама на него надеялась, доверяла сыну. Отдала ему чуть ли не все деньги. И даже если для меня эта сумма не была космической, то для ребенка такие деньги могут казаться чем-то запредельным. И ответственность та же.

— Кто это сделал? Это были гопники?

— Нет, — мотал он головой, пока я вытирал мальчишечье лицо носовым платком.

— Какие-то бомжи? Уличные отморозки?

— Нет.

— Это были твои сверстники? Кто-то из школы? — В этот раз голова не повернулась, чтобы отрицать. Пацан смотрел себе под ноги. И я понял, что докопался до правды. — Так, значит, одноклассники?

— Нет, не одноклассники. Пацаны из старшего класса.

— Их было несколько?

— Да.

— Дай-ка угадаю... Двое держали, а третий бил?

— Нет, — мотнул Рома головой, чтобы рассказать детали. — Еще был четвертый. Он все снимал на телефон, чтобы выложить в интернет. Он обещал залить видео, чтобы вся школа видела, как меня лупашат в морду.

Я огорченно выдохнул. Было его жалко. Меня самого не раз "лупашили" после школы. Гоповатые здоровяки всегда не прочь отнять у тебя деньги. Или хотя бы что-то ценное. Да хоть и школьный обед. Одно-единственное яблоко, которое дала тебе мама перед выходом из дома. Это знакомо. Проходили.

— И что же мы будем делать? — Ромка не ответил и не поднял на меня глаз. Только обреченно пожал плечами. — Хочешь, я позвоню сейчас в полицию? Если тот гаденьш и правда выложит видео в сеть, то полицейские вычислят, кто это сделал. Мы найдем их и заставим их родителей заплатить за это штраф. Как тебе идея? Готов наказать своих обидчиков?

— Только не так.

Ответ малого меня удивил.

— Почему?

— Так поступают только слабаки. А я не хочу быть слабаком. Если я заявлю на них в полицию, то все будут знать, что я девчонка. Тряпка. Я так не хочу.

— Что ж... Это вызывает уважение. Я тебя понимаю.

— Вы же не будете звонить в полицию? — посмотрел он мне в глаза с такой надеждой, что я не мог поступить иначе. Кроме как выполнить все его условия. Этого подросткового комочка маминой радости.

— Если ты против — не буду.

— Обещаете?

— Обещаю.

— Ну так как? Вы сможете купить лекарства для моей мамы? Они обычно стоят...

— Мне не нужно это знать. Все это неважно... Хочешь кушать?

Рома кивнул, и мы пошли с ним в кафе. Я взял нормальное меня, мы хорошенько наелись, выпили горячего чаю. Мальчик отогрелся, успокоился, начал мне доверять. А я дал слово, что ничего не скажу его матери о драке. И об украденных деньгах — "чтобы мама не нервничала". Это было благородно. Нет — не то, что сделал я. Я ведь просто-напросто купил Тамиле всяких мазей и таблеток. Это было легко. Достаточно привычно приложить к терминалу телефон, чтобы с карты снялись деньги. И вуаля. Покупки оплачены.

Узнав, что именно ей надо, я прикупил с запасом. Даже лучше того, что было у нее раньше. Посоветовался с аптекарем — мне посоветовали более качественные средства, дали некоторые советы по нанесению мазей. Я узнал примерно, как делается массаж. Даже почитал немного в интернете на эту тему.

А затем мы загрузились в машину и поехали домой. Вот только не ко мне, а к Роме. Неожиданно для себя я снова следовал туда, где было мое сердце. Я ехал к ней — к той девушке, которую хотел увидеть, приобнять. И снова почувствовать ее запах. Запах нежности и незащищенности. Запах уюта и тепла. Запах женщины. Такой необычной и неповторимой в своем роде.

Так пахнет нечто особенное. Что-то более особенное, чем просто хороший кофе или вкусный борщ. Так пахнет влюбленность. Так пахнет еще один шанс, который дала мне судьба, дабы выполнить свое предназначение. И на этот раз я эту возможность не упущу. Сегодня я сделаю нечто такое, чего раньше не делал — чувствую.

Тома

Я Роме так и не сказала, что у нас были гости.

Хотя Руслан и виделся с моим сыном, но когда он вернулся из школы — я ничего не сказала. Не думаю, что ребенок мог что-то заподозрить. Что у мамы вдруг появился влиятельный и материально обеспеченный покровитель. У детей и своих забот хватает. Школа, терки со сверстниками, домашняя работа. Мечты и подростковые страхи. В это время мир кажется очень сложным. И ты не знаешь, как на него влиять и реагировать. И только с годами, когда ты становишься взрослой, то понимаешь, как же просто все устроено.

Все хотят от тебя выгоды. Пользы. Будь это здоровые ноги молодой жены. Или же деньги зрелого мужчины у тебя на кухне. Именно поэтому я твердо решила не звонить ему, не тревожить Руслана. Что бы он ни говорил и что бы я ни чувствовала к нему — этот человек слишком хорош для меня. Я его недостойна. А он достоин большего. Я бы не смогла выдержать конкуренцию в борьбе за его сердце. Каким бы вкусным ни был мой борщ. Я бы не смогла заставить красивого мужика не заглядываться на таких же красивых баб, пока его избранница прикована к инвалидному креслу.

Наши хрупкие отношения были обречены с самого начала. Так зачем же себя мучить?

Руслан дал нам денег и растворился в тени. Как будто и не было. Я ему не звонила. Он не заезжал. И постепенно я привыкла. Свыклась с тем, что жизнь вливается в обычное русло без чуда и странных происшествий. Тем более что с деньгами на первое время жить стало намного спокойнее. Можно купить хорошей еды, забить морозилку мясом и рыбой, чтобы избежать подорожания. Приготовить сыну котлет из хорошего фарша, сделать утром яичницу на сале, а не самую дешевую овсянку на воде и без сахара.

Благодаря нашей встрече моя жизнь наладилась. Конечно, мне было грустно и одиноко. Не хватало его топорных шуток и обычных рассказов о работе. Кто чего требовал и кто как провинился. Что привезли, сколько заплатили, какие планы на неделю. К хорошему быстро привыкаешь. А рядом с Русланом я чувствовала себя участником полноценной жизни. Было достаточно просто слушать и проникаться его харизмой. Чтобы чувствовать натуральное женское счастье.

Впрочем, счастья материнского у меня никто не отнимал. Даже напротив — теперь я могла порадовать сына, хоть иногда покупая вкусняшки. То пиццу с курицей и ананасами, как он любит. То суши с лососем. Пусть их немного, но ребенку приятно скушать пар тройку аппетитных роллов.

А сегодня я попросила его купить мне немного лекарств. У меня закончились средства для растирания мышц. А без этих мазей мое тело не будет таким, каким его создала природа. Будет неизбежная атрофия, разные малоприятные метаморфозы, трансформация мягких тканей и нервов. В общем, жизнь с параличом нижних конечностей — это постоянная борьба, в которой ты не можешь просто выиграть и закончить войну. Ты можешь только проиграть. Но проигрывать я не собиралась. Поэтому искала возможность держать то самое шаткое перемирие — когда и ты всегда в тонусе, и противник не дремлет.

Были бы только "патроны"...

— Алло, Рома! Где ты?! Все нормально?!

— Да, мам, все нормально! — отвечал мне телефон. — Я все купил! Не беспокойся!

— Не опоздал на последний автобус?!

— Все хорошо, я еду домой!

— О, малыш, слава богу! Это хорошо... А скоро будешь?!

— Да, мамуль! Мы уже подъезжаем!

— Что?! Мы?! Кто это "мы"?! Ал... Алло?! Сына, ты меня слышишь?! Кто это "мы"?! С кем ты едешь?! Кто с тобой?! Ты на маршрутке?!

— Нет, мам, не волнуйся — мы сейчас будем...

Бросив телефон в карман, я подкатила к прихожке и наспех набросила на плечи куртку, натянула на голову шапку. Меня эта ситуация напрягала.

Что значит "мы сейчас будем"?

Надо спуститься во двор и посмотреть, кто там с ним приехал. А главное — на чем. Еще не хватало, чтобы Рома завел какие-то сомнительные знакомства.

Покинув квартиру, я выехала на лестничную клетку и уверенно нажала кнопку лифта.

— Давай же, быстрее! Поднимайся! Кто там катается на лифте, когда он так нужен?! Я не могу просто взять и спуститься по лестнице!

Но когда лифт застыл на моем этаже и раскрыл свои створки — я увидела их. Своих главных мужчин в этой жизни. Первый — одетый в стильное серое пальто — это Руслан. А второй — сияющий от радости с большим аптечным пакетом в руке — мой Ромка. Они были вместе. Как будто это не может быть случайностью.

О боже. Глазам своим не верю.

— Мам, ну я же говорил, что мы скоро будем... — возмутился Рома и бросил взгляд на высокого брюнета рядом — Это дядя Руслан.

— Добрый вечер, Тома, — кивнул мне Руслан и улыбнулся, будто играя в игру. — Очень рад вас видеть. Рома много о вас рассказывал. И все хорошее. Хотя наяву все оказалось еще лучше.

Я неловко схватилась за сердце. Оно предательски заныло. Я ведь давно уже взрослая женщина, а как на это реагировать — не знала. Они застали меня врасплох. И Руслан, и Рома.

— Добрый вечер, — выдавила я с усилием. И все равно не смогла сдержать улыбки. Пусть она была с долей грусти. Но как же мне было приятно опять его видеть рядом. Даже не верилось в первые минуты, что все на самом деле.

Они общаются, улыбаются друг другу. Рома не станет меня упрекать, что я разговариваю с посторонним мужчиной. А Руслан не бросит меня, насытившись видом малолетнего сына под ногами. Господи, как же на них приятно смотреть!

— Я купил лекарства!

Мне на колени плюхнулся увесистый пакет с аптечными товарами. Здесь и эластичные бинты, и бандажи, и лечебные мази, и таблетки. Многих наименований я даже не знаю, впервые такое вижу. Хотя слышала названия, читала на форумах... Ну да, точно. Это же дорогие импортные аналоги того, что я обычно покупаю. Хорошие, даже отличные, но запредельно дорогие.

— Рома, а почему их так много?

— Решил взять с запасом, — сиял мой ребенок. — Тебе ведь они постоянно нужны. Вот я и решил купить и на следующий месяц. А то ведь Новый год. Аптеки могут закрыться, не работать. Аптекари пьяные будут.

— Рома, что ты такое говоришь, сынок? — смеялась я, не находя себе места в такой

странной ситуации. Они вышли из лифта, и сильные руки Руслана отвезли меня на кресле напрямик в квартиру. — Мне кажется, что тут как-то слишком много лекарств для тех денег, что я тебе давала утром. Ты точно уложился в бюджет?

— Точно-точно, мам.

— Можно увидеть чек?

Я принялась рыться в пакете, чтобы найти там длинную бумажку с ценниками. Хотела убедиться, что Рома говорит мне правду. Потому что на правду это не очень похоже. Больше — на ложь или просто сон. Мне это кажется? Не может все это быть правдой. Просто не может и все тут.

— Чек? — задумался Рома. — Э... м... — чесал он затылок. — Наверное, я его выронил где-то в машине, пока ехал с дядей Русланом.

Я подняла глаза на Руслана.

— Ты его привез от самой аптеки?

— Да. А что тут такого?

— Как это произошло?

— Совпадение, видать, — пожал плечами Руслан и освободил их от дорогого пальто из кашемира. Он повесил верхнюю одежду на крючок. Затем заботливо снял с меня мою простецкую курточку, аккуратно снял шапку, пригладив после этого волосы. Впрочем, там ведь и прически даже не было. Я не готовилась к его визиту. Все так спонтанно и внезапно. Сердце скачет словно бешеное. — Я просто ехал и увидел пацана на остановке. Мне его стало жалко — стоит ведь на морозе чей-то ребенок. Мерзнет. Автобуса нет. И не факт, что будет. На улице темно, валит снег. Причем мокрый. Все липнет, одежда промокает. В общем... Я присмотрелся, когда он уже сел в салон — а это твой парнишка. Рома попросился — и я его подвез.

— То есть, — прищурилась я, — ты его просто подвез? Это стечение обстоятельств, да и только?

— Конечно, Тома. Я просто подвез твоего сына. Разве это наказуемо?

— Но ты ведь не покупал за него лекарства, правда? — меняла я ракурс, смотря то на Руслана, то на Рому. — Сын, скажи мне честно — дядя Руслан не покупал за тебя средства в аптеке?

Вместо него ответил Руслан:

— Не переживай, я в это не мешался. Ты ведь сама ему дала денег. Рома говорил, что очень удачно их потратил. Да, пацан? — подмигнул он моему сыну, словно у них какой-то тайный сговор.

И Рома заговорщицки ответил — точно так же подмигнув. И закивав головой.

— Да, все так и было.

— Что-то товаров слишком много. Да и ценники на эти мази кусаются.

— Мам, сегодня просто скидка была большая.

— Такая большая?

— Черная пятница, — подкинул Руслан. — Пятьдесят процентов. Две пачки по цене одной. Они были прям ленточкой перевязаны.

— А разве "черная пятница" не на прошлой неделе была? Уже зима ведь началась...

Рома взял меня за руку и окончательно заверил:

— Там целую неделю распродажа просто — я взял тебе хорошие лекарства на те же деньги, что ты дала. Честно.

— Откуда знаешь, что они хорошие? Вдруг это просто маркетинг? Мы их ведь не пробовали раньше.

— Дядя Руслан советовался с врачами, — выдал Рома, не подумав как следует.

И по выражению лица Руслана стало понятно, что не все у них гладко — в этой легенде.

— Не с врачами, а с фармацевтами, — поправил Руслан и попытался сменить тему. — Может, выпьем чаю?

Рома сорвался с места и побежал на кухню:

— Я поставлю чайник, мам! Не переживай! И чашки приготовлю на троих!

— Товарищ шпион, — смотрела я пристально на рослого директора у себя в гостиной, — мне кажется, или у вас ус отклеился? Ты же говорил, будто на остановке Рому увидел...

Но сын услышал и громко все объяснил прямо с кухни:

— Мы сначала встретились в аптеке — дядя Руслан покупал лекарства для своей старой мамы! — говорил ребенок слишком бестактно, чтобы я не почувствовала стыд. — Он подсказал мне, что лучше взять другие мази по скидке! А потом уже на улице увидел на остановке и подвез!

Протяжно выдохнув и отпустив ситуацию на самотек, я наконец-то расслабилась. И просто порадовалась, что он рядом. Снова. Пускай даже купил для меня дорогие лекарства. Было глупо такому сопротивляться. Приятно. Приятный подарок от приятного мужчины.

Жаль, что это были не цветы или коробочка конфет. Но в моей ситуации подарка лучше не придумаешь — это и правда очень хорошие лекарства. Надо бы скорее растереть ноги, пока снова судорога не схватила, как прошлой ночью. Может, когда Руслан уедет, то я этим делом и займусь. Не обнажать же мне ляхи в его присутствии.

— Это ничего, что я заглянул к вам на огонек?

Руслан разбирал пакет и выкладывал коробочки на стол. Выглядело это "по-хозяйски". Сомнений в том, что это он все покупал и прикрыл потом Рому, оставалось меньше и меньше. Впрочем, не буду на этом циклиться. Если у мальчиков свои секреты — дам этой дружбе шанс. Руслан — это точно не сомнительные знакомства. Он хороший человек. И очевидно, что умеет ладить с детьми, раз мой кактус так дружелюбен теперь с посторонним мужиком.

От сердца быстро отлегло. А с кухни пахло чаем.

— Ничего, конечно. Спасибо, что заехал. Я соскучилась по твоим визитам, — тихо шептала я, чтобы сын на этот раз не подслушал. Погладила Руслана по ладони и прижалась щекой к рукаву пиджака. — С тобой мне всегда чуть спокойнее. И теплее.

— Я бы не настаивал, но просто Рома — он обещал показать мне гитару.

— Гитару?

— Гитару отца. Он хотел показать мне, как он берет аккорды. И делает бой. А я пообещал быть слушателем его выступления.

— Господи, — смеялась я тихонько, представляя их беседу. — Это что-то с чем-то, конечно. Ты это говоришь, а мне не верится просто.

— Чай готов! — донеслось из кухни.

И мы поспешили к столу. Руслан подвез меня к самому красивому месту — там уже стояла дымящаяся чашка с кусочком лимона в рыжем чае. Как я и люблю. Рома постарался все украсить: салфетки, вафли, даже шоколадные конфеты, которые я купила для него. Табуретка Руслана — рядом. А сам Рома бегал и суетился, как сам не свой.

— Рома, почему ты не садишься? — взяла я сына за руку, когда он пытался сбежать в свою комнату. — Посиди с нами — выпей чаю. Ты ведь голодный. Может, тебе картошечки с мясом разогреть? Есть еще супец гороховый.

— Нет, мам, спасибо. Я уже поел.

— А что ты ел?

— Мы с дядей Русланом в кафе поели. Было очень вкусно. Мне понравилось.

Я отпустила детский рукав и удивленно посмотрела на Руслана. Постепенно в голове выстраивалась стройная схема их общего досуга. Вот только мозги с трудом воспринимали новую реальность. Так внезапно. И намного лучше, чем я могла желать.

Господи, как убрать этот румянец со щек? Кожа буквально пылает. Выпью хоть чаю. Сделаю вид, что это от горячего.

— Так, значит, — поставила я чашку на блюдце, — вы вместе с Ромкой заехали в кафе?

— Я просто спросил у него, хочет ли он есть. А то ведь вижу, что замерз. Энергии не хватает для обогрева тела. Губы бледные, зубы стучат. Вот и заглянули в мак, взяли по сэндвичу. Ничего особенного. Мальчик хорошо наелся.

— Спасибо, — не нашла я ничего лучше, чем крепко сжать его ладонь своими потными от волнения ладошками. И поблагодарить обычным человеческим языком. — Я тебе очень признательна. Честно. За то, что ты провел немного времени с Ромой. Знаешь... Сама я не могу ему помочь в таких делах. Ведь...

— Мальчикам нужны отцы, — повторил вдруг Руслан. И у меня ком появился в горле. Лучше и глубже никто бы не сказал в этой ситуации. — Без поддержки пацаны не знают, куда себя деть. Накручивают себя. Возникают разные страхи. Я это прекрасно понимаю, потому что сам вырос без отца. И поэтому мне было бы спокойней, если бы ты позволила мне хоть иногда с ним видеться. С твоим Ромой. Чтобы мы общались. Чтобы я подсказывал что-то, помогал делать какие-то вещи для школы. Там... — загибал Руслан пальца на своей широкой ладони без обручального кольца, — физкультура, труды... сбор макулатуры и металлолома в школе...

— Боже, как я ждала подобного — ты себе даже не представляешь. Конечно... — вздохнула я облегченно. — Конечно я не против. Если сам Рома не против. Но я вижу, что вы с ним неплохо ладите. Это даже неожиданно, если честно. Обычно Рома туго идет на контакт с посторонними людьми. Особенно мужчинами. У него постоянные конфликты с трудовиком и физруком.

Из детской вышел Рома. С гитарой наперевес.

— Можно, я буду играть, мам?!

Руслан откинулся спиной на подоконник и сел вполоборота к "дебютанту":

— Какая шикарная у тебя гитара.

— Ну, — пожала я плечами, — если уж дядя Руслан не против, то и я не против. Сыграй нам немного. Если у тебя получается. Мама с удовольствием послушает.

Просто удивительно, что Руслан вытащил Рому из его ракушки. Сын никогда мне не играл на гитаре. Хотя я слышала иногда звон ее струн за закрытой дверью. Эта вещь принадлежала моему бывшему. Биологическому отцу моего чудесного сына. Денис ушел, оставив только эту гитару. Было даже странно, что он так поступил. Сперва даже казалось, что еще вернется. Свою армейскую гитару Денис любил даже больше машины. Может, даже больше меня. И уж точно больше собственного сына. Тем страннее мне видеть, что эта вещь так органично лежит в Роминых руках. Пускай неокрепших, но уже явно мужских ладонях,

как и у Руслана.

Рома начал брать аккорды — и кухня наполнилась неким подобием музыки. Все переживала, что Руслан станет поучать и морщиться от этих звуков. Рома был самоучкой. Никто ему не показывал, как это делается. Он смотрел какие-то ролики в интернете, пробовал играть перед зеркалом. Но даже мне он не демонстрировал своих успехов. А тут вдруг раз — и расцвел перед Русланом. Перед великолепным "дядей Русланом".

— А ты молодец, — похвалил моего Ромку тот, кто уже успел сделать намного больше для моей семьи, чем Денис. — Хорошо получается. Мне нравится. Зачетно играешь.

— Правда? — надеялся сын, что взрослые не врут. — Вам правда нравится? — Руслан утвердительно кивнул, и Рома решил еще попробовать "что-то". — А вот этот бой — послушайте, как звучит...

Детские пальцы стали "бренчать" по всем шести струнам. Рома даже напевал себе что-то под нос. Наверняка ведь это была "минусовка" на какую-то популярную у подростков песню. Но сомневаюсь, что Руслан был в курсе. Если уж даже я не улавливаю сходства со знакомыми мотивами, то о владельце нефтебазы и говорить нечего. Руслан — и вдруг меломан широкого профиля? Нет. Руслан, наверное, только классику слушает без слов или же традиционный для зрелых мужчин шансон. Как тут без него?

Но наш Руслан Николаевич нахмурил брови, внимательно выслушал импровизированный концерт. А затем уверенно похлопал в ладоши.

— Молодчина, Рома. Очень круто. Хорошая музыка получилась. Сразу видно, что у тебя есть к этому жилка. Чувство такта. Музыкальный слух. Я впечатлен.

Руслан сложил свои мощные руки на груди и посмотрел на меня. Будто ждал, что я скажу то же самое. А я не сразу просекла, что это было приглашение. Вышло неловко. Как будто постороннему человеку музыка моего сына нравится больше, чем родной матери.

— И... и мне тоже очень понравилось, сынок! — кивала я судорожно, чтобы Рома не подумал, будто мне безразлично. Или я не согласна с Русланом. — Дядя Руслан говорит правильно — очень достойное звучание.

— Дай я пожму тебе руку. — Руслан протянул Роме ладонь и выразил уважение к детским стараниям. Это меня поразило больше всего. Он умудрился подобрать последний ключик к моему женскому сердцу. Так легко и тонко поладил с ребенком. — Респект. Хорошо играешь.

Рома неуверенно улыбнулся, но все же задал свой вопрос открыто:

— А вы не обманываете, дядь Руслан? Что, и правда нравится?

— Да, конечно. Ты отлично играешь. А что, у тебя были какие-то сомнения на свой счет? Никогда не надо в себе сомневаться. Пускай другие сомневаются — но ты всегда должен твердо знать, что "сможешь".

Рома снял с себя гитару, поставил ее нижней частью на пол и стал тереть кожаный пояс-наплечник.

— Если честно, то я пробовал снимать на телефон, как играю. Выкладывал в интернет. Но мне писали всякие гадости.

— Да ну, — удивился Руслан. — Не может такого быть. Кому-то не понравилось, как ты играешь? Что же там писали эти писаки?

— Писали, что я дурак, — опустил мой сын глаза. — И что лучше мне никогда не брать в руки гитару.

— Ой, Рома... — отмахивался Руслан, так мягко сглаживая шероховатости мужского

взросления. — Это они сами дураки. И это им лучше никогда не писать комментариев в интернете. Они тебе просто завидуют. Сами ведь играть не умеют, небось.

— Некоторые из них умеют, — возразил Рома, оправдывая диванных авторитетов. — У них даже свои каналы есть, где они выкладывают видео каверов и собирают тысячи лайков.

Руслан поднялся на ноги, подошел к моему Ромке и приобнял его за плечо.

— Значит, они боятся конкуренции.

Рома застеснялся от такой лести.

— Да нет, дядь Руслан. Не думаю.

— Боятся-боятся. В бизнесе всегда так было. — Руслан опустил перед Ромой на корточки и поднял его грустный носик выше — забавным жестом указательного пальца. — Вот я, когда у руля компании стал, то меня знаешь как прессовали? — Рома сразу же проникся этим примером и стал внимательно слушать взрослого наставника. — О... — качал Руслан головой. — Ко мне постоянно подсылали людей, чтобы взять на слабо. И даже в число сотрудников засланных казачков внедряли, чтобы выведать секреты и напортачить похуже.

Я обожала такое слушать. Не верить Руслану было невозможно — он никогда не пытался врать. А если и врал, то это сразу было заметно. И Рома тоже ему верил.

— Что, правда? — Сын забыл о своих интернетовских проблемах и увлекся рассказом. — Что, вот прям так и было? Диверсантов к вам засылали, как на войне?

— А бизнес, Рома — это и есть та самая война, — гладил Руслан по голове моего маленького всезнайку. — Однажды у нас было испорчено сразу сорок тысяч литров топлива.

— Ого! — вырвалось у Ромы. — Нифига себе...

— Бензин премиального качества залили в дизельное топливо. А в резервуар с бензином — целую цистерну солянки. Это был полный капец. Потому что заправлять машины такой смесью нельзя, противопоказано.

— Взорвется?

— Ну, взорваться — не взорвется. Но цилиндры расфигачить может. Клапана уж точно погнет. Короче, моторам от такого пошла сразу кранты. Поэтому как только клиенты стали жаловаться на поломки двигателей, мы сразу же нашли жулье. Им оказался свежепринятый на работу оператор АЗС. Сначала думали, что водитель бензовоза спросонья перепутал, но не тут-то было, — уже и сам увлекся Руслан. Впрочем, Рома его слушал, словно заколдованный. — Водитель все правильно подключил, а вот оператор самовольно взял и поменял рукава местами, пока паренек-дальнобойщик кофе пил и анекдоты травил.

— А как же вы это выяснили, дядь Руслан?

— Камеры наблюдения.

— У вас везде стоят камеры?

— Да, конечно, — отмахнулся Руслан. — Мы просмотрели записи и все разоблачили. Теперь оператор уволен и сидит под домашним арестом. Ждет судебного заседания по делу о порче имущества юридического лица в особо крупных размерах. Пойдет за решетку.

У Ромы просто глаза на лоб полезли от такой концовки. Теперь он точно забыл о хейтерах в сети.

— Класс! Это так крипово, дядь Руслан... Реальный кринж.

Руслан тактично прокашлялся, не став уточнять, что это значит. Но потом сделал то, что моему сынуле безумно понравилось. Это было лучшим, что еще мог сделать такой прекрасный человек.

— Хочешь, я тебя как-то отвезу на нефтебазу? Покажу, как там все устроено. Разрешу наполнить пару-тройку цистерн высокооктановым горючим.

Рома подскочил от азарта и выкрикнул, сжав победно кулаки:

— Да! Конечно хочу! Круто!

Правда, мне эта затея сначала показалась рискованной.

— А это не опасно?

— Нет, — только и бросил Руслан. — Не опасно. Не переживай. Я этим уже много лет занимаюсь. И за это время у нас не было ни одного серьезного случая.

Меня его ответ успокоил.

— Ну хорошо. Поверю на слово.

Правда, потом Руслан добавил:

— Разве что так... легкие телесные повреждения были. Ожоги там, контузия. Петровичу вон палец оторвало. Как-то раз у нас датчик давления сломался на одном резервуаре, а было лето. Жара. Пары нагрелись — и как рванет...

— Так, — взорвалась я паникой, — все, я передумала пускать Рому на нефтебазу! Сына, нельзя туда ехать, там опасно!

— Да шучу я, — погладил меня Руслан по ладошке, как бы успокаивая. — Не беспокойся, это просто шутка. Все с ним будет хорошо. У нас с порядком очень строго. Не для галочки, так скажем. Безопаснее, чем в школе.

Должна признать, что Рома еще никогда не был так разговорчив и открыт, как в тот вечер — в присутствии Руслана. Его компания действовала на сына однозначно позитивно. Ромка доверял Руслану и видел в нем потенциального друга. Это было неожиданно. Безумно приятный сюрприз, к которому я оказалась целиком не готова. Сплошные эмоции. Позитивные, незабываемые. Тоже всплеск радости, как и у сына. Но все равно до конца не могла поверить, что такое возможно.

Руслан нашел общий язык с чужим для него мальчиком. И это выглядело очень правдиво. А если даже все эти старания — ради меня, то я ему тем более благодарна. Так стараться ради женщины...

— Ой, Руслан — прости... — вспомнила я, что давно настало время делать процедуры. — Мне надо отлучиться ненадолго и растереть себе ноги.

— Да, конечно, — кивнул он с пониманием. — Я знаю, что это надо делать регулярно. Так ведь? Ты делаешь это каждый вечер перед сном?

— Да. Каждый вечер. Но вчера я пропустила, потому что мазь закончилась. Поэтому я себя чувствую не очень комфортно.

— У тебя боли в ногах?

— Вроде того. Можно и так сказать. Ты не будешь сердиться, если я тебя оставлю с Ромой?

Но сын разрушил всю цепочку:

— Ну все, я пошел делать уроки. А то уже поздно, а у нас завтра опять зоология, — вздохнул он тяжело, забирая отцовскую гитару. — Зоологичка — просто зверь.

Как-то некрасиво получалось. От Руслана все отворачивались. Он мог обидеться. Но и ждать еще несколько часов без массажа...

Видимо, придется подождать.

— Ладно, пойдем — я сделаю тебе массаж. — Руслан взял меня за спинку кресла и покотил в гостиную. — Ты делаешь это где-то здесь? Или надо в ванную? В спальню? —

перечислял мой ухажер, пока я была в паническом оцепенении.

Нет. Такого я не ожидала. Чтобы он мне делал массаж ступней, коленей и... Бедер?

— Стоп-стоп-стоп! — протестовала я, обняв себя за колени. Надеюсь предотвратить это внезапное вмешательство в мою привычность. — Я не говорила, что ты будешь делать мне массаж, Руслан!

— Ты хочешь сказать, что к тебе приходит массажист? — прищурился он с подозрением. — Ты мне о таком не рассказывала. Это мужчина? Сколько ему лет? Он симпатичный?

Пока я не знала, что ему ответить (ведь никакого массажиста нет — я делаю все сама уже столько лет), Руслан распечатал на столе пару упаковок из аптеки и принялся что-то смотреть на телефоне.

— Я тут немного смотрел на ютубе, как делать массаж при параличе нижних конечностей.

— Ты смотрел, как делают массаж парализованным? Зачем?

— Хотел тебе сделать приятно, — обескуражил меня мужчина. Который привычным движением расстегивал запонки на манжетах, закатывал рукава на белой рубашке, чтобы затем протереть ладони спиртом. Для максимальной чистоты. — Просто я подумал, что тебе может быть приятно, когда кто-то сделает эту работу за тебя.

— Ну... — все еще держалась я руками за колени. — Не знаю, если честно. Я еще не пробовала. Всегда все делала сама. И это все так неожиданно, Руслан. Мы ведь с тобой просто друзья. Разве не так?

— А разве друзья не должны друг другу помогать?

Он открутил большую банку крема, понюхал и с удивлением выдал:

— Вкусно пахнет. Как будто-то каким-то десертом, а не медикаментами.

— Дай я понюхаю... — Он поднес мне к лицу открытую банку импортного крема. И я вдохнула аромат. — Блин-блинский... А ты ведь прав — и правда пахнет как десерт.

— Сейчас намажем твои ножки — и они будут как сахарные. Просто пальчики оближешь.

— Господи, Руслан, — ежилась я в кресле. — Ты говоришь это так...

— Как? — поинтересовался мой персональный массажист с красивыми жилистыми руками. — Как я это говорю?

Я оглянулась, чтобы убедиться — дверь закрыта. Рома это не услышит.

— Эротично.

Руслан замер и глянул на меня с хитрым прищуром. Как знающий себе цену хищник.

— Так, может, — подошел он ближе, чтобы сесть на корточки и убрать мои руки с произвольно дрожащих коленок, — на то и был расчет, Тома?

Я тогда впервые ощутила, как теплеет внутри. Очень отчетливо. Внутри моего тела разгоралось то, чего не было уже очень давно. Подобное я чувствовала только в юные годы, еще до рождения сына.

О. Мой. Бог.

Он просто сводит меня с ума. Я ведь не должна такое думать.

Господи, какие грязные мысли полезли ко мне в голову. Я не могла забыть его слова. И прокручивала их в уме опять и опять, кусая от волнения губы.

На моих коленях снова мужские руки. Это опять происходит. И в прошлый раз это происходило тоже с этим же мужчиной — когда Руслан взял меня на руки и нес. Неважно,

куда — он меня брал к себе на руки. И нес. И это было фантастическими ощущениями. Так хотелось почувствовать нечто подобное снова.

Я опять оглянулась, будто боялась осуждения сына.

— Закрой, пожалуйста, дверь. — Я опустила глаза и добавила полушепотом: — Не хочу, чтобы Рома это видел.

Руслан

Я как будто предвидел это — предчувствовал, что сделаю сегодня что-то особенное. Нечто такое, что может понравиться нам обоим. И Томе, и мне самому. А что — я молодой и полностью здоровый мужчина. Одинокий. Партнерши у меня нет. Нет ни женского общения, ни женской компании более близкого характера. Короче, интима у меня не бывает. Потому что не с кем, я обычно занят делами. Чем-то более важным, нежели побегушки по бабам.

Я ведь уже давно не мальчик, чтобы пускать слюни по каждой юбке. Выворачивать шею на стройные ноги и вострить уши, как собака — если слышу цокот каблучков по мостовой. Таких мужиков, как я, привлекает нечто большее, чем физическая близость ради близости. Ради процесса или же банального удовлетворения жажды. Для меня важна эмоциональная близость. Чтобы девушка была неглупа. Не была наглой. Не была корыстной. И не висела на мне просто ради денег. Конечно, это сложно отличить от истинных чувств, если ты едешь на последнем кружаке и щеголяешь в бриони из бутика.

Обычно я всех гребу под одну гребенку. Всех женщин в своем поле зрения. Всех, кроме матери. Не потому, что мать настраивает меня против потенциальных спутниц жизни — нет. Тут, скорее, как раз наоборот. Мама у меня попроще на это смотрит. Она будет готова принять любой мой выбор, даже если бы я взял в жены какую-то уборщицу с автозаправки. Иногда мне кажется, что возьми я девку с окружной — привези ее домой и представь своей матери как будущую невестку — и она не задаст ни единого вопроса.

А вот сам я жить с такой бабой не смог бы. Может, у меня завышены требования. А может, я уже довел свою мать до отчаяния — потому она готова мириться с любым моим выбором, лишь бы я наконец остепенился и зажил семейной жизнью. А может, я родился для чего-то другого. Чем не вариант? Почему бы не представить, что я просто не встретил той женщины, для которой был создан природой? Не хочется верить, что любой мужик может жить нормально с абсолютно любой бабой. Или почти что любой. Если бы было так, то браки не распадались бы так часто.

Что? Дай мне вкусный борщ — и я сразу стану послушным и подниму передние лапки, как песик? Ничего подобного. У меня есть чувства. И да, для меня важен вкус борща, который готовит Тамила. Но это далеко не все, чем она меня привлекает. У нее богатый внутренний мир. У нее очень славный сынишка. Она не пытается меня соблазнить и заставить жениться на ней.

Грубо говоря, Тома пытается дистанцировать нас. Оттолкнуть меня, чтобы не чувствовать себя должницей. Но она все никак не поймет, что нужна мне не меньше, чем я нужен ей. По мне так мы могли бы стать идеальной парой. Надо только сделать первый шаг навстречу серьезным отношениям.

И вот он наступил — этот шаг.

— Я тебе помогу расслабить ноги, — стоял я с банкой крема от хорошего производителя. Французская мазь идеально подходит для растирания проблемных мышц. Если аптекарь мне не соврал и не впарил дорогое средство, которое не работает. — Давай ты просто снимешь джинсы — и я сделаю тебе массаж. Обещаю, что больно не будет. Может, у меня и грубые руки. Но для тебя я постараюсь быть помягче. Не делать резких движений и

не пугать тебя. Идет?

Она сидела в своем кресле. Шумно дышала, не зная, как реагировать. Я ведь понимал, что ей хочется этого не меньше, чем мне самому. Это обоюдно. Она хочет, чтобы я это сделал прямо сейчас.

— Закрой сначала дверь. Я не хочу, чтобы Рома вошел ко мне в спальню и увидел тебя над моим обнаженным телом. Пожалуйста, — добавила она и с румянцем на щеках опустила глаза.

Поставив крем на стол, я закрыл ее спальню изнутри. Здесь был приглушенный свет, под стенкой стояла двуспальная кровать. Рома делал уроки, поэтому нам он не помешает. Если не будем шуметь, конечно.

— Хорошо, я закрыл. Никто к нам не войдет. Что-то еще?

Тома сглотнула от волнения и стала неуверенно расстегивать пуговицу на узких джинсах.

— Мне надо раздеться. Отвернись. Не хочу, чтобы ты видел, как я это делаю.

— Может, тебе нужна помощь? Давай я помогу — сам все аккуратно сниму.

— Нет! — воскликнула Тамила, но хрипло добавила, уже значительно тише: — Нет, не надо. Я сама. Отвернись, пожалуйста. В этот раз все будет так, как хочу я. Мы ведь раньше этого не делали.

— Хорошо. Извини. Не буду на тебя давить. Я отвернусь.

Сделав оборот вокруг своей оси, я уставился на стену. Но краем глаза видел ее отражение в зеркале трюмо.

— И закрой глаза. Я вижу, как ты смотришь на мое отражение.

— Ладно. Закрыл. Я стою, плотно зажмурившись. Честное слово.

Пока я стоял и молчал в кромешной тьме, я мысленно себе повторял, что это просто процедура. Мы не будем с ней спать. Не будет поцелуев. Ничего такого. Я здесь для того, чтобы сделать массаж ее голеней. И суставов. А еще стоп. Пальцев ног. И... бедер. А вот это уже интересно. Женские бедра я не лапал давненько. Конечно, я сомневаюсь, что Тома впечатлит меня спортивным телосложением, ведь фитнесом она отнюдь не занимается.

Не знаю, как там обстоят дела в подробностях — она мне так и не рассказала, насколько сильно парализована — одно я знаю точно: эта женщина не может управлять ногами. Она не может их произвольно сгибать, не может ступать. Не может напрягать свои мышцы. А чувствует она что-то или нет — вопрос остается открытым. Мне было реально интересно узнать эту правду. Лично притронуться к ее телу и увидеть реакцию.

— Все, — прозвучало в тишине.

И я открыл глаза.

— Все? Я могу повернуться?

— Да, — ответила Тома. — Только прошу не комментировать то, что ты увидишь.

Я невольно затаил дыхание в преддверии чего-то необычного. Само собой, я взрослый мужик и видал в своей жизни всякое. Когда мать сильно болела и ей делали операцию, то я помогал всем, чем мог. Далеко не все сиделки могут быть человечными к твоим близким и родным. Так что если ноги Тома выглядят не так, как на обложках гламурных журналов...

— Ого, — вырвалось у меня при виде вполне симпатичных женских ножек, обнаженных до половины бедер. — А ты у нас...

— Я ведь просила не комментировать, — шикнула она в полумраке.

Но я все равно это сказал — как будто приручал дикую кошку. Одичалую. Раненую

кошку. С очень красивыми от природы ногами. Длинными. Стройными. Может, слегка худощавыми. Чересчур уставшими от недостатка движений. Но в целом смотрелись они приятно. Даже очень.

— Я только хотел сказать... — подходил я ближе, выставив руку — как будто укротитель тигрицы. — Хотел сказать, что у тебя весьма недурно выглядят ноги. Они куда красивее, чем я представлял.

— Ты представлял мои голые ноги? — удивилась Тома, как будто я говорил какие-то ужасные вещи.

— Ну да, конечно. Да, — пожал я плечами, проговаривая очевидные факты. — Я сразу же представил твои ножки без одежды. И ножки, и в целом... Это вообще нормально — представлять девушку голой, когда ты видишь ее впервые.

— Господи, Руслан, — прикрыла она стыдливо глаза, — ты просто больной.

Она тихо посмеивалась, что говорило о шутливости последних слов. Но я говорил искренне. Я правда представлял ее обнаженной. Почему нет? Красивая, молодая женщина. Лежит на белоснежной кровати. А я люблю ее нежным телом.

— Я не шучу — вполне серьезно. У тебя красивые ножки. Говорю это безо всяких натяжек и лукавства. Так что не думай, что это вранье и лесть. Я просто говорю как есть. Чисто мужская оценка. Если ты не против такого, конечно.

Она облизала губы от смущения, но все же убрала от глаз козырек из ладони.

— Хорошо. Я сделаю вид, что верю тебе.

— Я говорю серьезно, — добавил я, становясь перед ней на колени, чтобы начать смазывать кожу лекарством.

— Окей, — кивнула Тамила, пытаясь мне довериться. — Хорошо. Я тебе верю. Восприму это в качестве комплимента... Спасибо.

Опустившись на оба колена, я оценил ее формы вблизи. Узкие стопы, тонкие голени, аккуратные коленки. Затем я начал скользить глазами по линиям бедер. И Тома натянула на них край футболки. Не хотела, чтобы я видел слишком много. Что ж, не будем так спешить и торопить события. Начнем массаж с пяток и подошв, помассируем зону лодыжек. А затем я буду подниматься выше — пока не пройду своими влажными и теплыми ладонями по всей длине ног. По всей их площади. Потому что растирать нужно всю поверхность. Всю кожу. От кончиков пальцев до самого паха. Иначе могут быть застойные процессы.

— Опиши мне, что ты чувствуешь.

Я принялся мазать стопу, слегка приподняв ее для удобства. Пахла она, как ни странно, просто чистой кожей. Это было приятным сюрпризом. Ничего противного или шокирующего я пока не заметил. Мне все нравилось. И то, какие ощущения при контакте с женским телом. И то, как она смотрит на мои движения. Томе было интересно. Немного пугающе, страшновато. Дико. Она от такого явно отвыкла. А вот я все делал уверенно, без опаски причинить ей боль. Потому что интуитивно понимал, как этого избежать и сделать ей приятно. Доставить настоящее удовольствие. Ведь не каждый день тебе массируют пальчики ног. Стоя перед тобой на коленях.

Впрочем, надо выяснить, чувствует ли она хоть что-то, кроме пустоты.

— Что ты имеешь в виду?

— Я говорю о твоих ощущениях.

— Где именно?

— Здесь, — опустил я глаза на бедра, плотно прикрытые тканью белой футболки. —

Внизу.

— Ты имеешь в виду мои ноги?

— Да, — кивнул я, промазывая кремом кожу между хрупкими женскими пальцами. Сперва между большим и "указательным". Тут легко промазать, чтобы не было больно. Затем — дальше. Средний. Безымянный. Они уже более тонкие, совсем беззащитные. А не десерт — совсем уж крохотный мизинец. — Я имею в виду твои красивые стройные ножки. Что ты чувствуешь прямо сейчас — какие это чувства?

Тома боролась с водоворотом эмоций. То размыкала губы, чтобы что-то сказать. Сделать замечание, попросить не делать того или иного. Но все равно молчала. Хотела продолжения. То прикусывала губу и опускала ресницы — чтобы глубоко прочувствовать то, что происходит.

Ведь она это чувствует. Я вижу ведь по глазам. Она не полностью парализована. Чувствует, как я прикасаюсь к ее телу.

— Мои чувства — они... — затаила она дыхание, чтобы добавить с придыхом: — Станные.

Я взял еще крема и стал подниматься по ее ноге — как будто идти пальцами все выше и выше, лаская лодыжки. Смазывая мазью подъем стопы. Зрительно уже оценивал голень. Там будет еще интереснее для нас обоих.

— Станные?

— Да. Станные. Мне трудно описать словами.

— Но они ведь есть — эти чувства? Ты ведь чувствуешь мои касания, не так ли? — Тома молчала и не сводила глаз с того, как я массирую ее тело. Глажу ноги. Беру на себя полную ответственность. Не оставляю ей инициативы. Хотя мы договаривались, что первый раз будет под ее шефством. Может, она училась мне доверять? — Ты чувствуешь свое тело ниже пояса? Это ведь не пустота в плане нервных окончаний?

Тамила отвернула голову и ответила спустя какое-то время — смотря на нас в зеркало:

— Это называется парапарез.

— Парапарез?

— Да. Это периферический паралич, при котором сохраняется определенная чувствительность парализованных конечностей.

— То есть, ты можешь их чувствовать, как раньше?

— Нет, — ответила Тома, все так же наблюдая в зеркале, как я глажу ее блестящие от крема ноги. — Это не так, как раньше. Чувства стали другими. Они стали странными, как я уже говорила... Знаешь, давай я лучше не буду об этом говорить, а?

— Почему? — посмотрел я ей в глаза, поравнявшись с Томиным взглядом. — А мне вот интересно. Продолжай. Расскажи. Я хочу узнать, что ты ощущаешь. Особенно сейчас, когда я прикасаюсь к тебе.

— Зачем это тебе, Руслан?

— Мы зашли уже слишком далеко, чтобы ты открутила педали. Я делаю тебе массаж в закрытой на ключ спальне. Ты наполовину обнажена. И я уже знаю, какого цвета на тебе трусики.

— Руслан! — возмутилась Тома.

Но я усмехнулся.

— Да ладно, я шучу. Не видел я твоего белье. Не переживай так сильно. Просто пошутил. Но... — посмотрел я снова на эти аппетитные бедра, — убрать футболку все же

придется.

— Нет. Я не стану этого делать.

— Просто подними ее выше.

— Зачем?

— Не будь ребенком — мне надо растереть твои бедра.

Закончив с нижней частью ног — ниже коленей, я выпрямил спину и понял, что мне очень неудобно этим заниматься в такой позе. Надо быть постоянно согнутым. Да и говорить с Тамилей в такой позе странно.

— Почему ты остановился? — смотрела она снизу вверх.

Теперь уже я был сверху, а она — внизу. На какое-то мгновение я ощутил, что чувствую желание. Вернее, оно уже давно со мной. С той самой минуты, когда на двери щелкнул замок и мы остались одни в ее спальне. Но теперь, когда я резко поднялся и к тазу прилила кровь...

— Мне так неудобно. Давай я уложу тебя на кровать.

— Нет, давай как было. Я не буду перебираться на кровать.

Тома говорила "нет", а по глазам читалось "да". К тому же, инициатива у меня. Решу за нее.

— Будешь.

— Не буду, — отчеканила она.

Но я подошел и нахрапом просунул руки под коленками и подхватил под лопатки.

— А! — вскрикнула Тамилей, потеряв контроль над происходящим. — Что ты творишь?!

— Чш... Все нормально. Я просто возьму тебя на руки, как это уже делал в похожей ситуации.

— Я и тогда была против.

— Не была.

— Чего? — нахмурилась Тома, играя роль недотроги.

— Того. Признайся, что хотела, чтобы я взял тебя. На руки.

— Пф...

Она лежала на спине, а я смотрел на нее в полный рост. Как она вытянулась на постели. Такая красивая. Нежная. С голыми ножками. В соблазнительных бирюзовых трусиках. Они как ни странно, отлично подчеркивали цвет ее глаз. Это было по-своему красиво. И безумно сексуально.

Взяв еще крема, я начал работать совсем высоко. Поглаживать ноги на бедрах — растирая мазь над коленками. Старался делать свою работу аккуратно и без спешки. Но делать это медленно было трудно. Мои пальцы все больше стремились к белью. Я как будто специально хотел побыстрее перейти к десерту — разогреть самые крупные мышцы. И сделать приятно не столько ей, сколько себе. Потому что ощущения были не из тривиальных, надо сказать. Я кайфовал от мысли, что делаю массаж такой красивой женщине. И она лежит на кровати, закрыв глаза.

Я продолжал и продолжал, делая все, чего меня научил тот видеоролик в интернете. В котором я смотрел на азы лечебной растирки скованных параличом ног. И постепенно терял грань между полезным и приятным. Между массажной процедурой и просто поглаживанием женского тела. Этой мягкой шелковистой кожи. Движение за движением, проход за проходом. Взгляд за взглядом.

Пока не услышал нечто похожее на шепот.

Я на секунду замер, чтобы прислушаться. Не мог понять, что это — что-то снаружи? Мне кажется, или Тома что-то шепчет под моими руками?

— Да? — спросил я тихо. — Что ты говоришь — я не расслышал...

Она открыла глаза и поманила меня пальцем. Хотела, чтобы я склонился ниже и прислушался к ее словам, сказанным настолько тихо, насколько это вообще возможно.

И я последовал просьбе. Склонился над Тамилрой, чтобы уловить тот самый шепот.

И она тогда сказала:

— Я чувствую, как мне приятно. Вот что я чувствую. Благодаря тебе. Я все ощущаю. Хотя это и странно. Я не могу пошевелиться, но я чувствую, как ты проводишь по мне руками. Как ты гладишь мою кожу. Как я содрогаюсь от твоих прикосновений, — шептала она, прикрыв глаза, как будто во сне. Будто Тома не хотела себя сдерживать фактом, что все на самом деле. — Мне нравится то, что ты делаешь со мной. Это очень приятно. И я хочу, чтобы ты продолжал, не останавливаясь. — В эту минуту моя рука стала медленно и нежно подниматься выше. Все выше и выше по бедру. Пока не уперлась в футболку. Не начала ее задирасть и подворачивать как ненавистную преграду. Моя ладонь уверенно двигалась вверх, пока не столкнулась с сопротивлением ее рук. Пока Тома с усилием не уперлась в нее обеими руками. — Я хочу и дальше чувствовать то, что я чувствую там. Внизу.

Тома надежно сдерживала мою руку. Я не мог продвинуться дальше, чтобы сжечь последние мосты перед безумием. И отдаться этому порыву, сломя голову. С полным погружением.

Но она закрыла глаза и облизала губы, будто предвкушая нечто особенное. Моя рука была скована, как и ее собственные. Но наши губы были свободны как никогда. И они были свободны отнюдь не для слов. А для нашего первого поцелуя.

Поэтому я склонился еще ниже. Вдыхая запах ее волос. Аромат ее кожи. Запах ее влажных и жаждущих прикосновения губ. Я хотел ее поцеловать. Очень сильно желал. И уже просто не видел причин не сделать этого в ту же секунду.

Губы коснулись ее теплых губ. Для начала — самые кончики. Поверхность раздраженной кожи. Но затем я повторил движение и позволил себе больше. Я прижался к ее рту и подарил поцелуй, который мы заслуживали оба с первой секунды знакомства. И вкус этого контакта крепко засел в моей памяти.

Это было максимально нежно и чувственно. Таких приятных губ я еще в жизни не пробовал.

Но увы.

Продолжить нам в тот вечер было не суждено.

— Мам! — раздался голос Ромки. Он стучался к нам в спальню и громко оглашал свою проблему: — Мне нужна твоя помощь, мам!

Я оторвался от женских губ. И посмотрел Томе в глаза. Так не хотелось прерываться. Останавливаться на половине пути. Хотелось продолжить. И сделать это снова. Опять вкусить ее уста, как в первый раз. Мне это очень понравилось. Хочу еще.

— Да, сынок! — отозвалась Тома, как и положено матери в таких ситуациях. Конечно, я все понимал. Дети — превыше всего. — Что там случилось?!

— Мне надо, чтобы ты помогла мне с домашкой!

— А ты сам не справишься?! Может, в интернете загуглишь?! — смотрела на меня Тамилра, пока я навис над ней, не теряя надежды на близость. Может, все же обойдется, и мы продолжим?

— Не-а! — кричал сквозь дверь ее Ромка. — Тут по этой дебильной зоологии надо нарисовать коровью яйцеклетку!

— О боже... — закрыла рот Тамила. Она бесшумно смеялась себе в руку, и я тоже старался сдерживаться. Нарочно такого не придумаете, конечно.

Коровью яйцеклетку. Твою ж дивизию. Вечер окончательно испорчен.

— Я пробовал нарисовать, но не получается! Выходит какая-то лажа! — кричал ее сынок. — Ты ведь хорошо рисуешь — нарисуй мне, пожалуйста! Мам!

Тома убрала ладонь от губ и довольно потянулась подо мной. Как будто мы ночевали на этой постели и было все чудесно. Вот только ничего пока что не было.

— Это было прекрасно, — шепнула Тома, промокнула указательный палец своими губами и прижала его к моим. Как будто воздушный поцелуй на прощание. — Но сейчас не получится. Может, как-нибудь в другой раз? Да?

— Хорошо, конечно. Не будем спешить. Пускай это будет не сегодня — в другой денек. Может, я тебя куда-то приглашу, а? Съездим в ресторан или... Давай я тебя отвезу в какой-нибудь спа-салон. Где есть хамам, теплый бассейн. Твоим ножкам точно понравится.

Тома заулыбалась, прижала дрожащую от эмоций ладошку к моей колючей щеке.

И сказала:

— Мне очень нравится ход твоих мыслей. Продолжай.

— Там мы найдем тебе нормального массажиста. Настоящего, который умеет делать массаж, а не лезет под юбку, как я.

— А мне понравилось. Не хочу другого массажиста, — прошептала Тамила. — Я хочу тебя.

— Хочешь меня?

— Да. Хочу тебя.

На этот раз настала уже моя очередь зажмуривать глаза. Потому что желание продолжить было просто невыносимым. Она была так близко. Совсем рядом. Просто подо мной. А я так хотел это сделать. Натурально боролся со своей природой. Сжимал кулаки, подавляя желание внутри.

Еле сдержался, чтобы не наброситься.

— Но не сейчас, да? — проговорил я очевидный тезис. — Так ведь? В другой раз?

Понимал, что уже не выгорит сегодня. Но все равно хотел услышать от нее последнее слово. Правильно ли я понимаю — что продолжить будет плохой идеей.

— К сожалению — да. Сейчас я точно не могу, — ответила Тома с долей грусти в голосе. А затем с усмешкой добавила: — Надо рисовать коровью яйцеклетку.

Мы оба рассмеялись. Старались делать это тихо, почти беззвучно. Но получалось плохо. Я склонился и поцеловал ее в губы. А затем еще раз — уже в лоб.

Поднялся, поправил рубашку, застегнул манжеты. Придвинул кресло к кровати. Надел пиджак. И мы попрощались. Когда я вышел из спальни, в гостиной было пусто. Хорошо, что Рома этого не видел. Тихо прокравшись к выходу, я сделал вид, будто это не я и меня здесь не было.

А когда вышел во двор, чтобы сесть в машину, то оглянулся наверх — посмотрел на пятый этаж. В одном из окон увидел девушку. Это была Тома. Она мне помахала рукой и закрыла окно. Было уютно и тепло от такого жеста. Мы неожиданно сблизились. Хотя и не виделись некоторое время. Все эти дни в разлуке мы созревали. У нас внутри созревали чувства. Как будто саженец. Семя, посаженное в первый день знакомства. Оно росло,

пускало корни. И вот теперь все стало на свои места. Нас тянуло друг к другу. Все было нешуточно серьезно. Это уже очевидно.

Я ехал по городу и сам себе улыбался. Посматривал в зеркало заднего вида — все никак не мог смахнуть с лица дурацкую улыбку. Впрочем, почему же она дурацкая? Она как раз не дурацкая. Она счастливая. Это самая обычная улыбка счастливого мужчины.

Спокойной ночи, Тома. Скоро мы опять с тобой увидимся. И все продолжим.

Руслан

По пути домой я заехал к матери. Что-то никак не мог дозвониться, переживал. То ли проблемы со связью, то ли мать снова упустила телефон, и он разбился, как в прошлый раз. Пожилые люди часто не дружат со смартфонами. То какие-то кнопки сами включаются. То звук загадочным образом пропадает. То стекло ни с того ни с сего вдруг трескается, когда телефон лежал на тумбочке и никуда не падал.

Словом, я понимал, что не смогу уснуть, пока не узнаю точно — с мамой все в порядке. Поэтому заехал в ее район, там были обычные двухэтажные дома на два подъезда каждый. Традиционные постройки из советского кирпича. Эти дворы я знаю с пеленок. На этих улицах проходило мое взросление, в этих подворотнях были первые драки. Здесь я получил свои первые уроки жизни. Ностальгия. Потому и мать не захотела уезжать отсюда. Я уже давно ей предлагал перебраться в новостройку или жить у меня дома. Коттедж ведь большой, два этажа. Три спальни. Мама могла легко заменить Татьяну Павловну. И сама была бы при деле, и меня бы чаще видела. И я бы меньше переживал.

Но мать не собиралась покидать этот район. Здесь она всех знала, тут прошла ее молодость. Она любила гулять по парку и вспоминать, как катала здесь коляску с сыном. И это был я. У нее тут своя атмосфера. А ко мне переезжать мама не хочет, чтобы "не занимать чужое место", как она однажды выразилась. Она у меня верит, что негоже матери жить возле сына, когда он уже повзрослел.

"В доме должна быть только одна хозяйка".

Что ж. Прислушаюсь к матери, ей виднее. Тем более что в последнее время этот тезис не выглядит таким уж фантастическим. Я часто представляю Тому в этом доме. И ее, и Ромку. Неужели к этому идет? Вопрос риторический.

Матери я не скажу. Потому что спуску эта женщина уже не даст. Придется все ей выложить подчистую тогда.

— Привет, мам, — произнес я на пороге, когда она открыла дверь в квартиру. — Как ты тут?

Я обнял ее и чмокнул в щеку. Вручил пакет с ее любимыми пряниками без сахара. И сушками к чаю. Она такое любит. Каждый раз ей покупаю.

— Боже, сынок, — прижималась она к груди, радуясь нашей внезапной встрече, — вот уж не думала, что ты заедешь! Позвонил бы маме — я бы приготовила чего жирненького.

— Не стоит, мам. Я не голодный.

— Не голодный?

— Все хорошо. Я сыт. Недавно ужинал.

— И чем же ты ужинал? — уперлась она руками в бока. — Опять какие-то финди-минди в ресторане дегустировал с губернатором?

— Нет, не финди-минди... Это была нормальная домашняя еда.

— Домашняя еда?

— Домашняя еда, — повторил я честно. — Жаркое из картошки. Со свининой. Жирной. Как ты любишь мне готовить.

Мать застыла в изумлении.

— Да что ты такое говоришь, сынок? — У нее на лице созревала хитрая улыбка

знающей женщины. — Мой Руслан — и вдруг ест домашнюю еду?

— Бывает и такое.

Провести ее, видимо, не удастся.

— То-то я чувствую, что от тебя женщиной пахнет.

— Женщиной пахнет?

Я засмеялся. Тут моя мать уже переигрывает.

— Конечно. Ты думал, я духи не учую? — Мама еще раз обняла меня и погладила по плечам. — Хорошие духи. Мне нравятся. Сама такие выбирала в молодости... Я всегда считала, что деньги деньгами, но баловать себя хорошим парфюмом надо обязательно. Хотя бы раз в году, но подарить на день рождения. Ну так как? Я ведь права — у тебя ведь кто-то появился?

Я молча выкладывал на стол гостинцы и не спешил отвечать на ее вопросы.

— Я тебе тут закусочка к чаю прикупил. Тут пряники фирменные, как ты любишь. Печеньки галетные. Сушки...

Но мать меня оборвала:

— Да пусть они летят к чертям — эти печеньки с сушками в обнимку! — Я протяжно выдохнул и понял, что придется все сказать без промедлений. — Руслан, а ну-ка быстро признавайся — в твоей жизни появилась женщина?!

Я усмехнулся и сел за кухонный стол. Под старым, но уютным абажуром.

— Неужели так духами пахнет? Я и не заметил...

— Это и правильно — ты не должен их чувствовать отчетливо, — учила меня мать премудростям обольщения. — Девушка выбирает запах так, чтобы мужчина его чувствовал, но не замечал в то же время. Он действует иначе. Но вот я его чувствую... Кроме того, дело ведь не только в духах.

— А в чем же еще?

— Ты явно посвежел. Стал больше улыбаться. — Я задумался над ее словами и опустил глаза, как мальчишка. Было слегка неловко слышать это от матери. — Ты наконец поправился на хороших харчах.

— Блин. А я ведь так и думал — мне не кажется, — похлопал я себя по животу. — Ремень еще с прошлой недели на одно отверстие свободней застегиваю.

— Значит, вкусно кормит?

— Вкусно.

— Это видно. Мама очень рада. — Мать погладила меня по щеке и попыталась ущипнуть, как в детстве. — Хоть кто-то сделает эти щечки снова счастливыми.

— Ну хватит, мам. Нет у меня там щек. И никогда их не было.

— Но хоть лицо у тебя стало здоровее. И счастливее. А то перед этим ты таким уставшим выглядел, сынок. Совсем осунулся. Мне на тебя жалко было смотреть. Я так страдала, что у тебя нет пары... Ну — и... — подперла мать голову, упершись локтями в край стола.

— Что?

— Как ее зовут?

Она улыбалась, как хитрая лиса. Такого азарта в материнских глазах я давно уже не видел. Это были не тревога, не обеспокоенность. Даже разбитый от нового падения телефон ее не интересовал в ту минуту. Только "она". Только "ее имя".

— Хочешь знать, как ее зовут?

— Конечно. Мама все хочет знать. Говори. Не темни. Я же знаю, что ты с детства не умеешь врать. А я ведь по тебе сразу вижу, что многое изменилось. Перед этим мы только по телефону разговаривали. Я себе все говорила, что мне кажется. Не хотела лишний раз напоминать, что мне скоро в гроб уже ложиться, а ты меня внуками не наградил.

— Мам! Ну что ты опять начала — не надо тебе в гроб ложиться, не говори чепухи! Тебе еще жить да жить!

— Ну да, конечно. Ты помнишь тетю Лилю из соседнего подъезда? Она нам молоко по пятницам заносила.

— Нет, не помню. А что? Ты молока хотела купить? Я привезу. Прямо завтра. Тебе магазинного или домашнего? Хочешь, я могу и творога, сметаны...

— Умерла она вчера.

Мать это сказала, а я завис на полуслове.

— Черт... Я понял. Извини.

Я всегда ко всему подхожу излишне прагматично. Везде ищу пути решения, которые можно пощупать, записать на листке бумаги, спланировать, купить или построить. Но мать опять и опять возвращала меня к таким атрибутам полноценной жизни, которые всегда от меня ускользают.

— Да, — выдохнула мать. — Пришел и ее черед. Умерла наша Лиля. Не выдержало сердце. В пять утра к ней скорая приехала, да так и увезла. Затем уже хоронить ее только привезли.

— Наверное, ты была расстроена?

— Расстроена? Ну... — пожалала она плечами. — С годами ты это уже иначе воспринимаешь. Важно не то, когда пришел твой час, а как ты прожил свои годы. Вот к Лиле на похороны приехало много родных. Брат и сестры. Племянники. Дети, естественно. А сколько внуков... — добавила мама с особым оттенком. — Жалко было малышей. Холодно ведь. Но... я вот на них смотрела и думала: какая же Лилька все таки счастливая была. Столько добра нажила. Не золото, не доллары. Не квартиры казенные. Не шубы, будь они прокляты трижды. А настоящее богатство. Дети. Внуки. Полноценная большая семья... И мне бы так хотелось.

Я поставил чайник, чтобы приготовить матери чай из веточек малины и шиповника.

— Ее зовут Тамилей.

— Тамилей? — оживилась мать и как будто подпрыгнула на стуле. — Какое красивое имя. Мне нравится.

— И мне сразу понравилось.

— Давно вы вместе?

— Нет. Не очень давно. Не больше месяца. Буквально несколько недель.

— Но у вас, я вижу, все серьезно. Не так ли?

— Хм... — ухмыльнулся я, насыпая заварку в чашку. — Не знаю. Может быть.

— Да ладно тебе, сына. Я не верю, что ты будешь тратить свою жизнь на случайных баб. Если уж ты берешься за что-то, то это серьезно. Я своего Руслана прекрасно знаю. Ну так как, она уже зрелая женщина — твоя ровесница? Или ты решил воспитать молоденькую девушку?

— Нет, она... — представил я Тамилу и попытался охарактеризовать то, что вижу в голове. — Она в расцвете своих сил.

— Но не юна.

— Не юна. Юность она прожила так же не безоблачно, как и я. Были испытания.

— Это хорошо. Испытания — всегда хорошо. Особенно если человек их переносит достойно. Скажи, твоя Тома — она достойно прошла через испытания судьбы?

— Я думаю, что да. Вот твой чай.

Мы сели с ней за стол. И я поведал маме, что собой представляет моя женщина.

Рассказал, что Тома шьет. И вообще у нее руки мастерицы. Рассказал, как вкусно она готовит. Рассказал, как забавно мы с ней встретились на дороге. И как я пытался ей помочь. Впрочем, о ее недуге я не говорил ни слова. Это стало единственным табу, которое я ставил себе в голове при разговоре. А вот о мальчике по имени Рома я сказал. Мне показалось, что мать имеет право знать эту деталь.

— Она уже с ребенком?

— Да. С ребенком. У нее сынок. Похож на маму.

— А родной отец?

— Его как бы нет.

— В природе?

— В природе — есть. А вот дома — нет... Он просто подлец. Сама прекрасно знаешь, как это бывает.

Мама взяла чашку чая и дрожащими от волнения руками поднесла ее к губам. Казалось, что перед глазами у нее проносится вся жизнь. Она то робко улыбалась, то снова погружалась в грусть. То снова поднимала краешки рта, чтобы вспомнить что-нибудь приятное.

А затем она поставила чай на стол и погладила меня по кисти.

— Ты молодец, Руслан. Я тебя люблю и очень тобой горжусь. Ты хороший, добрый. Я рада, что вырастила из тебя достойного человека. И я... — запнулась она на мгновение, но все же сказала это без серьезных пауз: — Буду очень рада повидаться с Томой. И ее чудесным сыном. Если он хоть на капельку такой хороший, каким ты его описываешь... Рада за тебя, сынок. Я очень и очень благодарна судьбе, что она послала тебе достойную спутницу жизни. Береги ее, если она тебе не безразлична. Не оставляй в беде. И она тебя будет любить весь остаток жизни.

Руслан

Желая помочь Тамиле, я стал подрабатывать в ее семье частным извозом. Это было не бесплатно. Но и не за деньги. Валютой у нас была вкусная домашняя еда, посиделки за чаем, а то и за бокальчиком чего поприятнее. Мы сближались все больше, и в этом не было ничего странного. Ведь она мне нравилась. Очень и очень. Я на нее запал и никак не мог поверить, что это произошло — я нашел именно то, что искал так много лет. В ней. В этой обездоленной девушке в инвалидном кресле. Странно. Дико. Необычно. Совсем не по сценарию, которые пишут для любовных историй. И, тем не менее, мы наслаждались друг другом, как это делают мужчина и женщина. Вдумчиво, не спеша, постепенно. Но все глубже и глубже. С каждым днем и с каждой ночью, когда мой джип стоял под ее домом и мигал красной лампочкой сигнализации.

А утром я уже сидел на кухне и попивал горячий кофе. При выглаженной рубашке, в привычном пиджаке. Подмигивал Томе. И подгонял Романа, чтобы побыстрее чистил зубы, умывался, делал зарядку, завтракал, одевался. И прыгал ко мне в машину, чтобы ехать в школу. А мне — на работу.

— Пока мам! — помахал он на прощание и чмокнул Тому в щеку.

Я не стал отвечать тем же, но мысленно прижался губами к этому нежному и теплому лбу.

— Пока, Тамила. До вечера.

— До вечера, — ответила она с милой улыбкой.

И мы с пацаном отправились во двор.

— Дядь Руслан. А сегодня мы будем повторять движения?

— Какие движения? Мы ж не танцы с тобой разучиваем.

— Ну приемы. Проверите, как я выучил приемы?

— Прямо сейчас? — косился я на малого. — Вот прям этим утром, перед школой?

— Да, — сиял мальчишка. — Я постоянно тренируюсь в комнате. И мне кажется, что у меня стало получаться лучше.

— Отжимаешься по утрам, как я говорил?

— И отжимаюсь, и пресс качаю.

— Молодец, — потрепал я детскую шапку рукой. — Так держать, солдат. Ты только не переусердствуй. Тело надо укреплять, но организм растет. Тебе еще слишком мало лет, чтобы таскать железо.

— А мои одноклассники уже ходят в качалку.

— Seriously? — удивился я, когда мы вышли из лифта и отправились на улицу. — Прям реально в качалку?

— Ну, не прям в настоящую качалку... Они на турники и тренажеры ходят. Под открытым небом. На стадионе. Бесплатные.

— Тоже мне, тренажеры, — бросил я снисходительно. — Не бери в голову. Это так — баловство. Снегом все завалит — и куда они пойдут такой погодой?

— А вы тренируетесь?

— Бывает немного.

— Делаете дома упражнения? — интересовался Рома, как же мне удастся держать

форму Аполлона средних лет при таком режиме. — Тоже отжимаетесь, качаете пресс?

— Нет, для меня этого мало. В моем возрасте нужен комплексный подход. Я езжу в фитнес-клуб.

— То есть, в качалку?

— В качалку.

— В настоящую? Где за вход надо деньги платить и только для взрослых?

— Ага, — ответил я, приглашая Рому в салон. — Давай. Залетай. Я включил подогрев сидений, чтобы ты пятую точку не простудил. А то мама переживает, что ты подштанники через раз надеваешь... Надел сегодня подштанники?

Рома осмотрелся по сторонам и смущенно попросил:

— Дядь Руслан, пожалуйста, не говорите такое на улице. Пацаны могут услышать.

— А что тут позорного? Подштанники — дело серьезное. Я и сам зимой ношу термобелье. Такого не надо стыдиться. А то ведь замерзнешь — и тогда твои бубенчики...

— Хватит! — не выдержал Рома. — Вы меня специально решили позлить?

— Да ладно тебе, пацан. Я ж ничего плохого не сказал. Просто подштанники — это...

— Вы их сами носили в моем возрасте? Только честно.

Я открыл рот, чтобы дать ребенку "правильный" ответ. Но решил, что будет честнее признаться в школьных грехах. Тем более что делали так почти что все.

— Нет. Я их не носил. Матери говорил, что ношу, но на самом деле они у меня всегда лежали в пакете со сменкой. — Рома победоносно засиял. Его взяла. — Ладно. Черт уже с ними — этими подштанниками. Все равно я тебя привожу и забираю со школы. Ты главное звони, если уроки вдруг раньше закончатся. Чтобы не мерз на остановке. Я подскочу и отвезу домой.

— Спасибо.

— А теперь в машину...

— После приемов.

— Нет, у нас не осталось на это времени, Рома.

— А вдруг мне сегодня предстоит серьезный бой — а я не подготовился? Вы ведь сами говорили, что не хотите, чтобы мне опять начистили рыло.

— Я так не говорил. Про рыло не было и слова.

— Суть была та же, — выпалил Рома и скрестил ручки на груди, как настоящий мужичок. Только маленький еще. — Вы мне пообещали тогда, что научите приемам. Чтобы я мог постоять за себя и отбиться от придурков. Это же ваши слова — вы обещали, дядь Руслан. Помните тот день, когда я стоял весь в соплях, а вы заверили, что такого больше не повторится?

Рома был полон готовности. А мы опаздывали в школу. И все же он был прав — я обещал.

— Ну ладно. Давай мы отработаем удар по корпусу. Если уж кого-то бить, то лучше не в лицо, а в корпус. Примерно в живот. Ты ведь знаешь, где у человека живот?

— Конечно знаю.

Я стал в удобную стойку, слегка прогнулся в коленях, чтобы мой пресс был на уровне плечей мальчугана. Был согласен выступить тренировочным снарядом. Все ради Ромки. Просто не хочу, чтобы его обижали хулиганы. Ему и правда придется научиться стоять за себя. Потому что враги бывают жестоки и обычно собираются в кучи. Чтобы их победить, нужно бить серьезно. Без поблажек. Крепко и точно в цель.

— Хорошо, боец. Давай, наноси удар. Прямо сейчас. Давай! А то я на тебя нападу и отберу цветы, которые ты купил на день рождения мамы! Ну же!

Рома сделал движение корпусом и ударил меня в живот. Но удар мне показался слабым. Может, для ребенка его возраста это было и неплохо. Но противостоять ему придется ребятам постарше. А там уже совсем другая весовая категория. Если первый дар не прошел, то второго уже может и не быть.

— Ну как?

— Нет, пацан. Так не пойдет. Это слабый удар. Попробуй еще разок.

— А вам не больно?

— В том-то и проблема, Рома, что нет. Для меня этот удар был как укус комара. А надо так, чтобы меня как будто лошадь лягнула. Чтобы я почувствовал, что дикий скакун взбрыкнул и ударил меня в живот копытом. Ну же. Покажи мне дикого мустанга. Бей!

Рома снова напрягся. И нанес удар. Он был немного сильнее первого. Но тоже слишком слабый. Меня его удары совсем не впечатляли. Я хотел чего-то большего. Хотел заставить Рому выйти за пределы своих страхов. Ведь было заметно, что мальчик боится меня бить на полную силу.

— Ну как? На этот раз вам больно?

— Рома, этого мало. Мне кажется, что ты боишься меня ударить по-мужски. Это какие-то пощечины, а не удары копытом. Ты вообще знаешь, как выглядит копыто?

— Ну... я переживаю, чтобы не покалечить вас, дядь Руслан.

Это было настолько мило, что я рассмеялся.

— Покалечить меня? Ты реально боишься покалечить такого бычка, как я? Да брось, солдат. Это невозможно. Ты не способен сделать мне больно. Ты и правда думаешь, что я могу скорчиться от боли после детского удара?

— Наверное, нет.

— А я хочу! — Мы жестко опаздывали в школу, но я уже разошелся. Гулять так гулять. Если уж Рома готовится к серьезным пацанским дракам, то ему придется снять этот барьер. И научиться бить на полную силу, не опасаясь последствий. Тем более что на животе синяков не бывает. Это не лицо, где все сразу видно. — Давай же — сожми свой кулак в копыто! Бей жестко, словно я ужасная свинья, а не дядя Руслан!

— Хорошо, я попытаюсь, — ответил Рома и стиснул крепко зубы. Его детское лицо стало свирепым. В глазах горел огонь. Пальцы чуть ли не хрустели от силы сжатия ладони.

— Давай. Сконцентрируйся на кулаке. Сожми его крепко, чтобы он был как конское копыто. Вложи всю свою злость в это копыто. Давай, лягни меня копытом в живот.

Я приготовился к атаке.

Но тут меня отвлек приятнейший звук. Где-то сверху звучал ее голос — окликнула Тома.

— Мальчики! Смотрите не опоздайте в школу!

Я посмотрел вверх и увидел Тамилу. Она махала мне рукой и посылала воздушные поцелуи. Это было так приятно.словно ангел машет мне крылом на небе. Я прищурился от солнца и помахал рукой в ответ. Было приятно. В ту минуту. А вот уже в следующее мгновение мне пришлось окунуться в полную противоположность. Потому что мне прилетел удар кулаком. Причем не просто детским кулаком — а самым настоящим конским копытом. Правда, не туда я ожидал такого удара.

— Уф... — сложился я в три погребели, когда почувствовал подлую боль ниже пояса. —

Кх... кхм... господи, Рома...

Он меня ударил ниже живота. О таком мы не договаривались.

— Ну как, дядь Руслан? Я хорошо ударил? Теперь вам больно?

— Хорошо ударил, — выдавил я с трудом, — молодец, Ромка. Дяде Руслану очень больно... Вот только живот — он немного выше. Так низко лучше не бить, это против правил.

— Но ведь мои враги тоже дерутся против правил. Вот и я буду против правил драться.

Я попытался выпрямить спину, но каждый новый шаг давался с трудом. Как будто я избитая Русалочка. Которой здорово врезали по хвосту.

— Ох, Рома. Не завидую я твоим врагам. Если ты даже друзей так сильно бьешь ниже пояса.

Слегка погуляв вокруг машины, отдышавшись, пока Рома греет свой зад на заднем диване — я сел за руль и повез малого в школу. Думаю, что в этом пацане есть потенциал. Еще неделька-две таких занятий — и он сможет кого-то ударить. Не побоится. И поверит в собственные силы. Я это чувствую. А если кто посмеет поднять на него руку первым — найду говнюков и накажу ремнем так крепко, что мало не покажется.

— Дядь Руслан, а в качалке классно вообще?

— Нормально. Тренажеры. Груша. Штанга. Гантели. Разное. Можно и побегать на беговой дорожке, когда на улице дождь и холод. А потом еще и душ теплый принять. Себя любимого в зеркале сфоткать в мокрой футболке.

— Круто... — восхищался Рома, явно мечтая побывать в тренажерном зале.

Я еще раз помассировал место, пострадавшее от "копыта". И подумал, что вполне могу и осчастливить пацана — сделать его мечту немного ближе.

— А хочешь, я тебя как-нибудь в качалку возьму?

Рома посмотрел на меня квадратными глазами — я видел в зеркале заднего вида.

— А что, так можно? Я думал, что туда только взрослых пускают...

— Со мной тебя пустят, не беспокойся. Скажу, что ты мой сын. И пропустят.

— Хм, — улыбнулся Рома и отвернулся к окну. — Спасибо.

— Сможешь сыграть моего сына?

— А что для этого надо делать?

— Ну... — пожал я плечами. — Ничего особенного. Просто называй меня папой. И все поверят, что мы сын и отец. Окей?

Мальчик мечтательно улыбнулся школьному забору за окном.

И кивнул:

— Окей.

Руслан

В тот день я колесил по городу, решая целый ворох проблем. С тех пор как мы сблизилась с Тамилрой, я уже не так сильно залипал на нефтебазе. Теперь я все чаще пропадал за пределами работы. И если это была не квартира моей девушки, то с большой вероятностью почта — где мы отправляли вместе посылки, готовые изделия, те же мягкие игрушки, милые куколкИ с именем получателя. Точно так же я мог проводить немало времени в цветочных лавках или магазинах с ювелирными украшениями. Все никак не мог выбрать достойный подарок ей на новый год.

Я мог ехать по городу и усиленно представлять, насколько хорошо будет смотреться то или иное кольцо, ожерелье из жемчуга. Или колечко из золота. Искусно выполненный перстень с рубином. Мне почему-то кажется, что рубин отлично впишется в ее образ. Будет сочетаться с цветом зеленых глаз. Впрочем, можно пойти напролом — прямо в лоб — и выбрать изделие с бирюзой. Ведь это самый очевидный вариант. Особенно для такого дуболома, как я. Ведь я не понимаю полутонов. Если уж глаза зеленые, то и камень — тоже непременно зеленый.

Короче, голова шла кругом. Хотел сделать ей приятно. И чтобы не ударить в грязь лицом. Были даже мысли посоветоваться с матерью, она в таких вещах лучше понимает. Но было стыдно. Да и вдруг мать не поймет моих стараний, не оценит. Украшения стоят недешево, а мы с Тамилрой знакомы от силы два месяца. Бывает же такое. Раньше я считал, что так поступают только идиоты — думают о женитьбе через несколько недель после знакомства. А теперь...

— Так, а это еще что за ерунда? — Я вдруг выпал из своих раздумий и заметил, как на обочине дерутся петухи. Не такие — с перьями и красными гребешками — самые обычные драчуны подросткового возраста. Парочка задир напали на малого. Он ниже их ростом на целую голову. Пытаются валить его в сугроб... Повалили... Надо бы остановиться и помочь. — Эй! — высунулся я в окно и пригрозил кулаком. — Двое на одного?! — Но в следующую минуту я чуть не обомлел. Потому что узнал эту шапку — слетевшую с упавшего пацана. Она валялась на снегу и привлекала мое внимание, как яркий синий маркер. — Минуточку. Я знаю эту шапку... Рома? Рома, я сейчас!

Я внезапно осознал, что под ногами у хулиганов лежал не кто иной, как мой будущий пасынок. Ромка. Чтоб их черти побрали! Моего Ромку обижать нельзя! Никому и никогда!

Сейчас-сейчас, я припаркую машину, чтобы никого не задеть в крайнем потоке...

Но пока я выруливал на зимней дороге, угнетенный малыш резко встал на ноги. И с размаху врезал одному из нападавших. Просто адски зарядил в живот. Да так сильно, что тот от боли согнулся вдвое и упал на колени. И после этого настал черед второго.

Рома подскочил к тому, что пытался держать его за курточку, чтобы напарник бил свою жертву. Но здоровяк внезапно струсил. Он бросил товарища и пустился в бега.

Такого финала я не ожидал. Выскочив на тротуар, я подобрал вязаную шапочку. Поднял на ноги растерянного хулигана.

И сказал ему в лицо:

— Еще раз его тронешь — получишь не только в живот, но и по шарикам... Ты меня понял, сопля? Это тебе еще повезло. Поверь мне на слово.

Но Рома уже след простыл. Он погнался за вторым и скрылся за углом. Я уже начал было нервничать, ведь как бы он дров не наломал теперь. Бежал за ними следом, держа в руках шапку и брошенный Ромой портфель. Сейчас ему кровь ударила в голову, может и под машину попасть. Не говоря уже о том, что не рассчитает силы и нарвется на отпор старшеклассников.

— Рома?!

Я выглянул за угол и увидел, что он остановился перед зеброй. Стоял под светофором и тяжело дышал. Щеки покраснелись. Волосы торчат, взлохмачены. Руки так и чешутся кому-то врезать. Я взял его за плечо и чуть не получил.

— А! — рыкнул мой звереныш.

— Спокойно, парень. Это я. Свои. Не бойся.

Рома стоял и смотрел на меня, не до конца понимая, что произошло.

— Дядя Руслан... Это вы? Я... — заговаривался мальчик, вытирая влагу на лице. — Я только что...

— Да, пацан. Я видел. Я все прекрасно видел.

Опустившись на корточки, я раскрыл объятия и прижал его к себе. Ребенок упал мне на плечо и засмеялся. Это был не смех ради смеха. Не смех из-за шутки. Роме не было смешно. Это был горький смех вперемешку с детскими слезами. Очень нервный нездоровый смех после сильного стресса. Но я его понимал как никто другой в этом мире.

— Вы видели, как я их уделал?

— Да, солдат. Я видел. Ты очень храбро сражался. И не сдался. Я все видел. И видел, как ты нанес удар под дых. Это было шикарно.

— Жалко только, что второй удрал. Я бежал за ним, бежал...

— Ему повезло, что ты его не догнал. Уверен, что засранцу бы не поздоровилось, будь у тебя ноги такими же длинными, как у этого старшеклассника.

— Да он же бегает, как девчонка! — выпалил Ромка, шмыгая носом от эмоций. — Я бы его точно догнал и проучил, если бы не лед под ногами!

— Ты поскользнулся?

— Ага. Упал на задницу. Было ржачно. Но придурок не увидел. Только пятками сверкнул.

— А мне вот не смешно — я горжусь тобой. Ты молодец, пацан. Я тобой очень и очень горжусь. Ты просто шикарен сегодня.

Рома снова не сдержался и пустил слезу.

— Спасибо, дядь Руслан. Спасибо, что научили меня не бояться. И сильно бить.

— Тебе помогли наши тренировки?

— Да. Я просто представил, что это вы — и ударил.

— Молодец... — рассмеялся я и чуть было сам не прослезился от такой искренности. От такой хорошей детской непосредственности. — Молодчинка, Рома. Молодчина. Делай так каждый раз, когда нужно кого-то поставить на место. Просто представляй, что это я. И бей меня копытом.словно дикий необъезженный мустанг.

— Мне кажется, я шапку потерял.

— Все нормально, она здесь. Я подобрал.

Рома надел на голову шапку. Надел портфель. Наконец успокоился.

И мы поехали домой.

Тот день стал особенным для нас обоих. Рома смог почувствовать себя взрослым. Он

ощутил уверенность в себе. Теперь ему не было страшно ходить по улицам. А о его победах непременно прознает вся школа. И он станет самым крутым мальчиком в классе. А перед такими все двери открыты. В том числе и двери в девичьи сердца.

— Давай поставим крутую музыку, — предложил я отметить победу в драке и включить музю погромче. — Вот эта песня тебе точно зайдет. Тут очень круто поют, прям реально твой типаж сегодня. Образ бойца. Зацени, Ромка...

Я включил одну из своих любимых песен. В школьные годы это был не просто хит. Это был реально гимн наикрутейших пацанов в моем районе. Если у тебя на плеере играет эта музыка, значит, ты предельно крут.

— Э... — пожал Рома плечами. — Даже не знаю.

— Тебе нравится музыка? Слушаешь такое? Она ведь и сейчас популярна, я уверен.

Салон содрогался от мощных басов. Акустика у меня что надо. А победная песня очень даже к месту. Как будто я везу в машине боксера — чемпиона в суперлегком весе. Он мал, да удал. Устал после схватки и отдыхает у меня на диване, держа в воспоминаниях канаты ринга. И меня вот реально пробрала ностальгия. Благодаря Роме я как будто перенесся в те годы, прочувствовал через него весь тот азарт и риск. Всю ту опасность, которая подстерегала тебя на улицах. За школой. Ведь стоит тебе переступить порог своего класса, зайти в туалет или раздевалку — как тебя прижмут к стене и попытаются избить. А Рома теперь напоминал мне меня самого. Такого же крепкого и упорного пацана с разбитыми костяшками.

Мне тогда некому было рассказать о своих подвигах. О своих неудачах. О своих взлетах и падениях. О том, как жестко и порой жестоко меня учит жизнь выживанию в мире подростков. Отца ведь не было, как и у Ромы. Мне никто не показал, как надо валить на землю плохих парней. Как правильно их бить и как так сделать, чтобы они никогда тебя не задирали. Я всему учился сам. Всегда. Через боль и страх, через ошибки и разочарования. А теперь я горд, что могу находиться рядом с таким же славным малым. И могу на правах отца рассказать ему, как для меня важно помогать ему не только словом, но и...

— По мне так старперская лажа.

Эти слова вдруг повисли в воздухе и сжали мое горло холодной удавкой. Я сделал музыку потише и глянул на Рому.

— Что, извини?

Он только что назвал мою любимую крутую музыку из юности "лажей"?

— Эта музыка звучит так, будто ее включили где-то в доме престарелых. Извини, дядь Руслан. Но это просто кринж.

Меня прошибло током негодования.

Я то поворачивался к мальчику лицом, чтобы выразить свое недовольство. То опять кусал себя за язык и молча рулил, уже тихо ненавидя саму идею включить эту песню. Ведь кто меня заставлял это делать — похвалил бы пацана без музыки. Купил бы ему хорошего чизбургера с колой. Отвез бы домой. Похвалился бы Томе, что наш общий воспитанник блестяще отбил от подлецов. Но нет же. Я решил поделиться с ребенком сокровенным — решил приоткрыть занавес над тем, что я сам любил в его возрасте. И что мне казалось реально великолепным. И крутым.

— Кхм... — прокашлялся я и ослабил галстук, чтобы свободнее дышалось. — Хорошо. Окей. Я понял. Тебе не зашло. Все понятно.

— Без обид, дядь Руслан. Я не хотел вас оскорбить. Просто это лажа, а не музыка. Вам

самому так разве не кажется?

— Знаешь, Рома. Когда я был в твоём возрасте, это была самая крутая музыка, которую можно было найти на кассетах.

— На кассетах? — удивился мальчик.

— Да, у меня был кассетный проигрыватель, и это было в сто раз круче, чем бобинный. Уж поверь. Я сам его купил, между прочим. Мама была против, но сказала, что если я очень хочу себе бумбокс, то могу заработать на него честным трудом. Поэтому я засадил нашу дачу картошкой. Каждое утро её копал, мыл, вез в пять утра на рынок, чтобы продать как можно доро...

— Все равно старперская лажа.

— Что? — не выдержал я такого надругательства над классикой гангстерского рэпа. — Рома, ты хоть слушал, что я тебе только что рассказывал?

— Вся эта история вашего становления — очень круто, дядь Руслан. Но рэп — все равно говно.

— О...

— Сейчас такое уже никто не слушает.

Я вытер пот со лба. На минуту зажмурил глаза, пока мы стояли в пробке. Затем выдохнул и принял ситуацию как есть. Решил воспринимать ребенка таким, каков он есть от природы. С его плюсами и минусами.

— Окей, Рома. Окей. А что же сейчас слушают?

Рома достал телефон и включил на нем "нечто".

Я вел машину и все посматривал то на экран телефона с непонятным названием трека. То на довольное лицо подростка на заднем диване.

Что? Неужели это сейчас такое слушают? Серьезно?

— Ну как вам, дядь Руслан? Заходит песня?

У меня такой был соблазн отплатить пацану его же монетой. Мне так хотелось повернуться и сказать, что это "похоже на детскую лажу". Ведь оно и правда звучало, словно играют бомжи на мусорных ведрах. Пока ветка акации царапает рекламный щит возле жд-вокзала.

Черт. Но я же не могу так опуститься. Рома ребенок. Но сам я давно не маленький. Язвить не буду. Сделаю вид, что мне нравится. Ведь это его чувства. Его выбор. К тому же, сейчас небось все подряд такое слушают. Может, для них это как рэп в мои годы.

— Да... — кивал я головой, посматривая в стороны на перекрестке. — Ага. Хорошая музыка. Веселенькая.

— Ага. Вообще ништяк. Это вы еще припев не слышали. Сейчас... — Рома промотал немного вперед, и я застыл в ожидании припева. — Ну как вам, круто ведь?

Я посмотрел на пацана. И просто не понял прикола.

— В смысле? Это уже припев?

— Ага.

— Хм... — задумался я об очевидном. — Но он же без слов. Просто какие-то звуки. Будто хрипит старый бульдог. Знаешь, когда бешеных мопсов тащат в упряжках, они тоже что-то похожее издают своей пастью.

— Ну вот такой припев.

— Без слов? — возмущился я нелепости.

— Да. Припев без слов. Ну и что? Разве припев не может быть без слов?

После некоторых раздумий я сдался окончательно. И просто махнул головой в знак признания.

— Хороший припев. Думаю, что будь я на твоём месте — тоже бы такое слушал. Очень даже ничего.

— Обычно взрослым такое не нравится, — опустил Рома глаза и спрятал телефон. — Мама говорит, что это вообще не музыка. Что они просто кривляются, и все такое.

До меня вдруг стало доходить, что история с пропастью между вкусами поколений — она циклична. И повторяется с завидным постоянством. Разве моя мать не говорила, что я слушаю фигню? Разве она не жалела, что позволила мне потратить все заработанные деньги на музыкальный центр и "сатанинские вопли наркоманов".

— Ох... — вздохнул я, глядя на грустинку в детских глазах. — Знаешь, по мне так ничего — зачетная музыка. Да, — похлопал я Рому по ноге. — Зачетная. Знаешь, а давай мы ее поставим на большие колонки, а?

— В смысле?

— Подключай телефон по блютузу к моей магнитоле — и я врублю твои бессловесные припевы на центральном устройстве. Басов тут будет побольше.

Я позволил "этому" заполнить все пространство салона. Музыка бацала так, что обшивка дрожала. Я старался не морщить нос и все смотрел, как радуется Рома. Ему эта затея пришлась по душе. Мы ехали по городу и качали головами в такт музыке. Было тепло и по-семейному уютно. У нас там была настоящая пацанская атмосфера. Я — за рулем, а мой важный и крутой пассажир — просто наслаждается своей крутизной. И еще бы не быть ему крутым — он ведь избил сегодня двоих старшеклассников.

Кстати. А вот и они. Опять бушуют, черти.

— Дядь Руслан, смотри — это те засранцы, которые меня мудохали сегодня.

— Нет, Рома. Это те засранцы, которых ТЫ мудохал сегодня.

Мы переглянулись и довольно улыбнулись на все зубы.

Вот только вблизи мы увидели, что те придурки снова взялись за свое — они выбрали жертву и обижали ребенка. Причем это даже не мальчик. Не равный противник — девочка. Она просто шла из школы, а они бросались в нее снежками. Целились в шапку, портфель. Фигачили по ногам. А она шла, вся съежившись. Было ее жалко.

Но как только мы подъехали вплотную, все резко изменилось.

— Дядь Руслан, я знаю эту девочку. Она из параллельного класса. Это Лиза. Дочка дяди Жоры.

— О. Дядя Жора. Мама говорила мне о нем. Так, значит, вы с ней дружите?

— Ну... — пожал он плечами. И я понял, что тут есть кое-что посерьезнее.

— Она тебе нравится?

Рома деловито прокашлялся, глядя в окно.

И ответил:

— Надо ее защитить от тех долбодятлов. Можно, я выйду и разберусь с ними?

— Не стоит. В этот раз все будет проще, Рома. Ведь они уже знают твою силу.

Я сделал музыку погромче. И опустил все стекла в машине. Мы подъехали к тем детям и замерли напротив девочки. И пары хулиганов со снежками в руках.

Просто стояли и смотрели друг на друга. Играли в гляделки. Я и Рома — пялились на старшеклассников. А они — с опаской растирали в ладонях снег, выбрасывали снаряды. Понимали, что ничего уже не выйдет.

Рома открыл заднюю дверь. И пригласил к нам Лизу.

— Лиза, привет. Хочешь, я тебя подвезу?

Девчушка была настолько рада, насколько и удивлена. Ведь Рому в такой ипостаси она еще не видела. Ее друг был спасителем. Был крутецким мальчиком. Был на машине. А еще рядом с ним был я...

— У вас тут так круто, — восхищалась Лиза. — Так тепло и красиво вообще. И музыка прикольная. Мне нравится. Я тоже такую слушаю.

Рома был доволен. Он чувствовал себя хозяином положения. Ведь смог мокнуть других парней настолько, насколько это было возможно в принципе. Он показал, кто тут главный. И точка.

— Теперь ты можешь не бояться тех козлов, — отчеканил мой скромный падаван. — Я лично с ними разберусь. А если увидишь — так и говори им. Что ты расскажешь мне. Они у меня этот снег, — говорил Рома каждое слово с особой экспрессией, — без хлеба будут есть. Я их накормлю мороженым.

Лиза рассмеялась. Рома умеет кадрить девчонок. У него талант.

— А это твой папа?

Рома опустил глаза и не нашел, что ответить. Ему так сильно не хотелось открывать ту черствую правду — что я просто посторонний человек. И все. Ведь отца у него нет и не было. Как и у меня самого в его годы.

И именно поэтому я сделал шаг навстречу.

— Приятно познакомиться, — протянул я руку этой смазливой девчушке. — Можешь называть меня дядя Руслан.

Тома

Я была приятно удивлена, когда Руслан привез домой не только сына, но и эту девочку — Жорину Лизку. Я давно уже знала, что она нравится Роме. Хотя он и не рассказывал об этом прямо, я все это видела по поведению мальчика. Которому хочется понравиться девочке. Конечно, это дочка моего старого друга, и я часто виделась с ним, даже могла спросить что-то о Лизе. Но на этом все. Дети не ходили друг к другу в гости. Разве что пару раз за все время бывало такое. Словом, мне бы хотелось, чтобы они дружили. Чтобы Лиза у нас бывала. И я бы точно не была против отпустить Ромку в гости к Жоре. Главное, чтобы Руслан не ревновал. Потому что он у меня оказался ужас каким ревнивым. И смех, и грех. Нс ревностью было пропитано каждое слово, сказанное моим ухажером в адрес Жорика, Дениса. Хотя оба остались в прошлом. Шансов на реванш не было ни у первого, ни тем более у второго.

И все же Руслан сотворил чудо. Он привез домой Ромку и Лизу. Дети держали по коробке с пиццей. И Рома хозяйски провел гостью в свою комнату. Там они ели, пили колу, дурачились, естественно. Я слышала, как сын играет на гитаре. Как показывает приемы с характерным звуком. Разбитой тарелки. Но все это время я была признательна другому человеку — Руслану. Ведь это он все организовал. Он их свел, он привез детей домой. И вот они вместе. Сын такой счастливый. И вообще он стал немного другим. Более уверенным, что ли. Было очевидно, что дядя Руслан оказывает на него положительное влияние.

Мой сын стал более дисциплинированным. Я заметила, как он возмужал. По утрам всегда делал зарядку, а Руслан все контролировал. Он перестал бояться сверстников. У него появились друзья. Ведь когда ты успешен и уважаем в школе, вокруг тебя сразу появляется толпа фанатов. Это грело мое сердце. Сын теперь уж точно не будет изгоем. Осталось только уладить вопросы с трудами. Раз уж физкультура стала любимым уроком Ромы — чего не было, наверное, никогда. А вот полено...

— Слушай, Руслан, — решила я поговорить о реально важных вещах, от которых зависело наше общее будущее. — А ты умеешь строгать?

— Строгать? — удивился он, поворачивая руль машины. Когда мы отвозили Лизу к ней домой. Поздним вечером. После того как дети вдоволь наигрались и что-то вяло обсуждали на заднем диване. — Умею ли я "строгать"? Смотря что тебе нужно построгать.

— Ну, например — бревно.

— Хм. Бревно, — чесал он подбородок. — Могу ли я строгать бревно... Это такой прикол, анекдот, что ли? Типа юмор? А то я пока не понял, в чем суть этого пранка.

— Да нет, я серьезно. Говорю об обычном бревне. Или полене. Деревянное такое. Знаешь... Тяжелое. Твердое. С сучками и занозами. Его пилят, сверлят, полируют.

— Шлифуют, ты хотела сказать, наверное.

— Ну вот видишь, ты в этом точно разбираешься лучше, чем я.

— И это не странно. Ведь ты не плотница — швея.

— Это нужно в школу Роме, — внесла я наконец-то ясность. — Нужно сдать до конца месяца, а то ему две двойки влепят.

— А почему сразу две? За несчастное полено одной, что ли, мало? Что за странная система у них в школе?

— Там просто два полена надо обработать. Одно он должен дома сделать с... — не получилось у меня сказать это с первого раза. Ведь если я скажу это, Руслан может разозлиться. Ему эта фраза может не понравиться.

— С... — повторил он мое последнее слово. — С чем?

— Не с чем, а с кем. С отцом. Ему задали обстрогать полено дома — со своим... Отцом.

Руслан опустил глаза на капот и какое-то время не подавал эмоций. Мы ехали так около минуты. Он смотрел то на дорогу, то на время. То на показания приборов. Я пожалела, что сказала. Уверена, что подай я это как-нибудь иначе — он бы не замкнулся, не стал бы ограждаться, как сейчас.

Но затем Руслан ответил. И ответ его был прост.

— Да, конечно. Запросто. Легко... Мы сможем сделать это завтра.

— Завтра? — была я поражена скоростью решения вопроса. — Что, вот прям реально завтра можно будет обстрогать?

— Да, конечно. Почему же тянуть, если две двойки светят. Кстати, а за что же вторая обещана?

— По условиям проекта, Ромин папа должен... То есть, ну, так задумано составителями школьной программы, что каждый мальчик, видимо, должен иметь отца...

— Ну... — перебил меня Руслан. — Ты не договорила. Ромин папа должен... Что он там должен? Я подменю его папу. Не вопрос.

Он это сказал, и я сразу же расцвела. Руслан сказал это в своем репертуаре. Без лишних танцев с бубнов. Просто бац — и он "подменит его папу". Как же это приятно слышать. Именно такого я ждала. Именно такого ответа.

— Руслан. Ты просто золото.

Я наклонилась и чмокнула его возле губ. Не в самые губы, но довольно близко. После этого дети немного притихли. Поглядывали то на нас, то друг на друга. Но не думаю, что я перешла здесь черту. Ничего особенного. Просто я его поцеловала. В щеку. Почти.

— Да ладно тебе. Золото... — хмыкнул Руслан, вытирая помаду на лице. — Такое уж золото прям... Если надо научить Ромку работе по дереву, чтобы он потом второе бревно сам уже в школе обстругал и отшлифовал, то так и скажи. Это несложно. Конечно, я не плотник и редко работаю с древесиной. У нас ведь, все таки, не мебельная фабрика и даже не склад пиломатериалов. Но отвезти пацана в хорошую мастерскую, где пахнет опилками и воем циркулярной пилы — это пожалуйста. Завтра сделаю. Не переживай.

— Золото, — повторила я утвердительно. — Даже не спорь.

— Ну ладно, — сияли его зубы в полумраке салона. — Как скажешь, киса. Золото так золото. Тебе виднее... Кстати, а ты любишь золото вообще?

Руслан внезапно перешел к вопросам, которые никак не касались начала нашего разговора. И касались эти вопросы меня. Моих желаний и вкусов. Неожиданно.

— Золото? Ты имеешь в виду ювелирку, что ли?

— Ага, — ответил Руслан, подъезжая к дому Жорика. — Как ты относишься к золотым украшениям? Они тебе приятны? Или ты любишь что-то другое?

— Например?

— Ну, не знаю... Платину. Белое золото. Розовое золото.

— Пф... — не выдержала я и засмеялась. — Руслан, скажи мне честно. Ты много видел у меня на пальцах платины и белого золота?

— Ну... На самом деле потому я и спрашиваю — потому что не замечал, чтобы ты хоть

что-то носила на пальцах.

— Это потому что я шью. Все эти коронки и камешки — они будут цепляться за ткань и рвать мне нитки. Потому и не ношу.

— Угу, — только и буркнул Руслан. Затем разблокировал замки, чтобы дети могли выйти на улицу. Рома пошел провожать свою девочку. А мы остались в машине.

Я какое-то время сидела молча, обдумывала слова о золоте. Вспоминала, что последнее мое золотое кольцо — это тонкая обручалка от Дениса. Она была не самой качественной, гнулась от обычной работы руками. А когда мы развелись, то я ее вообще отдала в лом. Тех денег, что я выторговала за колечко, хватило аккурат на коммуналку за два месяца. Хоть какая-то была польза от нашей женитьбы.

И тут до меня вдруг дошло...

— Черт, Руслан — ты ведь не купил мне какое-то дорожущее кольцо из белой платины и камнем сверху?!

Только этого не хватало. Ведь я тут сижу и отталкиваю любые попытки угодить мне с подарком, а тем временем Руслан просто прощупывает почву перед его вручением. Постфактум. После покупки колечка.

Но, слава богу, он этого не сделал. Ситуация не зашла так далеко. Повезло.

— Э... Нет, — ответил Руслан. — Нет. Я не покупал тебе колец. Ни золотых, ни платиновых. Пока.

— Пока? — я отвернулась к окну и тихо улыбалась. Это, конечно, приятно, но я не хочу, чтобы он тратил деньги на такие глупости. Приятные. Но все же глупости. Потому что кольцо станет только помехой в работе. Не имеет значения, из чего оно сделано и какой там камень. Если оно будет мешать мне работать...

Лучше бы он мне машинку швейную смазал. А то я все забываю сказать. Она давно уже просится в ремонт. И заедает. Режимы некоторые не работают с полгода как. Трещина на корпусе ползет. Так, глядишь, и расколется однажды во время работы. Какой-нибудь авральной ночью, когда будут сроки полыхать.

А эти кольца — к черту их. Не символизируют они любви. Они вообще ничего не символизируют, кроме потраченных денег.

— Не хочешь говорить об украшениях? — подвел черту Руслан.

— Нет, не хочу. Какой в этом смысл?

— Ну. Может, я думаю о том, какой тебе сделать подарок на новый год.

— Не нужен мне подарок. Ты и так уже сделал мне подарок. Очень много прекрасных подарков.

Я опять склонилась и поцеловала его, пока дети на улице. Пока Ромка все никак не попрощается с Лизой. И они стоят на холоде, укутавшись в шарфы. О чем-то болтают. А я сижу в теплой машине и целую мужские губы. Нагло и без маскировки.

— Мне нравится вкус твоих губ. Какой-то новый блеск?

— Ага, — облизывалась я после приятного контакта. — Ты угадал.

— Это же вишня, правильно?

— Точно — вишня...

— Вот и пообщались, — иронизировал Руслан над темами наших разговоров.

— Расскажи мне, как прошла неделя. Хочу послушать.

— Как прошла неделя? — выдохнул Руслан и облокотился на большой, обшитый кожей руль. — Неделя прошла считай что в мыле. Очень много дел.хлопот... Был инцидент с

одним махинатором.

— Махинатором?

— Ага. Заказ поступил на ухудшение качества нефти.

— А в чем же смысл? Кому надо ухудшать качество нефти? Она ведь и так сперва грязная идет. Ее потом чистить ведь надо. Ты сам мне это рассказывал.

— Ну да, все верно. Но есть ведь такие кадры, которые жить не могут без фальсификата. Их вон хлебом не корми — дай только бабла срубить на тендерах. Короче, заставляли меня чуть ли не за маму родную снизить качество топлива, не выходя за рамки стандарта. Чтобы я через центрифугу добавил в мазут обычной воды.

— Воды?

— Да. Такое возможно сделать. Ведь изначально вся нефть и мазут — они уже имеют примесь воды. Только есть ограничение. Верхний порог, сколько ее может быть в одной тонне жидкого вещества.

— И что?

— Ну, ребята хотели сделать так — чтобы я взял свою нефть, а она у меня качественная, почти что без водных примесей, сухая, короче — и чтобы нефтебаза довела уровень влаги до верхнего порога. То есть, мы искусственно увеличиваем вес поставки, берем бабло как за качественную нефть. А затем это бабло мы пилим. Часть я забираю себе, а часть отдаю им.

— Вот это схема, слушай. Даже не подумала бы, что такое бывает.

— Ага, — кивал Руслан. — Бывает. Еще как бывает. Но я отказался. А то ведь те ребята мошенники.

— И я с тобой согласна. Ты все правильно сделал. Молодец. Не надо впутываться в эти игры. А то они тебя подставить могут. Репутацию угробят.

— Точно, малая. Ты права, — погладил меня Руслан по ладони. — Мне нравится, что ты мыслишь в правильном направлении. А то ведь гнаться за каждой копеечкой... Те пацаны весь бизнес построили на госзакупках и тендерах. Зарабатывают на откатах. Мутное болото, в общем. Это не для меня. Не люблю такого. Не люблю мутить.

— Они ведь наживутся, а тебя еще крайним сделают. Все на тебя спихнут. Сами же сухими из воды выйдут.

— Конечно. Там же мафия. Все друг друга покрывают. Поэтому и ищут новых людей, чтобы систему заполнить новыми козлами отпущения. Вместо себя... — Я сидела и слушала. Люблю, когда он такой — весь в своем стиле. Настоящий серьезный директор нефтебазы. А я лишь поддакиваю и соглашаюсь. Приятно находиться рядом, но знать, что он делает все правильно. А не ведет себя словно большой ребенок. И ищет совета у мамки. Не хочу быть мамкой. — Да и бизнес ведь так не построишь. Надо смотреть в будущее. У меня ж не компания-однодневка, елы-палы. Сегодня одному так сделал, а завтра еще один придет, начнет тебе угрожать уже, пушкой в лицо тыкать. — Руслан посмотрел на меня и решил, что говорит излишне много. — Ладно, уморил я тебя своими разговорами. Понимаю, что тебе неинтересно. Все эти шутки про бизнес и технические подробности. Извини.

— Да нет. Ты неправ. Зря ты так говоришь. Потому что мне приятно тебя слушать. Знаешь, — признавалась я в сокровенном, — мне абсолютно все равно, что ты будешь мне рассказывать. Мне просто приятно слушать тембр голоса. Твоего голоса, Руслан. Обычно мне только Ромка что-то рассказывал раньше. Но в последнее время мне с ним стало сложно. Он растет. Становится мужчиной. Вон, смотри, уже минут двадцать стоит на морозе и никак не может расстаться со своей Лизой. Это же надо такое — как она ему нравится...

— Ладно. Включу-ка магнитоу.

Руслан решил разбавить атмосферу и включил немного музыки. Это была песня, которую я слышала раньше. И она у меня вызвала яркие эмоции.

— О боже! — подскочила я в кресле. — Это что, рэп нулевых?!

Но Руслан растолковал по-своему. Сразу же выключил. Но почему?

— Все понятно... — вздохнул он тяжело. — Вот уж семейка. Яблоко от яблони.

Но я вот этого прикола не поняла.

— Почему ты вырубил? Включи. Я так давно подобного не слушала.

Руслан неохотно нажал на кнопку. Начал понемногу выкручивать громкость на плюсики.

— Тебе нравится?

Я рассмеялась. Честно.

— Шутишь? Да я в старших классах была помешана на таком. Я была одна из тех девчонок, которые ходили в безразмерных худи, белых кроссовках и танцевали верхний брейк на переменах. Как раз вот под такие треки.

Руслана эта информация порадовала. Он мечтательно откинулся на спинку кресла и осмотрел меня с ног до головы. Как будто представляя это тело в юности. Когда оно еще могло передвигаться без колес.

— Хм... Мне бы такая девчонка точно понравилась. Уверен, что учись я с тобой в одной школе — я бы к тебе обязательно подкатил.

— Звучит романтично, — призналась я и тоже окунулась в грезы. Думалось о том, как бы все могло сложиться, если бы мы встретились раньше. Намного раньше. Еще до того, как я сошлась с Денисом.

Но затем мечты разрезали слова Руслана.

— А вот малому твоему эта песня не понравилась. От слова совсем.

— Не понравилась? Вы с ним музыку обсуждали?

— Ага. Рома сказал, что это лажа.

— Боже... — смеялась я от души, представляя их дискуссию.

— Заявил, что рэп — он для старперов. Вроде меня.

— Господи, Руслан. Это так мило... Могу себе только представить, как вы об этом беседовали. — Я была готова благодарить его за общение с сыном до конца своих дней. Просто лучший подарок для матери-одиночки вроде меня. — Знаешь, ты вот меня спрашивал, чего бы мне хотелось. Ну... если не золота и сережек.

— Ну...

— Ты можешь, конечно, смеяться, — сделала я паузу, наблюдая, как Рома целует Лизу в щечку. На прощание. И она отвечает ему тем же. — Порой мне не хватает экстрима.

— Экстрима? — удивился Руслан не на шутку.

— Ага, — посмотрела я на него. — Чего-то бешеного.

— Например...

— Вроде прыжка с парашютом. — Я это сказала, и самой сразу стало стыдно. И смешно. — Ладно. Извини. Я просто глупости говорю. Это нелепо.

Попыталась выбить это из головы и сделать вид, будто ничего такого не говорила. Рома сейчас сядет в машину, и я не хочу в его присутствии говорить такие детские вещи.

Но Руслану эти вещи не показались глупыми.

— Знаю, я тебе не говорил. Но я ведь прыгал с парашютом.

Я вытерла слезинку, скатившуюся по щеке от напряжения. И с удивлением

переспросила:

— Что? Ты это серьезно? Ты прыгал с парашютом?

— Да. Я ведь был в десанте. ВДВ. Ну, когда в армии служил. Ты поняла... Короче, в плане прыжков с парашютом у меня полный порядок. Я в этом опытен. Много налетал. Много раз спускался под куполом. Так что... Знаем — летали.

— О боже... — смеялась я нервным смехом. — Господи, Руслан Николаевич. Вы меня по-прежнему поражаете. Как вам это удается?

— Ну... — пожал он плечами. — Наверное, Тома, вы просто слишком впечатлительная дама. Или же просто льстите мне. А я не понимаю лести.

— Нет, я серьезно. Какие это ощущения? Расскажи мне, пожалуйста. Мне очень интересно. Ведь я понимаю, что никогда этого не почувствую. Для таких, как я, это уже закрытый вопрос. На борт меня не пустят. Это уже не выйдет никогда. А жаль. Мне бы хотелось. Я всегда мечтала, что вырасту, стану совершеннолетней — и тогда как надену парашют. И как прыгну... — задумалась я о детских мечтах. — Прямо в свадебном платье.

— Что?

Я поняла, что сказала лишнее.

— Да так. Ничего.

— Ты хотела прыгнуть в свадебном платье?

— Э... Ладно, проехали. Это просто шалость. Я была наивна и глупа.

— Хотела так отпраздновать замужество?

— Да, — призналась я и посмеялась над своими тараканами в голове. — У меня была картинка в голове — что мы с Денисом прыгнем вместе с парашютами. И пока будем лететь навстречу смерти. Мчаться навстречу твердой земле... Он сделает мне предложение. Мы поцелуемся в полете... А затем я уже мечтала хоть о том, что мы сделаем это на свадьбу. В день бракосочетания. Одевшись в костюмы жениха и невесты, ведь... — перекладывала я пыльные слайды у себя в архивах памяти. — Ведь ответить ему "да" в процессе свободного падения уже не вышло.

— Как же он сделал тебе предложение? Если не в небе?

— Ну, он... — рассмеялась я с иронией. — Этот разговор звучал примерно так: "Дорогой, мне кажется, я залетела". А он мне ответил — "Черт... Придется теперь жениться".

— Ого.

— Да. Вот такая вот романтика. Не совсем то, о чем я мечтала. Не о таком предложении руки и сердца.

— Ну а почему-же не прыгнули на свадьбу? Из-за беременности, что ли? Ты побоялась, что можешь нарушить беременность? Опасно для ребенка, наверное.

— Нет, Руслан. Нет. Твоя логика — она правильна. Ты меня приятно удивляешь. Но... На самом деле мой Денис — он струсил. Он сказал, что до чертиков боится высоты. И никогда не сядет в самолет. Тем более для прыжка с парашютом. Вот такое он ссыкло... А вот ты не ссыкло. Ни разу. И потому я от тебя балдею.

Руслан отвез нас с Ромой домой, а сам отправился к себе. В свой красивый загородный дом, который я видела только на фото. Он сам мне показывал. И иногда, перед сном, поздно ночью я думала о том, что могла бы там жить. Что я и сын — мы могли бы там зажить совершенно новой жизнью. А многие вещи, к которым мы привыкли, окажутся не более чем пережитком не самых лучших обстоятельств. Нищета. Нехватка денег. Привычка экономить

и откладывать на черный день. Привычка жить чувством страха, что будущего нет. И все может провалиться к чертям уже завтра.

Но все это было до Руслана. С тех пор как мы с ним познакомились, я начала мыслить иначе. Это он меня заставил измениться. Он уверил меня, что есть и другая жизнь. С другим человеком. И он не будет мне делать больно, как делал Денис. Не бросит, не обидит. Не станет думать только о себе. И это окрыляло.

— Ну как там подготовка к новогоднему балу? — ущипнула я Рому за бок, когда он проходил мимо меня с румянцем на щеках. Все не мог развидеть свою Лизу. — Уже решил, кого пригласишь на вечеринку в честь нового года? У вас ведь будет в школе дискотека?

Я схватила Рому и повалила к себе на колени. Как часто делала в детстве — когда он был еще совсем ребенком. Валила на каталку и щекотала сына до слез. И хотя он отбивался в этот раз, так просто я его не отпущу. Пускай рассказывает, колется для мамы.

— Ну мам! Отпусти!

— Нет! Колись давай — уже уговорил самую красивую девочку в школе пойти с тобой на бал?!

— Да ладно тебе — это фантастика. Ты правда думаешь, что Лиза согласится? Мне кажется, что это будет просто чудо тогда. У нее ведь такой огромный выбор. Есть куча пацанов покруче. Тем более мы в разных классах.

— Ничего, Роман. Под новый год случаются чудеса. Бывает и такое.

— Ну... — пожал он плечами, — тогда возможно.

— Что возможно? — допрашивала я пленного мальчика, щекоча его пальцами под шею.

— Мам, мне щекотно!

— Говори...

— Возможно, что я приглашу на вечеринку Лизу. И мы с ней будем танцевать.

— А ты умеешь танцевать?

— Нет, не особо. Если честно.

— Разве дядя Руслан тебя не научил, как танцевать классический вальс?

— Нет, дядя Руслан не по этой части. Он меня приемам научил. И как использовать их против гопников на улице. А вот по танцам он не очень. Говорит, что деревянный.

— Кстати, про дерево, — вспомнила я вдруг о том дурацком бревне, — завтра дядя Руслан поможет тебе обработать полено и сделает заготовку в школу.

— О, класс! Это круто, а то трудовик уже достал меня напоминаниями.

— Как будто уже все остальные сдали свои заготовки.

— Ну, уже многие сдали. А половине класса Пашка сделал за блок сникерсов.

— Ничего, Рома, — гладила я сына по влажному лбу. — Я уверена, что твоя заготовка будет лучше, чем у Пашки.

— У него же папа плотник. Ты забыла, мам.

— Я ничего не забыла, сын. Может, у него и папа плотник. Но зато у тебя — дядя Руслан. А он намного лучше любого плотника. Он лучше всех плотников вместе взятых. Я уверена. У вас с ним завтра все получится. Хотя бы сделаешь для мамы фото той коряги — посмотрю, как она должна потом выглядеть для школы.

— Хорошо.

— Ну, — подняла я Рому на ноги и взяла его за ладони, — а теперь давай мы потанцуем с тобой!

— Что?! — удивился Рома. — Зачем?! Нет!

— Да! — прижимала я сына к себе и делала вид, будто он ведет, а я кружу с ним под музыку вальса. — Тебе нужно привыкнуть к тому, что ты ведешь — я должна чувствовать уверенность в твоих движениях!

Я была в ударе.

После еще одного вечера в компании Руслана я была готова плясать и кружить, как будто ноги — они здесь вовсе ни при чем. И вообще я без них могу порхать, как бабочка. Были бы рядом правильные руки...

— Mam, ну что ты делаешь?! — смеялся Рома. — Тебе же сложно вращать колеса одной рукой!

— Брось, у твоей матери сильные руки! Сейчас все внимание приковано к тебе, не уваливай!

— Ты что, и правда хочешь танцевать?! В такое время?! Прямо сейчас?! Откуда у тебя силы?!

— Хватит того, что мой сын бревна не умеет сверлить, так еще и танцевать на научила! Может, отца у тебя и нет, чтобы скворечники клепать, но мать у тебя еще осталась! По крайней мере, ее верхняя половина! Давай, — подталкивала я Рому, — делай реверанс! Давай-давай-давай!

— Вот так?! — сделал он движение, как будто в настоящем танце.

И мы рассмеялись.

— Молодец!

Мы стали хохотать, как будто не было проблем вокруг. Как будто все эти испытания — их просто не было. Они закончились. И дальше ожидает праздник. Просто красивый, долгожданный финал наших общих страданий. Какая же приятная и сладкая иллюзия. Так хочется уснуть в этом мягком облачке и проспать до самой весны.

— Ха-ха-ха... — сползал мой сын по стенке, вытирая слезы смеха на щеках. Но все равно он возвращался к более серьезному и сдержанному стилю поведения. Который он выработал в последнее время. Особенно с появлением в нашей жизни взрослого мужчины. — Скажи, тебе нравится дядя Руслан?

Его вопрос был неожиданным. Для меня это стало сюрпризом — что Рома думает о таких вещах. С чего это вдруг спрашивать у матери такие вещи? Неужели он видит со стороны то, что я чувствую на самом деле?

— Забавно, что ты спросил, сынок. А почему ты это говоришь?

— Мне кажется, что ты ему небезразлична. И он на тебе женится.

— Хах... — вырвался смешок. Я засмушалась. Опустила взгляд и стала говорить невнятно, словно мысли вслух: — Да брось. Такие, как он, никогда не выберут такую, как я. Такие мужчины не смотрят в мою сторону.

— А дядя Руслан — смотрит. Я видел, как он смотрит на тебя. Может, я еще и недостаточно взрослый, чтобы судить о таком. Но он всегда за тобой наблюдает, когда ты не видишь. Когда ты отвернута, чем-то занята, — говорил мне Рома простые слова, а я едва держалась, чтобы не разреветься. Настолько сильный отклик находили эти замечания ребенка. — Когда ты что-то шьешь или просто говоришь по телефону и не знаешь, что он стоит в дверях и смотрит на тебя... — Рома подошел поближе и взял меня за плечо, как совсем уже большой. — Я ведь тоже так делаю. Я тоже так смотрю — на Лизу. Поэтому и задумался. — Я не удержалась и выронила слезку. Сразу же вытерла, но сын успел ее заметить. — Ладно, извини. Наверное, мне не стоило тебе говорить об этом. Я тебя

расстроил. Извини, мам.

Рома приобнял меня и отправился к себе. В свою комнату. Было уже поздно. Ему завтра в школу. Рано вставать. А я тут вовсе разнюнилась. Только смущаю ребенка.

И все же я сказала это вслед. Не смогла удержаться, чтобы не отметить очевидного.

— Знаешь, Рома. Ты прав. — Он остановился и посмотрел на меня. Не понял сразу, с чем я говорю. — Ты еще недостаточно взрослый. И не понимаешь, что одно дело просто смотреть. И совсем другое — жертвовать всем, что у тебя есть. Ради любимого человека... Твой отец на меня тоже смотрел. Но чудес не бывает. — Я вытерла лицо, высморкала нос. И пожелала сыну спокойной ночи. — Ступай. Тебе давно уже пора в кровать.

Но Рома не оставил меня наедине с собой и сказал одну важную, совсем недетскую вещь:

— Но ведь ты сама говорила, что под новый год все возможно. Даже чудо... Если Лиза согласится пойти со мной на танцевальный бал, то и дядя Руслан может сделать кое-что большее, чем просто смотреть и молчать, пока ты не видишь.

Я улыбнулась и подкатила к Роме. Протянула руки, чтобы обнять его еще раз.

— Прости меня. Прости.

— За что?

— Все же ты вырос, Рома. Ты уже взрослый. Это чувствуется. И нам обоим надо быть сильными, чтобы выжить. На чудо надейся, а сам не плошай.

Тома

Руслан обещал решить проблему с теми дурацкими бревнами — и он ее решил. Причем сделал это даже лучше, чем я могла себе представить. Он не просто отдал две кривые коряги в мастерскую, где из них сделали пару аккуратных поленьев. Нет. Наш чудесный друг семьи взял с собой Рому, и они поехали в ту самую мастерскую вместе. Взяли с собой и меня, но я возле мальчиков была лишь в качестве наблюдателя. Это они там все решали, Руслан показывал Роме инструменты, они переоделись — надели на себя халаты, примерили защитные очки, натянули на руки крепкие перчатки. Я же осталась в зоне ожидания и с наслаждением смотрела, как мой ребенок очень быстро взрослеет. Как он уверенно становится мужчиной, а опытный наставник рядом — дарит мне такие ценные, такие долгожданные минуты покоя. Когда все идет своим чередом, а я не виню себя, что не могу дать сыну частичку мужества, частичку грубой физической работы, частичку отцовства. А вот Руслан эту частичку обеспечивал с лихвой.

— А мы тут никому не будем мешать? — решила я выяснить права, на которых мы здесь находимся. Особенно я. — Может, мне лучше снаружи подождать?

— Тома, это коворкинг. То есть мастерская под аренду. Я арендовал этот зал на час — нам этого времени должно хватить, чтобы превратить эту тыкву в ровенькую карету. А если времени не хватит и нам захочется обработать еще пару-тройку поленьев — я продолжу аренду еще на несколько часов. Хоть и на целый рабочий день. Владелец коворкинга — мой старый друг. Так что никаких ограничений, — успокоил меня Руслан и надежно закрепил бревно в зажимах станка. — Вот видишь, Рома. Эти коронки врезаются в древесину и предотвращают ее прокручивание. Сейчас мы запустим барабан — и ты сможешь выбрать лезвие, подставить его сюда и снять немного рыхлой коры. А затем мы выберем что-то другое и уже начнем снимать более плотные слои...

— Угу, — кивал мой сын. — Понятно. Я возьму вот это лезвие? Подходит?

— Да, хороший выбор. Оно тебе как раз по размеру будет.

— Ну хорошо, включайте. Я попробую.

Я переживала, чтобы Рома случаем не покалечился. Было так страшно, что он порежет палец или просто испугается. Переживала, что Руслан будет излишне требователен, груб. Что он не станет цацкаться с ребенком. Ведь командовать он умеет. Это факт. Раздавать указания, следить за их неукоснительным выполнением. Вот только у него в подчинении — взрослые и опытные люди, которые являются наемными работниками. Там другие навыки, другие требования.

Но очень скоро я поняла, насколько сильно ошибалась. Все мои опасения были напрасны.

— Молодец, пацан. У тебя отлично получается.

— Круто... — радовался Рома своим маленьким успехам. — Лезвие такое острое, кору так легко снимать. У нас в школе все такое тупое. С зазубринами. Такое чувство, что их специально тупят, чтобы мы побольше мучились.

— Тут все заточено. Сервис совершенно другой... Хорошо, а теперь мы берем вот эту стамеску и начинаем брать немного фаски с этой стороны.

— А почему именно с этой?

— Потому что здесь сплошное полотно, а с этой стороны — сучок. Этот сучок растет в эту сторону, значит, подбираться к нему надо с противоположной. Вот так...

Руслан показал, как надо снимать лишнее дерево. И передал инструмент своему ученику. И Рома сразу же поймал волну.

— О, по ходу, получается... Крутяк. Я теперь буду самым опытным из класса.

— В школе ты легко все сможешь повторить, даже на старом станке. Там будет все то же самое. Только коронка, может, тупее. Ну и само лезвие для обработки не забудь на перемене хорошенько наточить. Используй для этого широкий напильник. И не забудь надеть рукавицы, чтобы защитить ладони... Я тебе куплю сегодня две пары. А то вдруг порвутся.

Как же приятно было смотреть на их спины. Спина побольше, с широкими плечами, толстой шеей, сильными руками. И спина поменьше — совсем еще худенькая, низкорослая. Но моя, родная. Впрочем, мне уже казалось, что они оба для меня родные. И Рома, и Руслан. Только сейчас отметила, что у них даже имена начинаются на одну и ту же букву. Порой начинало казаться, что они даже сами между собой похожи. Какие-то повадки, отдельные слова и мимика, жесты.

То ли я сама себе придумала, самонавеивание. То ли это естественно, ведь они оба мужики. И с возрастом такие сходства все чаще выходят наружу. А может, Рома просто перенимал модель поведения у Руслана. Если все же последнее, то я этому сказочно рада. Сама я подать ему хороший пример не могу, я не тот человек, который может заменить отца. А Денис — его вообще нет. Его не существует. Он уже давно нереален. Как будто привидение из прошлой жизни. Мы с ним уже никогда не увидимся, это очевидно. Никогда и ни при каких обстоятельствах.

— Мальчики, а можно я немного прогуляюсь?! А то здесь шумно, да и пыль стоит в воздухе!

Руслан снял с лица респиратор — точно такой же был на Роме.

— Да, конечно. Я увлекся, извини. Ты можешь заглянуть в соседний зал. Тут, мне кажется, есть и швейный цех.

— Серьезно?

— Да, конечно. Любой желающий может прийти со своей тканью, выкройками и воспользоваться техникой кворкинга. За вменяемые деньги. Можешь глянуть, вдруг тебе понравится. Будем сюда приезжать по необходимости... — Он опять вернулся к дереву и стал показывать Роме, как надо дальше поступать с упрямым пеньком. — Раз уж это лезвие сломалось, нам надо что-то посерьезнее. Порода дерева оказалась не из мягких.

— А мне теперь за это ничего не будет?

— Не переживай. Я оплачу... Вот это давай попробуем.

Оставив мальчиков одних, я стала изучать кворкинг. Заглядывала то в один зал, то в другой. В первом была мастерская для работы со сталью, как я поняла. Потому что здесь стучали молотки, выла пила по металлу, трещала сварка. Дальше было помещение с запасами материалов. Тут было холодно, стояли платформы с досками, металлопрокатом, какими-то станками, обмотанными толстым слоем полиэтилена.

А вот когда я открыла третью дверь, то увидела там швейный цех. Он был пустой. То ли не пользовался спросом, то ли время неподходящее просто. Ну или так совпало, что никого не было. Я заехала в помещение, окинула взглядом знакомые вещи. Раскройный стол. Такой же, как у меня дома, только побольше. Впрочем, какие "побольше" — он огромен. Удобно,

когда у тебя такая площадь для раскройки... Хорошие ножницы, целый набор всевозможных размеров. Стеллаж с нитками, пряжей. Много качественных иголок. Все брендовое. Сложено по размерам. Кругом чистота и порядок. Видать, сегодня тут еще никто не мусорил.

Дальше я оценила рабочие столы с машинками. Оверлоки есть. Была даже примерочная. Можно пошить себе одежду и сразу примерить, пока еще только наживлено. Подправить размеры. Классно, в общем. Манекены есть.

Все прекрасно продумано. Видно, что опытный человек планировал рабочую зону. Что ж, пока никто не видит, я могу хоть пальцем потрогать их оборудование.

Я подкатила к столу, отодвинула стул на колесиках. Включила питание кнопкой. На машинке засветился экран. Какая же она крутая — эта моделька. Я таких еще не видела в живую. Самое последнее поколение, судя по всему. Свежайшая модель. Белая. Дизайн прогрессивный, лаконичный. Можно зайти в меню и видеть все режимы. А их ведь так много, оказывается... Ничего себе.

Убедившись, что я одна в помещении — включила самый простецкий режим и решила послушать, как она работает. Взяла кусочек ткани, сложила вдвое и прострочила для галочки. Выполнила чисто символически пару задач, чтобы убедиться — разница есть. Если уж говорить начистоту. Если сравнивать мою домашнюю старушку и это чудо техники, то...

— Как тебе условия? — окликнул Руслан, стоя в дверях швейного цеха. — Посмотрела на машинки? Хорошие? Лучше, чем твоя домашняя?

— Словно небо и земля, — ответила я в растерянности. — Конечно, я не жалею, но разница огромна. Должна признаться, что оснащение в этом центре очень приличное.

— Да, Семен хорошенько вложил в оборудование. Сделал капитальный ремонт здания. Раньше это была фабрика. Типичная советская заброшка, которую хотели снести. Но он тут все поставил на ноги, закупил оснащение.

— Огромные деньги, наверное.

— Немалые. Не спорю. Но это же лизинг. Пройдет каких-то лет пять — и все это спишется на амортизацию. Надо постоянно обновлять свой парк оборудования. Не понаслышке знаю. Тоже постоянно инвестирую в железо.

— А я свое железо уже давно не меняла.

— Насколько давно?

— Ну... — стала я вспоминать, каких усилий мне стоило купить мою электрическую машинку. Привезенную контрабандой из Японии. Почти новую. Вернее, продавец из интернета уверял, что ею не пользовались — только на витрине стояла. Правда, оригинальной коробки не было. "Куда-то подевалась". — Ромке тогда еще и года не было. Как я взяла себя за одно место и начала шить. Нужны были деньги.

— Это ж десять лет уже прошло.

— Десять лет, — повторила я, как будто во сне. — Сейчас вот оглядываюсь и даже не верится. Как быстро время летит. Хотя... — стала я трясти головой, чтобы выбросить из головы дурные воспоминания. — На самом деле я не жалею, что все осталось в прошлом. Мы тогда очень сильно бедовали. А шить я так умела, как летать на вертолете. Просто посмотрела пару роликов в интернете, как ты — перед тем как делать мне массаж парализованных ног.

— Но ведь массаж получился хороший? — подошел он ко мне и наклонился, чтобы поцеловать за ушком. — Тебе ведь понравилось?

— Что ты делаешь? — уворачивалась я от острых ощущений. — Мне щекотно, ты

заставляешь меня извиваться...

— А потом были еще массажи. Другие. Более умелые. С углубленным воздействием на мышцы бедер. И таза.

— Хватит говорить такое — пошляк!

В дверном проеме возник сияющий Рома. У него в руках была полностью обструганная заготовка — теперь это дерево выглядело благородно.

— Смотри, мам — круто же?!

— Не может быть. Вы шутите — это и есть та самая коряга?

Руслан подошел к моему сынишке и обнял его за плечо. Прижал к себе, как будто это кровь. А не чужой ребенок.

— Рома молодец. Он очень старался. Снял много коры и сучков. Хорошенько центрировал. Убрал фаску. И вообще...

— Сломал всего одну стамеску, — добавил сын. — Но дядя Руслан сказал, что это не страшно. И он все оплатит.

— Конечно, Рома. Можешь ни в чем себе не отказывать. Ломай — я плачу. Главное, в школе не повторяй этой ошибки. А то ведь трудовик не такой хороший педагог, как я. Наверняка у вас там одно лезвие на три класса.

После коворкинга мы отправились отметить победу в кафе. Там приятно пахло, все было стилизовано под Дикий Запад. Ковбойские штуки — седла и шляпы. Муляжи револьверов, с которыми можно сфотографироваться для аватарки. Роме там очень понравилось. Они созвонились с Лизой, поели блинчиков с салатом и вскоре покинули нас с Русланом.

— Как же быстро он взрослеет, — проводила я сына жалобным взглядом. — Вроде этого и хотела, но так непривычно смотреть, как он становится самостоятельным.

— Но ведь это хорошо, — переключивал Руслан кусочек пиццы мне на тарелку. Ухаживал как мог. Даже в таких мелочах. Хоть я и не просила. — Ты ведь не хочешь, чтобы он держался за мамину юбку, принимая важные решения?

— Нет, конечно. Нет. Что ты. Я рада. Просто... Непривычно. Знаешь, мне кажется, что это ты на него так повлиял. Рядом с тобой мой сын ощущает себя более взрослым. Он чувствует уверенность. Потому что знает — если что, дядя Руслан ему подскажет, поправит. Даст совет.

— А мне вот кажется, что это ты его таким воспитала.

— Думаешь, что это все моя заслуга? — удивлялась я, откусывая от горячей пиццы. Она так чудесно пахла дровяной печью, свежезапеченным грибами и... Сыр. Он был горячий и тянулся над тарелкой. — Ха-ха-ха... — смеялась я, пережевывая пищу. — Я просто свинья.

— Ты не свинья. — Руслан взял белоснежную салфетку и вытер мой испачканный подбородок. — Ты прекрасная мать. Ты верная, хотя и не совсем состоявшаяся жена, — говорил он так легко и непринужденно, что я забыла есть. Перестала чавкать и просто слушала. Ловила каждое сказанное слово. — А еще ты очень красивая и сексуальная женщина.

На какое-то мгновение я погрузилась в себя. Молчала, вяло пережевывая пиццу. Но потом решила задать этот дурацкий риторический вопрос:

— Ты правда так считаешь?

Руслан взял меня за подбородок. Немного повертел им, как будто осматривая.

И ответил в собственном стиле:

— У тебя немного соуса осталось.

— Где?

— На лице.

— Вот тут? Под носом?

— Нет, — ответил он, склонился ко мне и уточнил: — Вот здесь, возле губ.

Мы поцеловались.

Он держал меня за подбородок и целовал на людях. Но я не сопротивлялась. Даже и не думала. Это было лучше всех массажей вместе взятых. Было лучше тех денег, которые решили мои материальные проблемы. Было лучше тех мгновений, когда он брал меня на руки и нес куда-то вдаль. Пока я безвольно вишу, обняв его за плечи.

Впрочем — нет. На руках я тоже очень любила. Было в этом нечто особенное. Чего не повторить. Не перебить. Не превзойти. Его руки — это отдельно. Нечто особенное. Быть у него на руках — словно быть на небесах. И я никогда не забуду, как это случилось в первый раз. Когда он взял меня на руки против моей воли. И поднял по ступенькам, чтобы я не замерзла промозглым ноябрьским днем.

Похоже, я его люблю. По-настоящему.

Руслан

Я заметил, как сильно Томе хотелось новую швейную машинку. Как у нее горели глаза и дрожали руки при контакте с нормальным современным оборудованием в коворкинге. Ну а когда стало известно, что домашней технике уже сто лет в обед исполнится, я четко осознал — надо решить проблему. Поэтому узнал у Семена модель, выяснил, по каким каналам он покупает эти машинки для шитья. И просто заказал одну из них — с доставкой на дом.

Сам я в них не разбираюсь. Поэтому участвовать в установке и настройке не стал. Да и доставить такую махину на пятый этаж — пускай и на лифте — это не каждые руки сумеют. Еще ударю ее где-то ненароком, гарантия слетит.

— Алло, — поднял я трубку, когда позвонила Тома. — Да, малыш. Как ты там?

— Руслан! Мне только что доставили швейный комбайн!

Она это не сказала. Не произнесла нормальным тоном. Она это сообщение просто прокричала — проорала в трубку. И я засиял. Потому что по голосу было понятно — угодил с подарком.

— Ты довольна, киса? Все подходит?

— Ты сумасшедший, Когут, что ли?! Да тут ведь все, о чем только можно мечтать — и скрытая строчка, зигзаги, оверлок, эластичная для трикотажа! Все автоматизировано! Есть для пуговиц, а есть для змеек! Тут целых четыреста швейных операций! Такие машины поставляют на швейные фабрики для профессионального использования!

— Но ты ведь у меня профессионал. Я знаю, — нахваливал я свою девочку, рассекая по городу на машине. — Сразу и подумал, что если уж обновляться, то под завязку. Ты точно заценишь.

— Я заценила! — визжала Тома, потому что все никак не могла отойти от шока. — Руслан, эта система стоит огромных денег!

— Мне их не жалко. Для тебя — не жалко. Главное, чтобы техника радовала. И чтобы твои руки меньше уставали... Любишь шить, не можешь сидеть без дела — хорошо. Я это уважаю. Но не вижу смысла использовать рухлядь, которой столько лет, сколько твоему сыну. Выброси старую машинку, окажи мне одолжение.

— Нет, ну что ты...

— Вы-брось, — повторил я по слогам. — Поставь ее на балкон. Скажи Роме, чтобы вынес — она не тяжелая. Он с этим справится. А я приеду и заберу этот мусор. Не хочу, чтобы это захламляло дом. Хорошо?

— Хорошо.

— Ну так как — отпразднуем пополнение в парке? Может, мне что-то купить нам на ужин?

— Отличная идея — давай я приготовлю что-то особенное!

— Например?

— Мясной пирог.

— О, мне нравится. Мясной пирог. Шикарно звучит. Отлично. А с меня тогда выпивка. Что-то такое, что идеально подойдет к мясному пирогу. А Роме — колу?

— Можно сока взять.

— Ему взять как обычно — апельсиновый?

— Он больше любит мультифрукт.

— Да, — согласился я с ходу, — я его и имею в виду. Мультифрукт. Он просто похож на апельсиновый. Приеду в пять. Пораньше не получится — сегодня надо принять партию дизеля, они задерживаются. На таможне что-то накосячили. Долго не могли проехать. Теперь все стало впритык. До завтра не дотянет.

— Ничего, я подгадаю так, чтобы пирог был как раз к твоему приезду. И салат приготовлю. Хочешь оливье?

— О... — стал я представлять свой любимейший оливье. — А разве так можно? Я думал, что оливье — он только на новый год.

— Ну так ведь скоро новый год. Разве не ты сам подарил мне новогодний подарок раньше времени?

— О, малышка. Это еще не главный подарок. Это только разминочка.

— Господи, Руслан Николаевич. Вы меня нешуточно пугаете. Очень интригует. Я просто вся изнемогаю от любопытства.

— Очень-очень? — фантазировал я. — Насколько сильно?

— Настолько сильно, что не могу дожидаться, пока вы сделаете мне массаж коленей.

— О... — Ее слова пробудили во мне зверя. — Да. Это как раз то, что я хотел услышать. Шикарно. Вечером будет пирог. Будет к пирогу. И будет массаж. Я буду с нетерпением ждать. Хоть бы дожить до ужина.

Мы попрощались, послав друг другу поцелуи. Я занялся делами, половину дня провел на выезде из города, чтобы проверить цистерны до того, как они заедут к нам на нефтебазу. Затем еще полдня возился с документами, потому что в этот раз наш поставщик не соизволил нормально оформить накладные. Да и технические документы были не в порядке. Короче, денек был не из легких. Я устал, прилично вымотался. Забыл пообедать. И в итоге не успел все уладить к четырем часам — оставил разгребать Петровича, а сам уехал к Томе.

Наконец-то.

Должен сказать, это странные ощущения — когда ты спешишь куда-то после работы. Обычно я жил этой работой. Я находился на объекте до самой ночи. Уезжал уже тогда, когда обычные операторы и даже дворники ужинали с женами и детьми у себя дома. Мне казалось, что я делаю все правильно. Что именно так и должен себя вести настоящий директор. Настоящий руководитель компании. Посвящать все свои силы и время бизнесу.

Теперь я понимаю, что был неправ. И был неправ даже тогда, когда не понял поступка бывшего владельца. Ведь учредитель фирмы продал мне вполне успешную точку, хотя мог жить ее оборотом долгие годы. Как и я впоследствии. Я тогда еще подумал — насколько же мне повезло, что человеку "безразличен" успех. Поступок показался странным. Нелогичным. Нелепым. Глупым. А теперь я понимаю, что глупым и нелогичным был я сам. Когда смыслом существования сделал работу.

По иронии судьбы, я виделся на днях с тем самым бывшим владельцем. Мы с ним встретились краем глаза, даже не пожали рук — просто подмигнули друг другу. Он был в окружении семьи. Под руку с женой. А рядом — двое сыновей. Им ровно столько, сколько и моему пути начальника нефтебазы. Другими словами, человек отошел от дел и зажил нормальной человеческой жизнью. Завел семью, стал уделять свободное время детям, супруге. Самой жизни. Просто кайфовал.

Думаю, именно поэтому он одобрительно улыбнулся, когда увидел возле меня Рому. Он выразил солидарность при виде атрибутов настоящего успеха мужчины. Не дорогой машины,

не золотых часов и даже не высокого финансового рейтинга компании. Он просто заметил, как я треплю детские волосы и обнимаю Рому за плечо. Этого полностью хватило, чтобы мой предшественник поднял большой палец вверх и мысленно произнес: "Уважаю, мужик. Вот это реальный успех. Так держать".

Поставив себе цель не опаздывать на семейный праздник, я поспешил на ужин. Заехал по пути в супермаркет. Купил там симпатичный торт, выбрал новый вид чая, прихватил любимых Томиных конфет. Она любит шоколадные. Хорошие такие, из дорогих. Роме взял сока две пачки. Несколько питательных батончиков. Словом, налегке скупился и отправился домой. Приехал вовремя, еще даже не было пяти.

На радостях заехал во двор и собирался сразу с корабля на бал — поставить машину напротив подъезда и с парковкой сильно не морочиться. Уже ведь все привыкли, что это "мое" место. Никто не рисковал тут ставить свои драндулеты. Большая черная машина — лучше тут не парковаться. Приятно, когда действует негласная субординация. И я был благодарен людям, которые не мешали мне часто навещать Тамилу и Ромку. Вот только...

Сегодня система дала сбой. Я подъехал и понял, что мое место занято. Карман возле подъезда занят чьей-то тачкой. Машина далеко не новая, ей годков будет больше, чем мальчику, с которым мы вчера поленья шлифовали в мастерской. И кто же это у нас такой умный нашелся? Судя по номерам, это приезжий. Неместный водитель. Машина из другого региона. Наверное, кто-то в гости заглянул к соседям. Не знал, что тут я обычно паркуюсь. Черт, твою ж дивизию. Не делать же мне из этого проблему? Ладно, я не гордый и сучить ногами не стану. Просто объеду дом и поставлю свой внедорожник сзади, там еще есть места. Хотя и не так удобно, машину из окна не видно.

Надеюсь, что не сопрут теперь колеса.

Черт, уже начало шестого. Пока я тут рассматривал чужие машины и петлял по жилому массиву, там уже заждались меня все. Ну, то есть — Тома и Рома. Для меня они все. Больше никого нам не нужно. Разве что маму надо познакомить с моим выбором. Я обязательно организую общий вечер. Но только не сегодня. Не все так сразу. Сегодня будем только мы троим. Не будет ни девочки Лизы, ни моей матери. Ни Петровича. Ни баристы Жорика. Никого. Только Рома. Я. И Тома.

Вот только на пороге квартиры я учуял запах сигарет. В общем тамбуре. Это было непривычно. Сам я не курю. И за соседями такого не замечал. Но воняет дымом. Ненавижу сигаретный дым. У меня на базе никто не курит. Это большое табу. Потому что не дай бог хоть кто-то чиркнет зажигалкой — вырву из рук и засуну в самую глотку. Пусть только попробуют такое выкинуть.

— Тома, Рома! — подал я клич приветствия в прихожей. — Я уже приехал! Помогите мне с покупками! Ромка, возьми у меня пакет!

Но ко мне никто не вышел. Странно.

Впрочем, не это было самым странным. Были вещи постраннее.

Прямо у меня под носом была пара мужской обуви. Чьи-то полноразмерные кроссовки. Четкие адидасы. Хотя и поддельные, китайские. Но точно не Ромины. Его размер я знаю.

Чужая мужская обувь, чтоб ее. Мне это не нравится. Совсем не нравится.

Набравшись внутреннего спокойствия, я разулся. Снял пальто, повесил его на крючок рядом с красной курткой нежданного гостя. И прошел на свет — прямиком на кухню. Где за столом сидел какой-то парень. С профилированной бородкой, выбритыми висками, массивной бандитской цепочкой, выполненной под золото. Хотя при таких кроссовках и

такой машине... Я не верю, что это золото.

Встреча была не из самых приятных. В доме был посторонний. Причем не просто посторонний человек, а другой мужчина. Я такого не мог стерпеть. Это моя территория, моя парковка, моя сфера влияния. Моя семья.

— Оп-па-па... — изрек мужик и поднялся на ноги, чтобы поприветствовать меня рукопожатием. — Здарова, браток. Здарова. Как же хорошо, что ты на огонек заглянул. Я погляжу — и тортика купил. Вот и ладненько, выпьем чайку. Или чего покрепче.

Я окинул взглядом обстановку.

Ромы рядом не было. Тома была молчалива и что-то готовила. Ну или просто делала у плиты. Может, раскладывала по тарелкам ужин. Или просто боялась чужака. Не хотела его провоцировать.

Кто же ты такой, мудила?

Конечно, я мог бы решить, что это Жорик. Просто друг. И по совместительству отец той самой Лизочки, в которую влюблен Роман. Но вот тут была загвоздка — я виделся с ним. И мы с ним беседовали. Он оказался нормальным парнем. В целом он мне даже понравился. Ничего плохого сказать не могу. А машины у него вообще нет. И он не выглядит так, словно корчит из себя рецидивиста, только что откинувшегося с зоны. А вот этого выпендрейника я вижу впервые.

Что ж. Вариантов оставалось мало. Это мудозвон, оставивший свою жену после рождения ребенка. Без средств к существованию. Парализованной.

Тварь.

— Ты Денис? — спросил я с ходу. Ставя на стол аккуратно запакованный торт из магазина.

Мне бы не хотелось ужинать с таким отбросом. Вообще я очень удивлен, что он посмел сюда явиться. После стольких лет — вдруг приехать?

— А ты у нас... Руслан, я так полагаю?

Откуда ему известно мое имя? Неужели навел справки? Пробивал по мне информацию, что ли?

— Руслан, прости. Я говорила ему, что ты скоро приедешь. Но Денис хотел...

— Я хотел повидаться с тобой лично, — продолжил этот дурачок.

В спортивном костюме. Со щегольской татуировкой на шее. Какие-то тузы или вроде того. Короче, фартовая карта. Фартовый он у нас, оказывается. Что ж, Денис. Сейчас мы посмотрим, насколько ты фартовый. Потому что мне ну очень хочется узнать, сколько в этом доме ступенек. А лучшего счетчика, чем зубы негодяя, я не знаю.

— Ну и зачем же я тебе нужен? Ты хотел у меня что-то спросить? Или... — отодвигал я табуретку, чтобы сесть напротив своего соперника, — может, ты просто хотел заплатить в моем присутствии алименты на ребенка?

Мы сидели и играли в гляделки. Я смотрел на него, а он на меня. Безмолвно. Только у меня выражение лица было серьезным, а Денис по-идиотски корчил рожи. С ехидным прищуром улыбался, словно хитрый лис. Вот только лис еще не понял, что напротив него сидит овчарка. Сдержанная, тихая. И смертоносная собака. Пускай только попробует выкинуть мне фокус.

— Ты мне будешь говорить, что я должен делать, а что нет? — Денис достал из внутреннего кармана пачку сигарет, сверху положил зажигалку. — Ты мне указывать решил, брателло? — Он покачал неодобрительно башкой. И дал понять, что этот номер не

прокатит. — Не советую бороться в моем доме, Русланчик. Ох не советую. А то я быстро обломаю твои зубы.

Он достал сигарету и чиркнул зажигалкой. Только я не дал ему сделать эту глупость.

— В помещении не курят.

Я вытащил из пальцев сигарету, открыл окно и выбросил ее на улицу. Думаю, этого было достаточно, чтобы не повторять своих ошибок.

— Ого. А ты у нас рискованный перец, да? Так, может, выйдем-ка на улицу? На перекур. И там уже побазарим, как жиган с петухом?

— Я не петух, братуха. Ни разу. И откуда ты набрался это лабуды вообще? Сидел, что ли?

— А ты давай со мною выйдешь в подъезд — и я тебе расскажу.

При этих словах он чем-то щелкал в кармане. Чем-то металлическим. Неприятный лязгающий звук. То ли кастетом, то ли складным ножом. Такой подонок может вполне иметь финку за пазухой. Вот же урод. Занесло же его сюда.

— Денис, пожалуйста! — встряла Тамила. — Не надо никуда выходить! Руслан не сделал ничего плохого — он нам не раз помогал, он дал нам денег!

— И что с того?

— А вот ты за все эти годы даже ломаного гроша мне не прислал! Где ты был все это время и почему ты нас оставил, когда я так нуждалась в тебе?! А теперь ты вот заявляешься без предупреждения — ведешь себя так, словно я ждала тебя все это время!

— Я тебе не помогал, потому что сам еще на ноги не встал. Мне было рано тогда жениться. И сосунков заводить было тоже рано. Я тогда еще не нагулялся просто, — выложил Денис все карты и снова сел за обеденный столик. Он спрятал сигареты и с немалым трудом добавил: — Извини. Был неправ.

Тамила застыла в недоумении. Ее как будто по лицу наотмашь ударили.

— Что?! Вот просто "извини, я был неправ"?! Это все, что ты хотел сказать?!

— Хватит истерить, — отрезал Денис, хозяйничая на столе. Он открыл наш торт. Взял наш нож, разрезал торт на куски. Взял одну из наших тарелок и положил туда кусок побольше. Для себя, разумеется. — Налей-ка лучше кофейку. А еще лучше — чего покрепче. Нам с Русланом надо обсудить, как мы поступим дальше. Потому что мне так не подходит. Я не позволю, чтобы моего родного сына навещал какой-то мужик. Ты ведь понимаешь меня, Русик?

— Не называй меня так. Последний человек, который назвал меня Русиком, получил в лобешник так, что ему потом нос вправляли зубочистками.

Эти игры меня выбешивали. Не будь здесь рядом Тамилы и не будь это ее квартира — я бы разнес тут все к чертям. И сделал бы все его мордой. Этой наглой, фигурно выбритой мордой. Не знаю, может, на зеленых шалавах этот образ и оказывает впечатление, но мне это кажется натуральным ребячеством. Это не мужик, а чмо. Настоящий мужик никогда бы не бросил семью.

— Да ладно тебе, брат. Давай мы лучше выпьем... — Денис прищелкнул пальцами и отдал Тамиле приказ. — Тома, налей-ка нам для храбрости. Нам с Русиком придется обсудить причину, почему он больше не сможет к вам навещать, — сказал Денис и наклонился над столом, чтобы заговорщицки добавить: — И оставлять свою машину у подъезда. На целую ночь. — Идиот выпрямил спину и хлопнул в ладоши, будто он сидит в ресторане, а не дома у той, которую выбросил из своей жизни. Той, от которой сбежал.

Которую бросил и растоптал. Хотя был виновником всех дальнейших событий. Зачал ребенка — будь добр, воспитай его потом. Но нет. Теперь он вернулся и качает отцовские права. — Тома — рюмки! Быстро! Налей мне два по пятьдесят, а Руслану — сразу двести. Потому что ему на холод идти — на улице мороз, замерзнет, бедолага...

Денису было смешно. Он самодовольно хихикал, ухмылялся. Как бы эти ухмылочки не кончились для него плачевно.

— У меня нет выпивки, — ответила Тома, нервно дыша. — И лучше бы тебе не пить в присутствии Ромы. Зачем ты вообще приехал?

— Я приехал к сыну, — отчеканил ее бывший муж. — Я не к тебе приехал, дура. Я приехал, — говорил он по словам, чтобы все прекрасно поняли цель его визита, — к своему... родному... сыну. Рома!

— Руслан, — обратилась ко мне Тамила, — ты ведь был в магазине — что-то купил налить?

— Это для своих. Не для Дениса. Поставь, пожалуйста, в шкаф. Откроем, когда этой вони сигарет здесь уже не будет.

Денис мотал недовольно головой и хищно шурился.

— Нет, братан. Ты все еще не понял, что произошло.

— И что же произошло?

— Произошло то, что я вернулся. Все эти годы я был маленько занят. Я работал. Зарабатывал. Меня не было в стране. Я ездил на заработки, чтобы обеспечить малого хорошим будущим.

— Я и сам теперь обеспечу ему это будущее.

— Серьезно? — сверкнул он золотой коронкой на зубах. — Ты? Обеспечишь моего сына?

— А ты в этом сомневался?

— Да кто ты такой? Ты же никто. И звать тебя никак.

— Я бизнесмен. Владелец компании. А кто такой ты, Денис? Ты просто неудачник.

Он вскочил из-за стола и хотел меня схватить за шиворот. Но в тот момент к нам вышел Рома.

У него на плече была отцовская гитара. Он неуверенно теребил поясok, который держал музыкальный инструмент на весу. И боялся говорить с отцом. Для него этот человек был абсолютно чужим.

— П... папа?

— Ну Рома, наконец. Как же давно я ее не видел...

— Ты хотел сказать "его".

Денис посмотрел на меня и не понял.

— Чего? О чем ты говоришь, Русик?

— Ты сказал, что давно ее не видел. Но ведь Рома — парень. Может, ты и забыл, но у тебя родился сын, а не дочь. Еще десять лет назад. Забыл?

— Я ничего не забыл, браток. Я не забыл. Это ты попутал берега и зашел не в ту хату. Я тебе базарю. Скоро мы выйдем отсюда, и ты забудешь сюда дорогу. Ты больше никогда не притронешься к Томе. И уж тем более не будешь общаться с Романом. Потому что это, — показал он на испуганного мальчика, — мой сын. А эта гитара — моя гитара. — Денис встряхнул своего сына за плечи и посмотрел ему в глаза. — Скажи, ты хорошо за ней ухаживал? Мама мне сказала, что ты ее очень любишь. Что она для тебя особенная. И вы с

ней проводите много времени.

Рома грешным делом решил, что речь идет о Лизе. Что горе-отец приехали и узнал, что его сын готовится пригласить на бал красивую девочку из параллельного класса. Но нет. Речь шла не о ней, не о Лизе. Этот дуралей говорила о гитаре. Всего-лишь о гитаре. Чертовой гитаре, будь она проклята трижды.

— Ты говоришь про Лизу?

Денис пожал плечами и сделал глупую физиономию.

— Кто такая Лиза? Ты ведь не рожала тут, пока меня не было, Тома? Впрочем, — насмеялся он, смакуя беспомощность своей жены, — кому же ты нужна в таком состоянии? Кто тебя на койку пригласит? Разве что другой такой же инвалид?

Роме стало обидно за мать. Он стиснул зубы и спросил отца прямо:

— Зачем ты обижаешь маму? Она такого не заслуживает.

Руслан

Мне было очень жаль ребенка. И Тому, которая только и делала, что плакала. Сидела в углу и вытирала слезы. Понимая, как ей повезло, что она не жила все эти годы с подобным негодяем. Сомневаюсь, что наличие рядом такого мужа сильно помогло бы. Скорее напротив. Денис бы издевался над ней, водил бы домой ночных бабочек. Он бы плохо влиял на сына. Я его просто ненавижу. Мне он и раньше казался ужасной персоной. Но теперь, после ближайшего знакомства, я вдруг понял, почему Тамила так безапелляционно порвала с ним и развелась. Даже от алиментов отказалась. Он мерзавец. Он подонок. И с этим надо завязывать.

— Рома, ты пробовал на ней играть? — поинтересовался Денис. — Ты играл на моей любимой дембельской гитаре? Мама сказала, что ты научился брать аккорды. Можешь показать отцу?

При этих словах Рома инстинктивно глянул на меня.

Я не мог этого не заметить. При словах об отце он в первую очередь подумал не о Денисе. Не о том, кто его зачал много лет назад, чтобы бросить. Он подумал обо мне. Потому что мы дружили. Потому что я поддерживал его. Потому что я помог ему стать более уверенным в себе. Я показал, как быть сильным и смелым. Научил его драться. Черт, да ведь это я слушал, как он играет, и нахваливал его, хлопая в ладоши. Роме не нужно одобрение отца. У него и так уже есть одобрение отца. У него есть мое одобрение.

А еще мы с ним ходим в качалку. Вместе. Это наш маленький секрет. Томе я не говорю, чтобы она не ругалась. Чтобы не говорила, что детям рано таскать железо. Я и сам прекрасно знаю, что нельзя. Именно потому пацан и не таскает железа. Роме там просто нравится. Ведь там много подтянутых качков, есть симпатичные девицы, помешанные на фитнесе. А еще есть легкие гантели для разминки — их-то я и разрешаю потаскать ребенку. Этого достаточно, чтобы как следует пропотеть и быть потом сильнее на физкультуре в школе. А потом мы принимаем душ в соседних кабинках. Как настоящие мужики — ходим, обернувшись полотенцами, в раздевалке. У нас у каждого свой шкафчик. У каждого свой фен, которым мы сушим волосы перед зеркалом. У каждого свои шлепанцы, своя сменная одежда. Свои цели посещения качалки.

Я стремлюсь поддерживать форму, чтобы Тома не видела обвисших боков. Чтобы мои руки всегда были крепкими и могли легко поднять ее, дабы усадить на переднее кресло в машине. Чтобы отнести на кровать. Или вытащить из ванны. Я стараюсь для нее. Не для себя. Для меня достаточно того, что у меня есть Тома. А еще...

А еще того, что Рома называет меня папой. Там. В качалке. Когда мы проходим фейс-контроль. И Роме делают замечание, мол, детям сюда нельзя. Рома просто оглядывается на меня — я подмигиваю — и Рома отвечает: "Это мой папа". Конечно, я рад ответить то же — "Это мой сын, все нормально".

Именно поэтому я имею больше прав называться отцом этого мальчика, нежели Денис. Этот напыщенный гастролер. Исчезнувший с радаров моряк и гастарбайтер. Который по факту бросил семью и десять лет непрерывно шлялся по миру, развлекавая проституток. А должен был увидеть, как Рома делает свой первый шаг. Услышать, как он плачет, когда режутся зубы. Узнать, какое первое слово он скажет. Вдруг это "папа"?

Но нет. Это точно не его история. Его сын уж точно не сказал своим первым словом "папа". Это было что угодно. Но точно не "папа". Я уверен, что Рома произнес слово "мама". Именно мама. Потому что Тома стала для ребенка всем. Она была для него матерью, защитницей, кормилицей, его ангелом хранителем. Который днем баюкает малыша, а ночью шьет одежду и игрушки, чтобы прокормить семью.

— Хорошо, я сыграю.

Рома с опаской выдохнул и сосредоточился на гитаре.

Играть в такой напряженной обстановке ему еще не приходилось. Он играл наедине с собой. Смотря на свое отражение в зеркале. Записывая все на телефон. Он играл на гитаре мне и Томе. Он играл на гитаре для своей любимой девочки — для Лизы. Но отцу он еще не играл. И это было сложным обстоятельством. Обстановка накалилась до предела.

— Ну давай, сынок. Давай. Папа тебя слушает. Не посрами отца.

На самом деле Рома не умел играть. Мы с Томой это прекрасно знали. Но все равно усердно хлопали, потому что он ребенок. Не музыкант. Не профессионал. И даже не дембель, который оттачивал игру на этой безделушке в течение двух долгих лет в казарме. Он просто маленький мальчик, и точка. Пускай Денис только попробует остаться недоволен выступлением. Урою.

— Кхм... Хорошо, — ответил тихо Рома и взял для начала парочку простых аккордов.

Подержал пальцами здесь, провел пальцами там. А звук — он просто был. И по мне так ни Лиза, ни Тома не смогли нормально разобрать, насколько хорошо играет музыкант. А я был рад, что ребенок играет. Пускай меня всегда бесила эта гитара. Она напоминала о том, кто может однажды за ней вернуться. И вот этот день настал — он пришел за ней, но не за семьей.

— Нет-нет-нет! — завыл Денис. — Да кто же так играет вообще?! Дай сюда — ты неправильно держишь... И кто тебя учил настраивать гитару, черт возьми?! Она же нафиг расстроена! А тут струна вон перетянута! Дай!

Он вырвал гитару из детских рук, отчего Ромка споткнулся, упал. Наплечный пояс потянул его вперед — и мальчуган разбил себе губу о край стола.

Все. С меня довольно. Этого достаточно с лихвой, чтобы прекратить этот цирк. Терпеть его не буду. Баста. Я не дам ему обидеть Рому. А за эту разбитую губу он мне еще ответит, тварь.

— А-а-а-а... — разревелся Ромка. — Мама... кровь...

— О господи, малыш! — бросилась к нему Тамила и прижала к себе сына. — Денис, за что ты так с ним?! За что?! Я не хочу, чтобы ты здесь оставался — уходи!

Но Дениса беспокоила только гитара. Вот и все.

— Кто тебя учил так по-дебильному настраивать струны, а?!

И пока отец усиленно пытался довести звучание до совершенства...

Его сын ответил:

— Никто! — Рома плакал и не мог поверить, что такая свинья может оказаться его папой. — В том и проблема, что НИКТО! Никто меня не учил настраивать твою сраную гитару! Тебя не было рядом! Никогда! Мы с мамой были одни! Нам не было, на что жить! Мы были оставлены тобой! Ты исчез! Ты ничего не сделал, чтобы помочь нам — НИЧЕГО! Даже дядя Руслан за эти два месяца сделал больше, чем ты за всю свою вонючую жизнь!

Никто не любит, если ребенок поучает. Особенно слабаки, которые вытерли ноги о свои обязанности и вернулись на готовое спустя десятилетие.

— Хватит! — Я схватил его за руку. Аккурат тогда, когда эта самая рука направилась к ребенку. Навстречу забитому в угол мальчику. В обнимку с матерью. — Ты этого не сделаешь. Уже никогда не сделаешь. Я тебе клянусь.

— Ну так, может, выйдем? — сверкнул он снова зубом. Будто ожидая, что одержит верх над незнакомцем. — Давай, Руслан. Раз ты крутой — покажи мне свою крутость. Не хочу, чтобы Рома видел, как я размазываю тебя по стенам. А то, я вижу, вы с ним уже сблизились не на шутку. Прямо как одна дружная семья.

Тома взмолилась:

— Не надо, прошу! Руслан, не выходи — пожалуйста!

— Не беспокойся. Я не буду его бить, — соврал я, очевидно. — Я просто хочу послушать, как он сам играет на гитаре. — После этих слов я перевел взгляд на Дениса и спросил у него занятную вещь: — А ты хоть сам играть умеешь, "папа"?

— Да ты чего? Это моя дембельская гитара. Там стоят подписи всех моих армейских корешей. Берешь меня на понт?

— Ага, — ответил я с придыхом. Прямо ему в морду. — Беру тебя на понт. Хочу послушать, как ты правильно берешь аккорды. Делаешь бой. Хочу сравнить с игрой малого. Хочу понять, насколько ты лучше умеешь играть, чем десятилетний мальчик.

Денис бросил смешок. Взял с собой гитару под мышку.

И оповестил присутствующих:

— Я не уйду. Скоро вернусь. Вот только покажу вашему Русику, как я играю... Играть я умею. Еще никто не жаловался на мою игру.

Я понимал, что вернется один. Не двое — только один. И это буду я.

— Ты что, и правда заявился ради гитары? — не мог я поверить в эту историю. — Ты вернулся, чтобы забрать свою гитару?

— Это не обычная гитара — там автографы всех моих братков, с которыми я срок мотал, дебил! Она дорога мне как память! Это ностальгия!

— Да это ведь просто ГИТАРА! Самая обычная гитара! Дешевая, советская, чтоб ее гитара, которая и тысячи рублей не стоит! И она все равно для тебя дороже собственного сына! Ты хоть понимаешь, насколько это тупо, мудозвон?!

— Эй, камон! За языком следи! А то я тебя урою — мама потом не опознает!

— Значит так, — решил я сделать первую и последнюю попытку уладить все мирно, — предлагаю такой план: ты оставляешь гитару, Рома сможет на ней играть и дальше будет учиться этому хитрому делу — но ты к Тамиле уже не приезжаешь, ни разу, больше никогда.

Но Денис расхохотался.

— Ха-ха-ха! Это просто офигеть как смешно! Ты мне предлагаешь план?! Дак кто ты такой — ты просто грязь, которую я счищу со своих кроссовок за одну минуту!

— Даю тебе последний шанс, Денис. Последний шанс. Без шуток. И лучше тебе уйти. Предупреждаю.

Очень жаль, что некоторые люди не используют голову в мыслительных процессах. Думают задницей. Хотя я предупредил. Сказал ведь ему прямо, что не прокатит. Не надо было меня злить. Ох не надо было. В гневе я ужасен. Просто адски.

— Начнем с того, что этой гитаре будет лучше со мной. Я ее забираю. Ты прав. Я вернулся за гитарой. Но это только повод. Потому что я приеду снова. Я буду их навещать. Пускай на Тому мне плевать, но меня беспокоит, что ты здесь ошиваешься. Ты какой-то ненормальный, раз ухлестываешь за парализованной бабой. Реально больной. Или, может,

ты правда извращенец, который подбивает колышки к моему неокрепшему сынишке?

— Он не твой сынишка. Поезд ушел. Забудь сюда дорогу. Этот пацан — он полусирота. У него нет отца. Но я могу его заменить. А ты свой шанс уже потерял. Проваливай по добру по здорову. А я позабочусь о мальчишке и его маме.

— Нет, браток, — посмеивался этот подлец. — Нет. Мне такой расклад не подходит. Вообще... Сейчас я уеду, взяв с собой гитару. А то ведь малый и разбить ее может. Это же дети — у них руки из задницы. Сейчас он слишком сопливый еще для отцовского воспитания. Мне не нужно, чтобы ты воспитал из него такую же девчонку, как ты сам. Мне нужен настоящий парень. Знаешь... Такой — настоящий, — поставил он гитару в дальний угол, чтобы не разбилась в процессе драки. — Я вернусь за Ромкой, когда он уже станет взрослым. Тогда я научу своего сына правилам взрослой жизни.

— Ну и чему же ты его научишь, умник? Как сбегать от любой ответственности? Как изменять жене, пока она в роддоме? А может, как не платить алименты в течение долгих лет?

— А вот это ты зря так говоришь, братан. — Денис достал из кармана пачку денег. — Видишь лаве. У меня его много. Я при деньгах. И сейчас бы с удовольствием потратил эти бабки где-нибудь в стрип-клубе или другом четком месте.

— Лучше бы ты эти деньги Томе дал. И не сейчас, а пару лет назад. Когда она жила в нищете. И едва сводила концы с концами. До того, как познакомилась со мной. Теперь ей эти копейки не нужны. Я сам ее обеспечу. Проваливай.

— Нет, Руслан. Я не согласен. Это ты, дружок, проваливай. Иди настолько далеко, насколько позволяют ноги. А то я их переломаяю, — цедил Денис сквозь зубы. — Я вернусь лет через пять. И покажу Роману, как нужно обращаться с девочками... Как правильно пить и вести себя в компании корешей... Съездим на рыбалку разок-другой с ящиком топлива, если ты понимаешь, о чем я говорю.

— Прости, но я непонятливый. Я знаю только то, что ты здесь лишний. А Тамила — моя женщина.

— Хах... — усмехнулся он и ткнул мне пальцем в лицо: — Ты мне напоминаешь одного парня из прошлого. Жорика. Ага. Он тоже за Томой увязался и хотел, чтобы я отстал. Но я не отстал, — подвел Денис черту и сказал мне прямо на ухо: — Я уже никогда не отстану, мужик. Так что ты сюда зря пришел. И я устал с тобой играть.

Несостоявшийся отец моего Ромки дерзко взял меня рукой за одежду. Он схватил меня за лацкан пиджака — и мне это совсем не понравилось. Он перешел черту.

Поэтому я взял его за кисть. Загнул ее в обратную сторону. И заставил подлеца упасть лицом на пол. На грязный и холодный. Пыльный пол лестничной клетки.

— Хорошая попытка, — говорил я хрипло. — Вот только я не Жорик. И терпеть такого не стану. Я сломаю тебе руку, если ты сейчас же не пообещаешь, что больше сюда никогда не сунешься...

Повернувшись к его затылку ухом, я дал засранцу шанс. Я выждал пару секунд, но не услышал покаяния. Только стон от боли. Вот и все. Такой тихонький и совсем невнятный. Где-то возле плитки на полу, пока я придавил скотину весом тела. И выдавливаю из козла хоть каплю разума. Мудрости. Здравомыслия.

Что? Нет, не слышали.

— Пошел ты нафиг...

Меня его ответ повеселил. Бедолага не знает, с кем связался. Моя мать была права. Если

я за что-то берусь, то уже не отступаю.

— Ты знаешь, как ломают руки? Это очень просто. Я тебе сейчас все покажу...

После этих слов я надавил на кисть, и где-то на полу раздался крик:

— А-а-а-а-а!

Это было жалко. Ничтожно. И он сам это выбрал. Не я.

— Я хочу, чтобы ты дал клятву. Чтобы ты поклялся, что больше не потревожишь эту семью. Не будешь им писать, звонить и приходить в этот дом. — В ответ я слышал только стоны. Стон. И еще раз стон девчонки. Это все. Но ни капли из того, что я просил. Хотя отчетливо сказал, чего хочу. — Ответь сейчас же! Живо!

— Да я вертел твои приказы...

— Зря ты так, Денис. Не стоило так говорить... Что ж. Тогда на счет три.

— Что "на счет три"?

— Я покажу тебе, как это делается.

— Стой-стой-стой! — вопил Денис, расталкивая пыль возле слюнявого рта. — Что ты мне покажешь?!

— Как ломается рука... Раз...

— Черт, ну отпусти!

— Нет, не отпущу. У тебя был шанс... Два...

— Слушай, брат — не надо, пожалуйста!

Но мы с ним не были братьями. И мне его не было жалко. Если надо отомстить за Тому — отомщу. Сломал ей жизнь — теперь сломаю ему руку.

— Три.

Я надавил на кисть, но в ту же секунду он закричал:

— Хорошо-хорошо!

— Что "хорошо"?! Не слышу?! — продолжал я давить на руку мерзавца, пока он впечатан лицом в холодный бетон.

— Я ухожу!

Мои руки застыли буквально в миллиметре от расплаты. Так хотелось это сделать. Прямо сейчас, прямо здесь. Он этого заслуживает. Причем не только перелома руки. В нашей ситуации было бы справедливо переломать еще и ноги. Заставить падлу ползать и молить всех о милостыни. Ненавижу.

Я опустил к самому уху и тихо спросил:

— Ты не будешь их терроризировать?

— Нет!

— Ты обещаешь мне, что я тебя здесь больше не увижу?

— Да... — выдохнул Денис с огромным облегчением. Ведь просто не являться сюда, как он это делал последние десять лет — что могло быть проще. Ради спасения собственной шкуры.

Я обуздал порыв соврать и доломать эту наглую кисть.

Протяжно выдохнул и начал ослаблять свою хватку.

— Хорошо. Это очень хорошо. Потому что если ты меня обманешь. Если ты попробуешь еще хоть раз сунуть сюда свое поганое рыло — я вырублю тебя одним ударом. Свяжу руки скотчем, — описывал я пеструю картинку у себя в мозгу. — Я надену тебе на голову черный мешок. И вывезу туда, откуда ты дороги не найдешь... Ты меня понял, гнида? Я не шучу. Можешь спросить у Тома. Я шутить не умею. Чувство юмора у меня на нуле, Денис... А

теперь я отпущу тебя. Ведь я добряк. И ничего с тобой не сделаю. Просто уходи. На этом все.

Я его отпустил. Разжал ладонь. Поднялся с полу. Теперь он просто распластался посреди подъезда, болезненно тер свою руку. И боялся что-то сделать.

Мне подходит.

— Ты мне кость чуть не сломал, урод.

А вот это было лишним.

— Тебе пора на выход. — Взяв его гитару, я выпрямил руку — прямо в пролете между этажами. Она зависла над пропастью. Внизу ожидали пять этажей. И моя рука не дрогнула. Я наконец избавился от той гитары. — Твоя дембельская прелесть ждет тебя внизу. Спускайся.

Я разжал ладонь — и гитара выпала. Промчалась сквозь пролеты и размазалась о бетон первого этажа. Разлетелась на мелкие щепки. Но зато с каким красивым звуком.

На этом было точно все.

Это был последний раз, когда я видел ее бывшего. После того инцидента мы о нем больше не слышали. А после свадьбы Рома получил мою фамилию.

Впрочем. Не будем забегать вперед. Сейчас я просто хочу поесть. И выпить в обнимку с любимой женщиной.

— Руслан, это ты?! — окликнула Тома в напряжении. — Это ты?!

Я вошел к ним на кухню, снял пиджак — повесил его на спинку стула, где перед этим сидел Денис. И с облегчением выдохнул.

— Ну что, мальчишки и девчонки — пробуем пирог. Я голодный, словно лев.

Тома не стала задавать вопросов и открыла духовку. Оттуда запахло чем-то вкусным. То ли хорошим мясом. То ли румяным тестом. То ли прованскими травами. Но скорее всего — всем одновременно и сразу.

Вымыв руки, я поцеловал ее в щеку. Выразил так благодарность за приготовленный ужин. Затем я погладил Рому по голове. Присмотрелся к разбитой губе.

Ничего. Не смертельно. До свадьбы с Лизой заживет.

Тома разложила еду по тарелкам и внимательно ощупала мое лицо, осмотрела под светом лампы.

— Господи. Как хорошо, что он тебя не бил.

— Да что ты говоришь. Мы просто побеседовали как взрослые люди. Нашли разумный компромисс, который устроил нас обоих.

Тома отрезала кусочек пирога и хотела его съесть. Но любопытство было сильнее голода.

— И в чем же заключался компромисс?

— Он заключался в том, что Денис сюда больше никогда не приедет. А в плату за это я отдал ему Ромину гитару.

— О... — расстроилась Тамила. — Какая жалость. Рома ведь так сильно ее любил.

Сам же Рома молча ел, не поднимая головы. Но я уверен, что он рад больше не видеть и не слышать этого мерзавца. А гитара — ерунда.

— Ничего, — смотрел я на сына и улыбался по-отцовски. — Мы купим ему новую. Гораздо лучше старой. Я знаю тут один хороший магазин, где сть...

Я не успел договорить, потому что Тома заткнула мне рот поцелуем. Причем полноценным таким поцелуем прямо в губы. Обычно она так не делает в присутствии сына. А тут — не удержалась.

И Рому это порадовало.

— Класс! Я так и знал, что вы это делаете, когда я не вижу. Наконец-то я увидел.

Тома

Не знаю как, но Руслан убедил моего бывшего больше не тревожить ни меня, ни Рому. И я не хотела задавать лишних вопросов. Я и раньше не желала видеть этого подонка. А после того, как Денис вдруг заявился и продемонстрировал себя во всей красе... Я такого честно не ожидала. Мой первый муж изменился, и все его изменения были в худшую сторону. Зато чем больше я его потом вспоминала, тем больше я радовалась одной простой вещи — Денис Паюл остался в прошлом. Теперь моя жизнь будет связана только с Русланом Когутом. Если мой сынишка прав, и под новый год случаются чудеса.

— Тома... — услышала я в темноте. Когда еще досматривала сладкий сон. Холодным утром тридцать первого декабря. Аккурат в канун нового года. — Тамила... — шептал мне возле ушка шелковый баритон Руслана. — Киса... Пора вставать, моя спящая красавица. А то я возьму и поцелую тебя.

После этих слов он выполнил обещание и подарил мне теплый поцелуй. Я облизнулась и открыла глаза.

— Привет. Доброе утро.

— Ты готова?

— К чему?

— К принятию подарка.

— Подарка? — удивилась я. — Какого подарка?

— Моего главного подарка тебе. Разве ты забыла? Я ведь обещал, что будет еще один подарок. Настоящий. Главный. Очень важный и особенный подарок.

— Особенный подарок? — повторила я, как будто зачарованная. — Что я должна делать?

— Одевайся.

— А во что?

— Во что-то теплое, — шептал Руслан, поглаживая мои спутанные волосы. — Во что-то удобное.

— Мне краситься?

— Нет.

— А завтракать?

— Нет, малышка. Завтракать нельзя.

— А почему?

— То, что мы собираемся сделать, нельзя делать на сытый желудок.

— Мы поедем в ресторан?

— Не совсем.

— А куда?

— Скоро увидишь.

Руслан надел мне на глаза черную повязку, чтобы я не подсматривала всю дорогу. И мы отправились "куда-то". Было очень рано, ни свет ни заря. Часа четыре или максимум пять. Я не будила Рому — только оставила записку, что еда в холодильнике. Но Руслан пообещал, что это не затянется надолго. Мы не уедем с ним куда-то в горы. Не пропадем с радаров на целую неделю.

"Совсем на чуть-чуть", — сказал он с хитрецей. А что это значило — понятия не имею. Но я терпела, ежась в кресле с завязанными глазами. Все выпрашивала, а Руслан молчал как рыба. Было видно, что он тоже немного нервничает. Но свою тайну так и не раскрыл. Я перебрала в голове все возможные варианты, начиная походом в ювелирный салон и заканчивая банальным визитом в ресторан. Но если бы это правда был ресторан, то я бы накрасилась. Да и сам бы Руслан тогда надел хороший костюм. Но он сегодня почему-то не в привычной форме — теплый джемпер, джинсы. Удобная зимняя куртка.

Терялась в догадках. И даже когда мы приехали, передо мной открылась дверь. Меня вынесли и усадили в каталку, чтобы отвезти куда-то "на объект" — я все равно ничего не поняла. Даже не подозревала, что меня ждет. Ведь это какое-то сумасшествие, ей богу.

— Можно снять повязку, — прозвучало наконец. Словно волшебный код.

И я с облегчением открыла глаза свету. Не сказать, чтобы яркому — солнце только поднималось. Горизонт окрасился в красный оттенок. Но я отчетливо видела...

Фюзеляж и крылья.

— А... — закрыла я рот руками, когда вдруг осознала, что происходит. — Самолет!

Я сначала не поверила, что это может быть правдой — он привез меня на аэродром? Нет-нет-нет, этого не может быть. Руслан привез меня на самый настоящий аэродром, где стоит самолет — настоящий самолет с пропеллерами. И эти пропеллеры могут поднять меня высоко, до самых облаков, чтобы...

Тут я осознала, насколько далека от прыжков с парашютом. Ведь я инвалид. А инвалиды не могут этого делать. У меня стали набираться слезы. Я гладила холодный фюзеляж руками и не могла понять — зачем он так надо мной издевается. Ведь это такая боль. Увидеть самолет вблизи, но даже не полетать на нем. И где же чудо? Где же эти чудеса?!

— Хочешь, мы прыгнем вместе с тобой на фоне восходящего солнца?

Руслан присел возле меня на корточки и сказал это, словно в бреду. Словно я пребываю в бреду — и это просто фантазия. Сон. Чудовищно яркий по эмоциям сон одной мечтательницы. Которая в юности так хотела выпасть из самолета, пролететь два километра свободным падением. И раскрыть свой парашют одновременно с возлюбленным.

— Да, — ответила я паром изо рта. — Да. Я очень хочу. Но разве это возможно?

— Сегодня новый год. А в новый год случаются чудеса... Пойдем, я отвезу тебя на инструктаж.

Я погрузилась в полный ступор. Руки тряслись, язык меня не слушался. Даже проглотить слюну мешал такой плотный и колючий ком — меня душили слезы. Неужели это правда может случиться сегодня? Со мной? С нами обоими? Зачем это Руслану — неужели он меня так любит?

Инструктаж был коротким, потому что инструктор — давний товарищ Руслана. Так как мой напарник налетал и напрыгал немало часов, к нему и отношение было другим. Руслан выступал гарантом, что все пройдет без сучка и задоринки. Поэтому нам дали полную свободу в действиях. Я переоделась в теплый комбинезон. Надела шлем, надела и зафиксировала перчатки. Подобрала по размеру теплую обувь.

Когда мы оказались внутри самолета, я уже понимала, что моя дальнейшая жизнь не будет прежней. Он узнал, что я мечтала прыгнуть с парашютом и жалею, что больше не выйдет этого сделать. И он же доказал, что это чепуха — вместе с ним я могу даже это. А если я могу даже это, то с Русланом я могу буквально все. Буквально все на этом свете.

— До прыжка примерно пять минут! — оповестили нас из кабины. — Проверьте карабины, все крепления, парашюты, почешите носы, если они у вас сильно чешутся — потому что потом уже не выйдет, голубки!

Я посмотрела на Руслана, и он надел мне на лицо очки. Надежную маску, чтобы защитить глаза от ветра и холода. Солнце понемногу вступало в свои права. Отсюда, сверху, с высоты птичьего полета ты видишь намного больше, чем с земли. Отсюда открывался великолепный вид. И даже громкий гул пары двигателей не портил впечатлений. Было страшно, но красиво. Я еще никогда не летала. Это был мой первый выход в небо — и я всецело доверяла Руслану.

Как и тогда — в нашу первую ночь. Когда он убедил меня раскрыться перед новым, неизведанным. Все годы до него я была уверена, что уже никогда не буду с мужчиной. Что уже никогда не почувствую себя желанной и любимой. Что уже никогда не почувствую страсть и жажду. Не почувствую шепот возле шеи. Жар умелых рук. Не почувствую полноценности. Ведь я неполноценна.

Впрочем. Скажите это Руслану. Он в это не верит. Для него я полноценна. Для него я идеальна. Для него я повод доказать, что все возможно — доказать в первую очередь мне самой. Что я могу, если хочу. А рядом с ним я хочу очень многого. Хочу еще. И побольше.

— Готовность к прыжку!

Со мной вдруг приключилась истерика.

— Господи, Руслан, мне страшно! — Я впиалась в него руками, держалась за ткань комбинезона. Ведь все еще была возможность отказаться. Передумать. Все отменить. Мне кажется, я совершила ошибку — не надо было говорить, что я хочу такое сделать. Теперь я сожалела. Я боялась. Было безумно страшно осознать, что сейчас мы выпрыгнем за борт. — Скажи мне, что все будет хорошо! Скажи, что я увижу после этого Рому! Умоляю, обещай мне, что если со мной что-то случится, то ты о нем будешь заботиться! Обещай, что...

Он оборвал мою истерику губами. Просто вжал меня в себя, чтобы одарить поцелуем. И это сразу помогло.

Прыжок будет парным.

Сильные руки закрепили мое тело так, чтобы я полностью зависела от Руслана. Он всем управлял, он делал все, что положено. Что необходимо сделать для успешного прыжка. Я всего лишь буду пристегнута к нему. И мне не потребуется дергать за кольцо. Не придется выбирать, куда приземлиться. Не придется бояться, что я потеряю сознание и вырублюсь в ответственный момент. Ему я могла довериться. Он не Денис. И даже не Рома. Я могу на него положиться. Поэтому я зажмурила глаза, отдалась судьбе и позволила ему это сделать. Позволила Руслану выпрыгнуть из самолета, взяв меня с собой.

Внезапно гул пропал. Я больше не слышала воя двигателей. Самолет ушел в дальнейший полет, а мы со спутником моей последующей жизни начали падать.

Я не решалась открывать глаза. Но каждая секунда вынуждала это сделать. Я словно слышала, как тикает стрелка и мы размениваем сотню метров за сотней. И снова. И снова. Вот опять. К нам приближалась земля, а я так и не глянула на солнце.

— Посмотри, как красиво!

Я приоткрыла один глаз и увидела, насколько прекрасен этот мир. Мир восходящего над городом солнца. Оно уже не выглядело, словно красная полоска. Это было нечто большее. Огромное. Очень красивое и яркое, словно самая полноценная вещь на земле. Даже не на земле. Рассвет казался чем-то внеземным. Ведь так и есть. Солнце от нас далеко, и только в

такие мгновения мы можем осознать, как все быстроходно. И мы лишь две песчинки, летящие вниз внутри песочных часов.

— Руслан, я тебя люблю! — выпалила я наперекор шумящему ветру. — Я люблю тебя! Слышишь меня, Когут?! Я тебя лю... — Он достал из кармана коробочку. А в ней — колечко. Венчальное кольцо. — А-А-А-А-А!!! — заорала я от шока. — ГОСПОДИ, РУСЛАН! — Выходи за меня замуж!

У меня перед лицом была обшитая бархатом коробочка с венчальным кольцом. Просто удивительно, как он ее удерживал в руках. Ведь ветер мог сорвать и испортить момент.

— Боже, Руслан — ты сумасшедший!

Солнце озаряло небо. И мы выглядели просто маленькой черной точкой, которая неслась навстречу снегу на полях. Наш прыжок стремительно заканчивался. И я должна была ответить. Я должна была решиться на простую вещь. Ведь как я могу отказаться, если это лучшее, что можно было только придумать.

Руслан был абсолютно прав, когда говорил, что главный подарок ждет меня впереди. Я была без ума от счастья. Я расплакалась. Ревела, заливая все водой — очки запотели, я плохо понимала, где кольцо, а где пальцы. Поэтому сделала то, что от меня зависело.

— ДА! — прокричала я, чтобы он мог различить и понять. Я согласна. — ДА, Я ВЫЙДУ ЗА ТЕБЯ!

О. Мой. Бог.

Руслан стащил с меня перчатку и надел кольцо на безымянный палец. Это все, что я запомнила с того волшебного прыжка. Потому что ни солнце, ни воздух вокруг. Ни земля, так стремительно приближающаяся к нам полосками черных лесопосадок в снегу. Ни ощущение невесомости. Ничего из этого не могло сравниться с предложением руки и сердца. В точности как я мечтала.

Он это сделал. Руслан осуществил мою мечту. И я была безумно счастлива.

— Выпускаю парашют! — крикнул Руслан.

И после этого нас резко потянуло вверх.

— У-У-У-Х-У-У-У-У!!!

Наш парашют раскрылся. Все прошло шикарно. Пускай коробочка где-то улетела, я потеряла не свою перчатку. Но какие же это ощущения — какой же неописуемый драйв меня окутывал в те минуты. Когда любимый мужчина прижимает тебя к себе. Он — твоя стена за спиной, твой надежный тыл. Твой поводырь. Твоя крепость. Твоя мечта и твоя судьба.

Мы опускались и метили прямо в сугробы. Спасибо погоде — всю неделю падал снег, так что мы очень мягко врезались в землю. Под ногами распластались километры пушистой ваты. Она забрасывала рыхлым снегом, набивалась за шиворот и резала холодом лицо. Но я была счастлива, я смеялась. Я плакала. Я целовала его губы и не могла остановиться. Такого для меня еще никто не делал. В то время как уже казалось, будто жизнь закончена и мечты никогда к тебе не вернуться — он доказал обратное. Моя жизнь, судя по всему, только-только начиналась. И начало было волшебным.

— Ты цела?!

— Цела!

— Никаких травм — ушибов, вывихов?! — проверял меня Руслан на предмет отклонений.

Но я лежала в мягком снегу и не сводила глаз с руки. Где был посиневший от холода пальчик. Безымянный пальчик — и на нем венчальное колечко. Боже, ну какая красота.

Похоже, я сменила свое мнение об украшениях. Потому что это колечко с бриллиантиком мне точно нравилось. Оно было божественно.

— Только голова, — ответила я. — И у меня, похоже, что-то с глазами.

Руслан испугался и стал тщательно меня осматривать. Снял с меня шлем и маску. Но ничего, разумеется, не обнаружил.

— Так а что с головой?!

— Она у меня кружится... Ты мне вскружил голову, Когут... — Я валялась в сугробе и странно хихикала. Как будто не в себе. — Мне кажется, что я сошла с ума. И моя голова идет кругом.

— Пф... — рассмеялся Руслан. — Ну ты меня и напугала.

— А ты меня, думаешь, не напугал — когда достал ту коробочку? Где ты ее вообще держал?

— В специальном кармане. На молнии. Очень переживал, чтобы не выронить. А то бы нелепо получилось.

— У меня, ей богу, что-то с глазами. Смотрю на палец — и вижу там кольцо. Скажи, это ты мне его надел или я в бреду?

Он опустил на колени. Накрыл меня своим телом. И нежно притронулся к губам своими губами. Мы поцеловались. Первый раз после предложения. Как же это было сладко.

— Так ты согласна?

— Да, — говорила я в перерывах между поцелуями, — да... да... да... И еще две тысячи раз "да", Руслан. Я так тебя люблю...

Мы как будто оказались в раю. Лежали на чистых облаках. И смотрели тоже на облака. Теперь я понимаю, почему было важно проснуться в такую рань. Небо оказалось безумно красивым в это время. Я себе даже не представляла, что такое возможно прочувствовать. Хотелось так валяться вечно. Никуда не идти, не подниматься, ни о чем не переживать. Тем более что я и не могла сама передвигаться. А лежать в таком месте мне еще не приходилось. Непередаваемые ощущения.

— Ну ладно, — поднимался Руслан на ноги. — Пора нам выбираться отсюда. Видишь — вон лесопосадка. За этим полем. После нее идет дорога. Там нас подберут и отвезут на базу. Мы переоденемся в торжественную одежду, а затем отпразднуем все в ресторане. Ты ведь не против, что я забронировал нам столик?

— Нет, — мотала я головой, все так же лежа в сугробе. — Не против... Но до той лесопосадки метров пятьсот. Как же мы...

— Я просто возьму тебя на руки, — ответил он привычными словами. И я сразу же вспомнила, как у нас все начиналось. — Возьму и отнесу.

Руслан поднял меня с земли и прижал к себе. Я снова слушала сердцебиение. И снова грела онемевшие пальцы — держалась ими за шею. И было странно чувствовать там это колечко.

А он меня все нес и нес. Пока лучи восходящего солнца отбивались от снежного наста. Руслан не пасовал, он не был слабаком. Он был невероятным мужчиной. И по какой-то неведомой для меня причине он достался именно мне. Почему? Неужели это плата за испытания?

В этот раз я понимала, что смогу насладиться его запахом, его дыханием, его движениями снова. Я привыкала к душевному покою. Привыкала к постоянству. Привыкала к своей новой роли. Ведь отныне я не просто его женщина — отныне я невеста. И жена.

Эпилог

Тома

Вскоре после прыжка мы и правда поженились. Я впервые в своей жизни выбралась за пределы страны — наш медовый месяц прошел на Бали. Но лететь самолетом было уже не страшно. После того, что я пережила в день предложения...

Словом, все закончилось хорошо в нашей истории. Я второй раз вышла замуж, и мой новый супруг был примерно в миллион раз лучше предыдущего. Рома все же пригласил свою девочку на танцевальный бал, и Лиза согласилась. Чудеса происходили не только у меня. У Ромы теперь была дама сердца, появился прекрасный отец. И бабушка.

Конечно, мне было страшно знакомиться со свекровью. Я много слышала о ней от Руслана. Отлично понимала, как высоко мамы ценят своих сыновей. Не понаслышке, скажем так. Но Антонина Степановна оказалась чудесной женщиной. Да, после первого раза бедолагу пришлось откачивать валерьянкой. Но она быстро смирилась с тем, что Руслан меня выбрал по зову сердца, и я его не опоила приворотным зельем. Это была самая настоящая любовь. Обоюдные чувства с обеих сторон.

Ну а когда я снова забеременела и родила девочку... Антонина Степановна окончательно успокоилась. Теперь у нее было сразу двое внуков. Причем младшую назвали Тоней — в честь любимой бабушки. Впрочем, это не означало, что я лежала, вся обложенная подушками, под райскими опахалами. Пускай родила я через кесарево, а не естественным путем (на то я имела веские причины — в прошлый раз анестезия кончилась катастрофой) — впереди меня ждала долгая, изнурительная, но все же эффективная терапия.

В общем... Благодаря Руслану я поверила, что смогу. Смогу опять подняться на ноги. Или хотя бы почувствовать свои нижние конечности. Сперва это казалось нелепостью и бредом — настолько сильно я привыкла к сидячему образу жизни. Казалось, что уже никогда ничего не изменится. Но Рома так сильно хотел увидеть, как мама ходит на своих двоих. Да и малышка Тоня. Пройдет еще каких-то пару лет — и она начнет замечать, что это только ее собственная мама не может сделать элементарного. Не может подняться со стула и сделать хотя бы шаг.

Поэтому я заручилась поддержкой родных, записалась на комплексную программу и прошла ее полный курс за год и два месяца. Результат оказался впечатляющим. Ведь уже через полгода процедур я стала чувствовать отдельные мышцы, училась сокращать их тогда, когда хочу сама. Руслан старался как мог, и это давало плоды. Спустя год я уже шевелила стопами, могла сгибать половину пальцев на ногах. И вот наконец-то свершилось — я снова пошла.

Естественно, "пошла" — это слишком громкое слово для того, что я сумела сделать. Я просто начала делать шаги. Очень маленькие, слабые. Опираясь руками на ходунки. Но все же я смогла, я преодолела свой недуг. И снова начала ходить. Со слезами на глазах, после стольких бессонных ночей и мучений — я снова возвращалась к полноценной жизни. Благодаря Руслану.

Как оказалось, мой позвоночник не был полностью разрушен. В результате плохо проведенной анестезии возникла сильная опухоль — нервные каналы спинного мозга повредились и как будто впали в кому. Как выразился опытный израильский врач, мои нейроны пребывали в спячке после сильного нокаута. Сперва они просто не могли работать,

временно не были способны передавать импульсы от головного мозга к ногам. Но затем, когда воспаление прошло, нервы просто утратили свою способность. Они впади в анабиоз и все эти десять лет дремали. Крепко спали в ожидании пробуждения. И мы смогли это сделать. Не я одна, конечно. Но с поддержкой Ромы, Руслана, даже его матери я сумела выбраться из волчьей ямы.

Когда я не верила, что это возможно, и теряла мотивацию — я думала о Тоне. Представляла, как мы вместе ходим ножками. Гуляем по парку. Даже бегаем, гоня голубей. Все это стало мощным мотиватором. Стало неиссякаемым источником вдохновения.

Я иду с ходунками благодаря им всем — благодаря своей семье. И я сделала это ради них, ради своей семьи. И теперь я по-настоящему счастлива.

А Денис — он потом как-нибудь обязательно меня увидит без инвалидного кресла. И будет жалеть. Так ему и надо.

Больше книг на сайте - Knigoed.net